

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
УДМУРТСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН

Русских Татьяна Николаевна

Виды коммуникаций в поведенческих практиках
современных удмуртов

Специальность 07.00.07. – этнография, этнология, антропология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук
Никитина Галина Аркадьевна

Ижевск 2012

Содержание

Введение	3 – 36
 Глава 1. Научно-теоретические основы исследования коммуникативного поведения.....	37 – 78
§1. Коммуникативное поведение в рамках этнологических и антропологических теорий.....	37 – 45
§2. Семиотические аспекты коммуникации	45 – 53
§3. Коммуникативное поведение в контексте психологических исследований	54 – 68
§4. Коммуникация в концепции символического интеракционизма.....	68-70
§5. Лингвистический подход к изучению коммуникативного поведения	71-78
 Глава 2. Вербальная коммуникация удмуртов.....	79-137
§1. Ситуативная модель описания удмуртского коммуникативного поведения	80-110
§2. Инвектива как способ выражения агрессии	110-121
§3. Анализ вербальной семантики методом семантического дифференциала.....	121-137
 Глава 3. Невербальные способы коммуникации.....	138-185
§1. Виды знаков в удмуртском коммуникативном поведении.....	138-155
§2. Социальный символизм и симптомы удмуртской коммуникации	15-165
§3. Ситуативная модель описания невербального коммуникативного поведения удмуртов	165-185
 Заключение	186-192
Список использованных источников и литературы	193-207
Приложения.....	208-221

ВВЕДЕНИЕ

Знаковые особенности языка обусловлены особенностями развития этноса. В зависимости от менталитета, культурных, мифологических представлений и других факторов формируется его символическая сфера, в которой представители этноса общаются и понимают друг друга. Как нет в мире двух совершенно одинаковых людей, так нет и одинаковых этносов, каждый из них индивидуален и неповторим. А это значит, что уникален и неповторим его язык, символы, семантика вербального и невербального поведения. Порой интерпретация тех или иных знаковых систем может совпадать, но это бывает очень редко. Чаще же происходит так, что одна и та же знаковая система в разных этнических культурах может нести в себе совершенно противоположное значение: если в одной она пронизана положительным зарядом и призвана возвеличить человека, то в другой может быть направлена на его унижение, подчёркивание отрицательных черт характера.

В свете сказанного проблема изучения особенностей коммуникации различных народов приобретает актуальный характер, тем более она важна для России как полиэтнической, поликонфессиональной страны, где едва ли не ежедневно и даже ежечасно происходит контакт между представителями разных народов, порой – вне зависимости от их желания. Сегодня любому нашему современнику очевидна насущная необходимость понимания глубинных факторов, влияющих на возможность диалога в среде, характеризующейся разнообразием культур и этнических конфликтов.

Существующие ныне межэтнические и иные разногласия возникают по различным причинам, чаще всего – социально-экономическим, но поводом к переходу от предконфликтной стадии к конфликтной порой может стать обыкновенное непонимание: неправильно употребленное или неверно понятое слово. Многочисленные конфликты современности вызывают тревогу и беспокойство среди представителей разнообразных этносов. Причины этого, помимо всего прочего, часто кроются в отсутствии опыта межэтнической

коммуникации, незнании этнической специфики вербального и невербального поведения.

Таким образом, **актуальность** заключается в том, что усвоение информации, передаваемой посредством знаковых систем, адекватное её восприятие во многом зависит от умения интерпретировать эти знаковые системы. Все они несут на себе отпечаток этнической культуры, ценностных ориентаций, особенностей картины мира. В связи с этим проблема создания условий, способствующих конструктивному межкультурному взаимодействию, взаимному пониманию этнической специфики, правильной интерпретации знаковых систем в жизни современных народов приобретает особо важное значение.

Объектом настоящего исследования является современный удмуртский этнос, **предметом** – виды коммуникаций в поведенческих практиках современных удмуртов. Под основными видами коммуникаций понимаются внутри- и межкультурные коммуникации, которые проявляются в вербальной и невербальной форме.

Под вербальной коммуникацией понимается совокупность норм и традиций общения, связанных с речевым оформлением, тематикой и особенностями организации общения в определенных коммуникативных условиях. Невербальная коммуникация представляет собой совокупность норм и традиций, регламентирующих требования к используемым в процессе общения невербальным сигналам (жестам, мимике, взглядам, позам, физическому контакту в ходе общения и т.д.)¹.

Хронологические рамки охватывают первое десятилетие XXI в. Верхний временной рубеж обусловлен накоплением необходимого комплекса репрезентативных источников, собранных методами этнографии, этносоциологии, психосемантики и социолингвистики.

Нижняя временная рамка объясняется началом разработки заявленной проблематики, что, однако, не исключает обращения к более ранним истори-

¹ Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 43.

ческим периодам. Так, воспоминания большинства респондентов старших возрастных когорт связаны с советскими годами их жизненных историй, а вопросы выявления истоков, эволюции внутри- и межэтнических вербальных и невербальных коммуникаций удмуртов делали необходимым обращение к опубликованным источникам XVIII – XIX вв., а также к трудам предшественников, в той или иной степени затрагивавших предмет исследования данной диссертации.

Территориальные рамки исследования охватывают 11 районов Удмуртской Республики, в том числе северные – Глазовский, Базинский, Кезский, центральные – Якшур-Бодьинский, Дебёсский, Игринский, южные – Малопургинский, Можгинский, Алнашский, Вавожский и Увинский районы, а также города Глазов, Ижевск, Можга. Данная выборка районов и городов обусловлена стремлением выявить особенности коммуникативного поведения основных групп удмуртов (северных и южных), как селян, так и городских жителей.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей внутри- и межэтнической вербальной и невербальной коммуникации в поведенческих практиках современных удмуртов.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

- проанализировать теоретические подходы к изучению коммуникативных процессов в этнологии и смежных с ней научных дисциплинах;
- выявить особенности вербальных символов и на их основе рассмотреть стереотипные представления современных удмуртов;
- охарактеризовать особенности невербальной коммуникации удмуртов, выявить специфические жесты и мимику, используемые в процессе общения.
- составить ситуативную модель описания внутри- и межэтнического вербального и невербального поведения удмуртов.

Проблема межэтнической коммуникации стала объектом изучения многих наук и не одного поколения учёных (см. об этом подробнее в I-ой

главе). **Историография** удмуртов по данной проблематике не располагает сколько-нибудь полными, систематизированными исследованиями культуры вербального и невербального их поведения. Практически отсутствуют какие-либо школы или узкие специалисты в рамках изучения удмуртской коммуникативной культуры. В нашем распоряжении имеются в основном общие эмпирические замечания отдельных авторов, вплетённые в рамки традиционных этнографических исследований. В то же время нельзя отрицать наличия научных трудов, обладающих достаточной научной достоверностью, широким кругозором и глубиной, позволяющих делать объективные выводы о специфике внутри- и межэтнических коммуникаций удмуртов.

Дореволюционные исследователи не ставили перед собой специальную задачу описать коммуникативное поведение удмуртов, но в рамках своих исследований всё же не обходили эту тему. Чаще всего они раскрывали её сквозь призму национального характера.

Так, Г.Ф. Миллер, российский учёный немецкого происхождения охарактеризовал удмуртов (преимущественно южных) как народ со слабым умственным развитием, невежественный, упрямый, склонный к порокам². Столь нелестное мнение исследователя по-видимому можно объяснить тем, что будучи европейцем клерикального воспитания он отрицательно отнёсся к традициям и обычаям, выходившим за рамки его религиозной морали, ценностей западного общества.

К концу XVIII в. сложился традиционный набор черт национального характера, который упоминался в описаниях большинства авторов. Н.П. Рычков отзывался об удмуртах как о приветливых, дружелюбных, благочестивых и гостеприимных³. П.С. Паллас отметил их веселый нрав и проворство⁴. И.Г. Георги в своем «Описании ...» выделил в удмуртах такие качества их характера, как честность, миролюбие, гостеприимность, робость. Наиболее распространен-

² Миллер Г.Ф. Описание трех языческих народов в Казанской губернии. СПб.: Императорская академия наук, 1756. С. 43-44.

³ Рычков Н.П. Журнал или путевые записки 1769-1770. СПб, 1770. С. 164-165.

⁴ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Часть III, половина II. СПб.: Императорская Академия наук, 1778. С. 30.

ным жестом в коммуникативном поведении народа, по его словам, является рукопожатие, сопровождаемое фразой «здравствуй», наименее распространённым – поцелуй. Очень часто женщины заменяют его в процессе приветствия похлопыванием обеими руками по плечам собеседника. При конфликтах используют бранные слова «скитающееся стерво», «бестолковый бес», а также проклятье «чёрт тебя возьми». В общении с представителями других этносов автор подчёркивает их замкнутость, которая заставляет избегать частой межкультурной коммуникации⁵.

М. Бух, в течение трёх лет проработавший врачом на Ижевском оружейном заводе, свои наблюдения за удмуртами изложил в монографии «Вотяки». По его мнению, удмурты дружелюбны, миролюбивы, флегматичны, на вопросы отвечают медленно. В большинстве случаев от межэтнической коммуникации отклоняются, благодаря чему сохраняют свою национальную самобытность⁶.

Сюжеты о некоторых особенностях коммуникативного поведения удмуртов встречаются в статьях разных авторов (в том числе анонимных), напечатанных в Вятских губернских ведомостях XIX – начала XX века. Описывая нравы, характер удмуртов, авторы отмечают их лаконичность в выражении своих мыслей и чувств, так как в удмуртском обществе не принято много говорить, болтливые люди здесь не пользуются уважением, таких называют «куштон», то есть «бросовый», негодный для жизни в обществе человек. Удмурты любят комплименты и похвалу, обращённые в их адрес. Именно они становятся огромным стимулом, способным заставить их сделать любое дело. Этих людей очень трудно вывести из себя, но вместе с тем как взрослые, так и дети очень обидчивы и мстительны⁷. Подчёркивается также флегматичность, медлительность, неторопливость удмуртов. Даже в ситуации, требующей быстрых действий, они не будут спешить⁸.

⁵ Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. I. СПб., 1776. С. 56, 58.

⁶ Бух М. Вотяки / Пер. А.Н. Маркин. Гельсингфорс, 1882. С. 29-31.

⁷ Кибардин Н.В. Вотяки как предмет исследования // Вятские губернские ведомости (далее ВГВ). 1897. № 84. С. 5, 7.

⁸ Вотяки // ВГВ. 1859. № 32. С. 218.

Удмурты, по словам авторов, мало эмоциональны, очень сдержанны: они никогда не покажут весело им или грустно, не будут роптать на свою судьбу⁹. Лишь только аффекты могут пробудить коммуникативную эмоциональность, и тогда в их поведении проявляется вся палитра эмоций от криков восторга до хохота. Кроме того, аффекты могут стать причиной использования невербальных способов коммуникативного взаимодействия. Так, при сильном чувстве неловкости, стеснении удмурт «напрягает все свои силы, переступает с ноги на ногу, покачивается, вытягивает вперёд руки, точно нужное ему слово хочет поймать...». Отмечаются особенности поведения удмурта в момент, когда ему необходимо что-либо попросить у собеседника. Начинает всегда издали: вначале постоит молча, потом заговорит на посторонние темы, и лишь только убедившись, что собеседник хорошо расположен к нему, перейдёт к делу¹⁰. При этом он может прибегнуть к следующей невербальной тактике: займёт скромное место, обычно какой-либо угол, или встанет недалеко от порога и будет стоять, уходить и опять возвращаться.

Выражая негативные эмоции, удмурты, в отличие от русских, не прибегают к сквернословию, но активно используют разнообразные проклятия в адрес обидчика: «Чтобы леший унёс тебя», «чтобы собака съела твою голову». С целью нанесения оскорбления собеседнику (как правило, представителю другого народа) прибегают к прозвищам. Так, русских они обзывали: «*паськыт чырты*» (горлодёр), «*бадһым ќт*» (большое брюхо), «*пуны*» (собака) и т.д.¹¹.

Подчёркивается склонность удмуртов ко лжи, общему лжесвидетельству особенно в отношении человека, который им неприятен (в качестве таких часто выступали сотники, капитаны-исправники и т.д.). Один из анонимных исследователей отмечает, что из-за ложных показаний удмуртов пострадало немало невинных людей, в результате чего сами удмурты сложили

⁹ Вотяки // ВГВ. 1884. № 101. С. 3.

¹⁰ Кибардин Н.В. Указ. соч. // ВГВ. 1897. №№ 84, 85. С. 5.

¹¹ Там же // ВГВ. 1897. №84. С. 5.

о себе присказку: «Мы вотяки, нам верят!»¹². Данный факт можно интерпретировать как свидетельство о внутренней сплоченности удмуртов, единодушия и взаимовыручки в противостоянии с внешней средой¹³.

Удмурты, привыкшие к общению с узким кругом людей, при незнакомцах замыкаются, становятся скрытными, на все вопросы отвечают одной фразой: «*Ук тоцке*» (не понимаю)¹⁴. Посторонними данное поведение оценивается как чрезвычайно скрытное, озлобленное, недоверчивое, двуличное. И в то же время подчёркивается их миролюбие, нерушимость дружественных отношений внутри семьи, деревни. Описываются и особенности коммуникативного поведения в зависимости от места проживания. Так, отмечается, что малмыжско-сарапульские удмурты более робки и просты, по сравнению с другими удмуртами, русских они «не чуждаются, а татар боятся и не любят»¹⁵. В этом они схожи с глазовско-сарапульскими удмуртами, которые не только внешне очень похожи на русских, но и расположены к ним в общении, предпочитают общаться на русском языке. Что касается елабужских удмуртов, они русских не любят, пугают ими своих маленьких детей: «*Зһбыт! Дзюч пыриз*» (Смирно! Русский зашёл!)¹⁶. С татарами же, своими ближайшими соседями, легко находят общий язык, ведут совместное хозяйство и даже перенимают черты коммуникативного поведения, ни в чём не уступая им¹⁷.

Выделяя особенности поведения удмуртов в рамках межэтнической коммуникации, авторы отмечают их уживчивость, хотя при этом, по их словам, «остаются замкнутыми и обособленными». При общении придерживаются негласного правила: «Будь сам добр, так и другие будут к тебе добры», а потому иногда бывает достаточно одного ласково сказанного слова «*уро-мушко!*» (тат. – «дружочек»), чтобы расположить его к себе¹⁸.

¹² Вотяки // ВГВ. 1859. №32. С. 218.

¹³ Бух М. Указ. соч. С. 30.

¹⁴ Кибардин Н. В. Указ. соч. // ВГВ. 1897. № 85. С. 5.

¹⁵ Вотяки // ВГВ. 1859. № 32. С. 217-218.

¹⁶ Кибардин Н.В. Указ.соч. С. 5.

¹⁷ Вотяки // ВГВ. 1859. № 32. С. 217, 218.

¹⁸ Вятские вотяки. // ВГВ. 1861. №11. С. 103.

В.С. Кошурников, описывая быт удмуртов, также затрагивает национальный характер, отмечая в нем сильные стороны (кротость, дружелюбность, отзывчивость) и слабые (гордость, эгоизм, скрытность, хитрость, скупость). Проявление негативных черт удмуртского характера исследователь связывает с заселением близлежащих территорий русскими и татарами. Угнетение, которое удмурты испытывали со стороны этих народов, вынудило их, по мнению автора, похоронить чистосердечие и искренность под маской хитрости и лукавства¹⁹.

В течение полу столетия изучением жизни и быта удмуртов занимался Г.Е. Верещагин. Им был проделан колоссальный труд на этом поприще, собран ценнейший фонд оригинальной информации, на основе которой подготовлены монографии «Вотяки Сосновского края», «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии» и множество статей. Работы исследователя представляют для нас большой интерес, так как содержат в себе ценную информацию о коммуникативном поведении, принятом в удмуртском обществе.

Согласно Г.Е. Верещагину, удмурты – народ миролюбивый, спокойный. Они тихи, терпеливы, живут между собой дружно, без ссор, драк и скандалов в мире и согласии. В качестве наиболее выдающихся черт в их коммуникативном поведении автор отмечает необыкновенную робость, сдержанность, скрытность в выражении чувств. Свободно и даже дерзко удмурты ведут себя лишь в состоянии алкогольного опьянения, в остальных же ситуациях молча, смиренно терпят, стоически преодолевая все невзгоды. Именно эти качества послужили основой поговорки, которую придумали русские об удмуртах «Вотyak труслив, как заяц, смел, как волк». Несмотря на терпеливость, удмурты очень обидчивы, жаловаться они начинают тогда, когда обида кажется для них чувствительной. Во взаимоотношениях мужчин и женщин исследователь отмечает равноправие, дружелюбность. Что касается отношений между старшим и младшим поколениями, подчёркивается, что молодёжь всегда уважительно относится к старшим. Поскольку в детях с

¹⁹ Кошурников В.С. Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Казань, 1880. С. 38-42.

детства воспитывают приверженность к тихой, спокойной жизни, они считают пороком всё то, что нарушает её, а потому стараются быть тихими и кроткими.²⁰

Г.Е. Верещагин выделил и особенности удмуртской коммуникации в обрядовой сфере. Так, некоторые жертвоприношения предполагали избегания прохожих, приветствия были нежелательными, считалось, что они могли нанести вред²¹. Отметил исследователь и особенности удмуртской походки: «...Ходят тихо, наклонившись несколько вперёд, смотрят в землю, как будто ищут потерянное, и оглядываются, подобно зайцу, напуганному шорохом в лесу»²². В ситуации межэтнической коммуникации, особенно в обществе русских, удмурты чаще всего молчат, держатся обособленно.

Упоминание о межэтнической коммуникации встречается и в работах Н.Г. Первухина. Так, в одном из «Эскизов» автор приводит характеристику северных удмуртов с точки зрения русских как о красноречивых собеседниках, склонных к поэзии, смелых и в то же время нахальных²³. Отношения удмуртов с татарами исследователь считает не очень хорошими, объясняя это зависимостью удмуртов от последних, которые угнетали и унижали их, в связи с чем удмурты даже вынуждены были обратиться за помощью к русским²⁴.

В.М. Бехтерев подчёркивал робость, скрытность удмуртов, их стремление уклониться от контактов с русскими и татарами²⁵.

П.М. Богаевский выделял две модели поведения удмуртов. В отношениях с посторонними, малознакомыми людьми удмурты скрытны, подозрительны, в кругу же своей семьи – откровенны и веселы²⁶.

²⁰ Верещагин Г.Е. Вотяки Сосновского края. Собрание сочинений в 6т. Т.1. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. С. 20, 23, 39.

²¹ Верещагин Г.Е. Старые обычаи и верования вотяков Глазовского уезда. Собрание сочинений в 6 т. Т. 3. Кн. 1. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. С. 213.

²² Там же. С. 47, 19.

²³ Первухин Н.Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз III. Вятка: Издательство губернского статистического комитета, 1880. С. 11.

²⁴ Легенда о владычестве татар // Первухин Н. Г. Указ.соч. Эскизы III – IV. С. 17.

²⁵ Бехтерев В.М. Вотяки их история и современное состояние: Бытовые и этнографические очерки // Вестник Европы. 1880. Т.4, ч. 7-8. С. 642.

Профессор Казанского университета И.Н. Смирнов в своей монографии «Вотяки» отмечает такую черту народа как доверчивость в сочетании с чрезмерной подозрительностью. Они терпеливы, равнодушны, флегматичны и бесстрастны. Лишь одна эмоция, по словам автора, выражается у них наиболее ярко – «страх перед началом говорить». Они очень альтруистичны, но только «в пределах своего рода или племени»²⁷.

В одной из работ историка П.Н. Луппова тоже есть упоминание о коммуникативных отношениях удмуртов и русских, которые характеризуются как отношения близости и доверия. Удмурты, по мнению ученого, настолько доверяли этому народу, что добровольно избирали их к себе в учителя²⁸.

В.А. Максимов вслед за И.Н. Смирновым подчеркнул чрезмерную медлительность и неповоротливость в действиях удмуртов, из-за чего любое дело у них идёт гораздо медленнее, чем у народов, проживающих по соседству. От нехватки знаний и отсутствия критического отношения к окружающему миру происходит их легковёрность. К этим чертам автор добавляет замкнутость, настойчивость, упрямство, миролюбие, робость, боязливость, молчаливость народа²⁹.

На основе анализа удмуртских песен подчеркивает боязливость и молчаливость удмуртов К.П. Герд. Он, как и большинство авторов, отмечает, что замкнуты удмурты лишь в русской среде, а среди своих они раскрываются подобно «тысячелепестковому цветку»³⁰.

²⁶ Богаевский П.М. Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Выпуск III. М., 1888. С.14-15.

²⁷ Смирнов И.Н. Вотяки. Монография. Посвящается императорскому московскому археологическому обществу. Казань, 1890. С. 252, 258.

²⁸ Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. Вятка, 1901. С. 261.

²⁹ Максимов В.А. Вотяки. Краткий историко-этнографический очерк. Ижевск: Удкнига, 1925. С. 18, 19.

³⁰ Герд К.П. Вотьяк в своих песнях. Гл. 1. Песни о песнях // Вотяки. Сборник по вопросам экономики, быта и культуры вотяков. Кн. 1. М.: Центральное Издательство Народов Союза С. С. Р., 1926. С. 18-19.

М.И. Ильин описал коммуникативное поведение удмуртов при прощании с больным, находящимся в предсмертном состоянии, а также особенности коммуникации во время поминальной трапезы³¹.

Несколько особняком стоят работы В.П. Налимова, известного коми этнографа и одного из основателей отечественного финно-угроведения. Он не просто описывал особенности национального характера, влияющие на коммуникативное поведение удмуртов, но и пытался выяснить причины их появления. Исследователь подчёркивает подозрительность и недоверие удмуртов по отношению к незнакомым людям, объясняя это частыми злоупотреблениями администрации и духовенства. Поведение удмуртов-интеллигентов он сравнивает с поведением молодой гимназистки: они держатся с достоинством, но при этом пугливо оглядываются по сторонам, опасаясь допустить ошибку. Они достаточно осторожны, пытаются избегать однозначных оценочных суждений и излишней эмоциональности³².

Таким образом, краткие психологические характеристики удмуртов, которые оказывали влияние на процессы коммуникации, впервые были упомянуты в конце XVIII в. участниками академических экспедиций, а далее нашли отражение в трудах исследователей XIX века.

Необходимо отметить, что в трудах авторов второй половины XIX в. удмурты всё чаще характеризуются как народ с низкой нравственностью, робкий, скрытный, недоверчивый и замкнутый, легкомысленный, упрямый, с недостаточным, по сравнению с другими народами, умственным развитием. Вместо отмечавшегося ранее проворства в описаниях появляются такие черты, как вялость в движениях и неповоротливость. Отношение к другим народам чаще описывается как недоверчивое, скрытное, боязливое и замкнутое. В.С. Кошурников, Г.Е. Верещагин отмечают, что одни свойства характера удмуртов прогрессировали в ущерб другим, что из многих своих психологи-

³¹ Ильин М.И. Похороны и поминки вотяков Белебеевского района Башреспублики // Вотяки. Сборник по вопросам экономики, быта и культуры вотяков. Кн. 1. М.: Центральное Издательство Народов Союза С. С. Р., 1926. С. 64, 66.

³² Отчет этнографической экспедиции за 1926 г // Налимов В. П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. Ижевск-Сыктывкар, 2010. С. 187, 236, 196.

ческих черт они развили только одно упрямство, настойчивость, недоверие к чужим народам. Данная тенденция во многом объясняется субъективизмом авторов. Известно, что при описании чужих народов сначала выделяются самые необычные явления, безотносительно того, к каким аспектам жизни они относятся, при этом они часто абсолютизируются как несовершенные, а потому неприемлемые³³. Исследователи были далеки от изучаемого народа, а потому часто делали выводы, исходя из собственных ценностных ориентаций, первого впечатления, которое зачастую оказывалось обманчивым, фиксировали лишь внешние формы явлений, не пытаясь проникнуть в их сущность. Даже, Г.Е. Верещагин, удмурт по национальности, проживший среди изучаемого народа всю жизнь, осуждал отдельные традиции, поскольку подходил к их оценке с позиции христианской морали и стороннего наблюдателя. Необходимо помнить и о том, что вторая половина XIX в. – это период проникновения в удмуртскую среду капитализма, формирования рыночных отношений, эрозии традиционных устоев, а также интенсивного расселения русских в пределах удмуртских общин, что привело к обострению социально-экономических отношений, а, следовательно, и к замедлению процесса естественного сближения русских и удмуртов.

В работах авторов 20-х гг. XX в. оценка психологических черт удмуртов практически не меняется. Связано это с тем, что они опирались на труды дореволюционных авторов без должного их анализа. Пожалуй, лишь В.П. Налимов и К.П. Герд отнеслись к взглядам своих предшественников критически, пытаясь выявить причины особенностей удмуртской коммуникации.

В современных исследованиях коммуникативное поведение удмуртов освещается сквозь призму системного подхода к изучению этноса (В.В. Пименов), их религиозно-мифологической картины мира (В.Е. Владыкин, К.И. Куликов, М.Г. Иванова, Т.Г. Владыкина), особенностей обрядов (Л.С. Христолюбова), народной педагогики (Г.А. Никитина), особенностей менталите-

³³ Шкляев Г.К. Очерки этнической психологии удмуртов: Монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. С. 18-19.

та (А.Н. Петров). Вербальные символы рассматриваются также в рамках филологических (Д.И. Арбатский, Г.Н. Лесникова, С.Ф. Васильев, В.Л. Шибанов, Т.Р. Зверева) и этнопсихологических исследований (Г.К. Шкляев, И.П. Поздеева, Е.Я. Трофимова, В.И. Троянов, В.Ю. Хотинец), с точки зрения философии (Ф.П. Пукроков, А.Г. Красильников).

В монографическом исследовании В.В. Пименова межэтническая коммуникация выступает в качестве одного из анализируемых им компонентов этноса. Автор отмечает, что в удмуртах прослеживается противоречивость проективного и реального поведения. Так, проективное поведение удмуртов свидетельствует о том, что любые контакты, обмены и взаимодействия межэтнического характера получают положительную оценку. В реальном же поведении, несмотря на наметившуюся тенденцию к определенному межэтническому сближению, удмурты отдают предпочтение коммуникативным контактам с представителями своего этноса³⁴.

По мнению В.Е. Владыкина, все символы, в том числе используемые удмуртами в рамках коммуникации, а также само коммуникативное поведение, имеют религиозно-мифологическую первооснову. Изначально все представления строились на основе семантического противопоставления, через бинарные оппозиции. Во всём этом «реализовывалась эволюция сознания, ассоциированного с дуально-родовым разделением общества, своего и чужого коллектива, древней антитезой «мы – они», дома как очеловеченного доброго пространства и противостоящего ему мира дикой природы»³⁵.

Постепенно бинарные противопоставления стали соотноситься с понятием «центр мироздания», и появляется ещё более сложная структура, нашедшая свое отображение в триаде верховных божеств *Инмар – Куазь – Кылдысин*. Кроме того, В.Е. Владыкин отмечает устойчивую связь между семантикой вербального поведения и семантикой предметного мира, который окружает удмуртов. Таким образом, делает вывод исследователь, символика

³⁴ Пименов В.В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977. С. 206 – 208.

³⁵ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. С. 65.

удмуртской культуры уходит своими корнями в религиозно-мифологическую картину мира, так как с её формированием у народа чётко закрепляется основная система образов и символов. Например, триада верховных божеств накладывает отпечаток не только на представления о мире, но и наделяет число «три» магическими свойствами. В коммуникативном поведении это легко можно проследить на примере магических жестов (три раза перекреститься, три раза плюнуть через левое плечо). Символом верхнего мира является солнце, которое, в свою очередь, находит воплощение в каравае (он круглый) и масле (оно жёлтое). Именно поэтому в вербальной семантике очень часто встречаются обозначения солнца (например, клятва солнцем – *шунды понна*) и хлеба (о надёжном человеке, друге говорят *њег нянь кадь* букв.: как ржаной хлеб, в смысле – надёжен, верен, добр).

Отпечаток особенностей коммуникативного поведения несут на себе ритуальные молитвы, клятвы. Автор отмечает, что в удмуртских заклинаниях-куриськонах отсутствует мотив активного переустройства социальных отношений, но всячески подчёркивается смирение, готовность подчиниться существующим порядкам, стремление избежать конфликтных ситуаций и сохранить социальный мир, «добрые отношения с добрыми людьми», положительную репутацию в глазах односельчан³⁶. Трепетное, уважительное отношение к старшему поколению, предкам, которое характеризует современное удмуртское коммуникативное поведение, уходит своими корнями к древним обрядам-жертвоприношениям «*йыр-пыд сётон*». Древние удмурты верили, что без благорасположения и покровительства старшего поколения невозможно предпринять ничего серьезного в жизни, в связи с чем было очень важно сохранить память о своих прародителях и преемственность между поколениями. Потому не было клятвы сильнее, чем клятва своими умершими предками, которых они боялись и всячески почитали³⁷.

³⁶ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира ... С. 305-307.

³⁷ Там же. С. 152, 309-310.

К.И. Куликов и М.Г. Иванова в совместной работе «Семантика символов и образов древнеудмуртского искусства» также интерпретируют символы посредством религиозно-мифологической картины мира, но несколько в другом аспекте. Авторы попытались раскрыть глубокий мир древнеудмуртской семиотики с помощью смыслового значения археологических предметов, найденных при раскопках. Археологи, обнаружив какие-либо артефакты, обычно пытаются раскрыть их утилитарное значение и материал, из которого они изготовлены, хотя одновременно эти предметы несут в себе и информацию о мировоззрении древнего человека³⁸.

Изучение семиотики древних символов и образов помогает пролить свет на особенности коммуникативного поведения современного человека. «Символы умолкнувших веков раскрывают свои тайны и становятся знаками нашего бытия и мироощущения», – утверждают исследователи³⁹. Так, феномен социального символизма (например, возможность судить о материальном достатке человека по его одежде, украшениям) восходит к древней традиции удмуртов, когда по вышивке костюмного комплекса можно было определить возраст, социальный статус, семейное положение.

Т.Г. Владыкина охарактеризовала коммуникативное поведение удмуртов с точки зрения мифологии визуального и акустического. Вслед за Д. Кадаром, подчёркивающим тройную направленность уральских языков⁴⁰, автор говорит об иллюкативности языка, нюансы которого не могут определить не только представители иных культур, но и сами носители. Все эти особенности, по мнению исследователя, наиболее ярко проявляются в вербальных символах ритуальной коммуникации, анализ которых показал, что слово в удмуртской коммуникации имеет значение знаковой субстанции, порождающей различные виды иносказаний и заговорно-заклинательных жанров⁴¹.

³⁸ Куликов К.И., Иванова М. Г. Семантика символов и образов древнеудмуртского искусства. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 3-4.

³⁹ Там же. С. 4.

⁴⁰ Кадар Д. Контуры уральской философии. М.: Academia, 2006. С. 62.

⁴¹ Владыкина Т.Г. Мифология визуального и акустического в коммуникативном поведении удмуртов // Вестник Удмуртского университета. 2008. № 5-1. С. 82-83, 85.

Таким образом, семантика религиозно-мифологической картины мира удмуртов представлена исследователями в двух изучаемых аспектах: материальные знаки-символы (К.И. Куликов, М.Г. Иванова) и нематериальные знаки-символы (В.Е. Владыкин, Т.Г. Владыкина). Однако подчеркнем, что эти подходы к изучению проблемы тесно переплетаются друг с другом, так как рано или поздно и материальные, и нематериальные религиозно-мифологические представления находят свое воплощение в современной поведенческой культуре народа. Поэтому для полного и исчерпывающего понимания особенностей современной удмуртской коммуникации необходимо обращаться к древней религиозно-мифологической картине мира.

Семантика отдельных предметов рассматривается в тесном переплетении с обрядовым поведением. Обряды удмуртов – это тема, к которой обращалось не одно поколение учёных, но их исследования носят преимущественно описательный характер, интерпретация знаковых явлений и предметов, как правило, уходит на второй план. В своих исследованиях Л.С. Христолюбова осветила коммуникативное поведение удмуртов в обрядах⁴², а также выделила наиболее важные, символически насыщенные предметы удмуртской обрядности, каждый из которых несёт в себе двойную нагрузку. С одной стороны, они выполняют утилитарные функции, с другой – содержат глубокий сакральный смысл, раскрывающийся в процессе обряда. Например, подушка: на ней лежит голова во время сна, но она приобретает иной смысл, когда невесту приводят в первый раз в дом жениха и усаживают на неё. Здесь она становится символом благополучной жизни⁴³. Точно также в большинстве жестов заключён двойной смысл, например, плевки, с одной стороны, есть проявление физиологии человека, с другой – своеобразная попытка защиты от сглаза.

В 1993 г. вышла в свет коллективная монография «Удмурты: историко-этнографические очерки». В книге достаточно подробно исследованы чер-

⁴² Христолюбова Л.С. Семейные обряды удмуртов (традиции и процессы обновления). Ижевск: Удмуртия, 1984.

⁴³ Она же. Калык сямьёсты чакласа. Ижевск: Удмуртия, 1995. С. 165.

ты удмуртского национального характера, оказывающие влияние на межэтническую коммуникацию. В частности, её успешность во многом зависела от ценностных ориентаций в трудовой деятельности. Там, где контактирующие народы занимаются одними и теми же видами труда, имеют одинаковые по качеству уголья, схожий сельскохозяйственный инвентарь и т.д., меньше вероятностей и для возникновения межэтнического недружелюбия, что способствует конструктивному межэтническому взаимодействию⁴⁴.

Сквозь призму народной педагогики осветила коммуникативное поведение удмуртов Г.А. Никитина. Исследователь характеризует межвозрастные отношения удмуртов как доброжелательные, терпимые по отношению к проступкам друг друга (особенно терпимы взрослые по отношению к молодёжи). Коммуникативное поведение молодёжи во многом регулировалось социальным окружением – общиной, семьёй, друзьями. Причём, и юноши, и девушки усваивали разные модели поведения. Многое из того, что позволялось юношам, для девушек было под запретом. Ещё с детства им полагалось вести себя скромно, быть кроткими, не участвовать в мальчишеских играх.

Особые отношения складывались в рамках семьи. Муж и жена жили всегда тихо, мирно, в согласии. Грубый и откровенный произвол мужа в обращении с женой воспринимался как из ряда вон выходящее событие. Отношения между членами семьи были сдержанно-ласковые. Как бы мать ни любила своих детей, как бы муж ни любил свою жену, выставлять чувства на показ было не принято. С особым почтением и уважением относились к людям старшего возраста⁴⁵.

Дружеские отношения поддерживали удмурты с соседями, всеми близкими и дальними родственниками. В подтверждение своих слов автор приводит ряд мудрых народных высказываний, к примеру «*Иськавын-б'кляктэк улыны уг луы*» (Без родни и соседей не проживёшь)⁴⁶.

⁴⁴ Удмурты: историко-этнографические очерки/ научный ред. В.В. Пименов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. С. 356, 374.

⁴⁵ Никитина Г.А. Народная педагогика удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1997. С. 31, 50, 53.

⁴⁶ Там же. С. 55.

По мнению Г.А. Никитиной, в удмуртской коммуникации слабо звучит идея гордости за свой народ, радости от осознания себя удмуртом, прославления родного языка. Как объясняет автор, причину этого следует искать в социально-исторических условиях жизни народа. Великодержавная политика царизма, пренебрежительное отношение к удмуртам как к инородцам со стороны местного чиновничества, части крестьян-русских способствовали выработке в народе настороженного отношения к русским, уничижительного мнения о себе. И всё же, несмотря на это, удмурты всегда доброжелательно относились к соседним народам. О мариЙцах они говорили: «*Порен удмуртэн – кдиг выжыысь потэм писпу*» (Мариец и удмурт – одного корня дерева), к татарам южные удмурты обращались как к другу (*уром*)⁴⁷.

Сквозь призму менталитета, который накладывает отпечаток на коммуникативное поведение, исследовал удмуртский этнос А.Н. Петров. По мнению автора, то поведение удмуртов, которое мы наблюдаем сегодня, является следствием особенностей исторического развития этноса. Характеризуя межэтническую коммуникацию, автор отмечает, что несформированность механизмов адаптации личности вне своей социальной микрогруппы, неразвитость коммуникационных инструментов, плохое знание русского языка отрицательно сказывались на характере взаимоотношений с соседними народами⁴⁸. Значимость семейно-родственных и общинных отношений формировала идеал «маленького», «усредненного» человека, который не выделялся из общей массы⁴⁹.

С лингвистической точки зрения семантику вербального поведения удмуртов исследовали Д.И. Арбатский, Г.Н. Лесникова, С.Ф. Васильев, В.Л. Шибанов, Т.Р. Зверева. К разработке проблемы они подошли через анализ фразеологических единиц, используемых в разговоре.

Д.И. Арбатский в своей работе «Толкование значений. Семантические определения» подчёркивает, что в семантике слова закреплён опыт не одного

⁴⁷ Никитина Г.А. Указ. соч. С. 92.

⁴⁸ Петров А.Н. Удмуртский этнос: проблемы ментальности. Ижевск: Удмуртия, 2002. С. 42.

⁴⁹ Там же. С. 119.

поколения. Особенности удмуртской семантики он рассматривает в сравнении с русской. Автор отыскивает семантическое значение из окружающего контекста и обстоятельств высказывания, поскольку оно в наиболее краткой форме выражает все самые доступные компоненты значения слова. С развитием и совершенствованием языка совершенствуются и развиваются семантические определения вербальной коммуникации, а потому, замечает Д. Арбатский, семантическое значение часто определяется уровнем развития культуры⁵⁰.

Г.Н. Лесникова акцентирует своё внимание на анализе фразеологических единиц удмуртского языка с точки зрения вариантности и семантической системности компонентов. Автор не ставит перед собой цель проанализировать фразеологические единицы в рамках процесса коммуникации, для нее на первый план выходит изучение филологических особенностей фразеологизмов как неких отдельных языковых явлений. В то же время Г.Н. Лесникова проводит анализ удмуртских фразеологизмов в сопоставлении с русскими, таким образом пытаясь глубже раскрыть их национальные особенности⁵¹.

С.Ф. Васильев и В.Л. Шибанов, анализируя межэтническую коммуникацию, отметили, что с приходом русских традиционный удмуртский уклад жизни резко изменился, произошёл разлад в сферах общественного и индивидуального начал. Перед народом встала проблема поиска новых моделей поведения, соответствующих новому жизненному укладу. Этнос стал примерять на себя модели, впадая иногда в крайности: от стремления обезличиться и раствориться в общей массе до осознания собственного превосходства, приводящего к гипертрофированному самомнению⁵².

Т.Р. Зверева считает, что понимание удмуртами тех или иных фразеологических единиц в ходе разговора во многом обуславливается их мироощущением, которое находит своё воплощение в языковой картине мира, представляю-

⁵⁰ Арбатский Д.И. Толкование значений слов. Семантические определения. Ижевск: Удмуртия, 1977. С. 4.

⁵¹ Лесникова Г.Н. Фразеология удмуртского языка. /Автореферат дис... канд.фил.наук. Ижевск, 1994. С. 3.

⁵² Васильев С.Ф., Шибанов В.Л. Под тенью зэрпала (дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов). Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1997. С. 136-137.

щей собой универсальную модель мира. Сравнительный анализ языковой картины мира удмуртов и русских приводит автора к выводу, что каждая этнокультурная общность по-своему создаёт эту модель в рамках национального языка. Она интерпретирует факты реальной действительности в соответствии с культурно-историческими традициями, нормами, верованиями и образом жизни, что накладывает специфический отпечаток на форму и содержание языкового членения действительности. А специфика языка может быть выявлена в процессе сопоставительного анализа двух и более языков. Другой, не менее важный вывод исследователя заключается в том, что наряду с общими чертами фразеологической картины мира в разных языках, можно выделить культурно-национальные особенности, отражающие этническое мировидение, поскольку опыт познания мира у каждого народа свой. Семантика является этноцентричным направлением в науке, то есть она ориентирована на данный этнос. А концептуализация внешнего мира, заложенная в языке, не всегда может быть выведена из различий в условиях бытования этноса, ссылки на национальный характер⁵³.

На стыке этнопсихологии, этнологии и семиотики провели исследование удмуртского общества И.П. Поздеева, Е.Я. Трофимова, В. И. Троянов. Внимание авторов привлекла окружающая человека среда, рассмотренная с точки зрения лингвистической парадигмы. Основной акцент при таком исследовательском принципе падает на изучение личностных факторов общения, на «человеческий фактор», который объединяет в себе «биологическое и психологическое, индивидуальное и социальное, общечеловеческое и специфическое, интеллектуальное и эмоциональное, стереотипное и новаторское, объективное и субъективное»⁵⁴. В связи с этим в исследовании языковых реалий на первый план выходит специфика речевого поведения индивидов, принадлежащих к той или иной этнической среде, то есть выявление националь-

⁵³ Зверева Т.Р. Отражение национального характера в фразеологической картине мира // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: Международная научная конференция. Ижевск, 2002. С. 320.

⁵⁴ Поздеева И.П., Трофимова Е. Я., Троянов В. И. Национально-культурная специфика постулатов речевого общения удмуртов // Традиционное поведение и общение удмуртов. Сборник статей. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. С. 171.

но-специфического в речевом общении языковой личности, что первоочередно связано с материальной и духовной деятельностью.

В качестве коммуникативных особенностей удмуртов авторы вслед за своими предшественниками отмечают скромность и сдержанность, переходящую в скрытность. В удмуртской этике осуждается открытое выражение своих чувств, громкий разговор, усиленная жестикуляция, что, несомненно, отражается на особенностях языка данного этноса. В заключении исследователи делают вывод о том, что стереотипное поведение во многом обусловлено ситуацией общения, районом проживания коммуникантов и рядом других факторов. Причём замечено, что удмурты не выражают свои эмоции вербально, чаще всего они проявляются в невербальном языке.

Коммуникацию удмуртского этноса с точки зрения этнопсихологии исследовал Г.К. Шкляев. Рассматривая стереотипы поведения, исследователь обращается к психологии удмуртского этноса, отмечая, что она формировалась в «дорусский период», в основном под влиянием природных сил, в меньшей степени – под иноэтническим воздействием. В связи с этим её можно определить фразой «живу в согласии». Массовое столкновение с другими этносами, резкое ускорение социальных процессов в XIX в. стало причиной изменения менталитета и выработки средств контрсуггестии. Психологическим стандартом поведения стало недоверие, сокращение личностного общения, социальная мимикрия. Удмуртов стало чрезвычайно трудно втянуть в разговор, в беседах с русскими предпочитали молчать, соглашаясь внешне, внутренне всегда оставались при своем мнении. Постепенно в народе стал вырабатываться этнический нигилизм, появились отрицательные автостереотипы: они видели себя такими, какими их видела «референтная» группа – русские. Менее этнически стойкие представители народа стали скрывать свою национальную принадлежность, происхождение, презрительно относиться к своему языку и народу⁵⁵.

⁵⁵ Шкляев Г.К. Межэтнические отношения в Удмуртии: опыт историко-психологического анализа. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. С. 176-177, 185-187, 194-195.

Семантику вербального поведения автор расшифровывает через обращение к межэтническим контактам. В любом обществе чужой народ наделяется какими-либо определенными чертами, что тут же находит отражение в рамках вербальной коммуникации⁵⁶. Отношение удмуртов к другим народам, по мнению Г.К. Шкляева, можно проследить на примере их отношения к иноэтничным богам, духам и носителям эзотерических знаний. У удмуртов не было своего персонифицированного представления о зле и в языке отсутствовало такое понятие, но при этом они негативно относились к *шайтану* (тюркское заимствование), *вегинам* (русское – ведун) и стремились обезопасить себя с помощью разнообразных амулетов и оберегов. Таким образом, по мнению Г.К. Шкляева, современное поведение удмуртского этноса во многом есть результат изменений, вызванных расширением межэтнических контактов этносов в XIX в.

На стыке этнопсихологии и этносоциологии проведены исследования коммуникативного поведения удмуртов В.Ю. Хотинец. Её заслуга состоит в том, что она отметила определяющую роль стереотипов в рамках коммуникации. Стереотипизация позволяет быстро и просто категоризировать социальное окружение. В исследовании же этого явления важна не истинность и ложность содержания, а убеждённость в соответствующем знании и его эмоциональное наполнение. В структуре стереотипа выделяют два основных компонента: автостереотип – представление о своем народе, в нём, как правило, фиксируется позитивное отношение и гетеростереотип – образы представителей других этнических групп. Формируясь в ограниченной зоне культурных контактов, стереотип психологически закрепляет отношение к собственной этнической группе и отдельным её представителям; укрепляет и защищает этническую идентичность; определяет восприятие представителей других этнических групп, оказывая огромное влияние на процессы межэтнической коммуникации. Для выявления этнических стереотипов В.Ю. Хоти-

⁵⁶ Шкляев Г.К. Указ. соч. С. 8.

нец использовала методику В.Ф. Петренко, позволяющую описать восприятие образа этнических субъектов с точки зрения самих респондентов⁵⁷.

К необычным выводам об особенностях вербальной коммуникации удмуртов пришёл философ Ф.П. Пукроков в процессе изучения национального характера сквозь призму народных сказок. Исследователь обратил внимание на то, что в удмуртской вербальной коммуникации отсутствуют оскорбительные эпитеты, прозвища других народов, завоевательные термины, и лишь в легендах можно встретить сюжеты о самозащите, вынужденном противоборстве при столкновении с агрессивными амбициями других народов. Связано это, считает автор, со стремлением удмуртов жить в дружбе с соседями, отсутствием установок, возвышающих себя и свой язык за счёт унижения других⁵⁸.

А.Г. Красильников исследовал влияние способа передачи информации на культуру, подчёркивая роль коммуникативных средств как культурообразующих факторов. Автор обращает внимание на то, как способы коммуникации влияют на развитие социальной организации людей, являясь причиной качественных сдвигов в культурном развитии. Дописьменная культура сформировала в удмуртах способность судить о мире в рамках своего микромира, где протекает день за днём их обыденная жизнь. Здесь главным моральным ориентиром стал императив «быть как все», что способствовало формированию таких национальных черт, как толерантность, умение прийти к компромиссу. Слово в рамках такой культуры играло огромную роль. Оно передавало информацию не только от говорящего к слушающему, но и сохраняло преемственность поколений, поэтому обладало такой же реальностью, как и предметный мир. Возможно, поэтому сохраняется в современном коммуникативном поведении удмуртов до сегодняшнего дня трепетное отношение к

⁵⁷ Хотинец В.Ю. Этнические стереотипы: гендерный аспект (на примере доминантных народов УР) // Вестник Удмуртского Университета. Философия. Психология. Педагогика. Выпуск 2. 2008. С. 3, 7.

⁵⁸ Пукроков Ф.П. К вопросу о национальном характере удмуртов // Вестник Удмуртского Университета. 1996. №6. С. 80.

слову и зависимость самооценки от чужого мнения. Сам коммуникативный акт носил эмоциональный, диалогический, двусторонний характер.

Со временем мощные информационные потоки нарушили обыденный уклад жизни, мифологическую картину мира, а также сам процесс естественного развития удмуртов. Новая письменная культура принесла свои ценности. Так, на смену императива «быть как все» приходит индивидуальность, личность со своей собственной иерархией ценностей, культура свободного Я⁵⁹.

Таким образом, вербальная и невербальная семантика во многом определяется особенностями развития письменности народа, его языковой картиной мира.

А.Н. Утехина в качестве главной особенности удмуртской коммуникации выделила интровертный стиль общения, выражающийся в скупости аффективных реакций. Вместе со скромностью внешних проявлений усиливается внутренний накал переживаний. Сдерживаемые эмоции находят свой выход в разных видах творчества, особенно в пении. В средствах коммуникации развиты краткие, но многообразные приветствия, пожелания. В диалогах фразы носят предполагающий, поддерживающий характер. Для удмуртов эмоционально-положительный ход общения важнее решения какой-либо проблемы. Ценится проявление таких личностных качеств, как доброжелательность, уравновешенность. Чрезвычайно важными для удмуртов являются такие коммуникативные качества, как приветливость, отзывчивость, тактичность⁶⁰.

Научно-популярное направление в изучении удмуртского коммуникативного поведения частично отражено в статье народного писателя Удмуртии В. Ар-Серги (В.В. Сергеева) «А вы и не спрашивали... Мои засечки удмуртским топором». Автор рассматривает семантику коммуникативного поведения индивида с точки зрения его характерных национальных

⁵⁹ Красильников А.Г. Философия культуры: способ коммуникации как культуuroобразующий фактор (на материале удмуртской культуры). Ижевск: УдГУ, 2008. С. 79, 48-49, 54, 56-57, 62-63.

⁶⁰ Утехина А.Н. Межкультурное образование молодежи в полиэтничном регионе (на примере Удмуртской Республики). Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2006. С. 56.

черт. Например, выделяется такая черта удмуртов, как тактичность. Удмурт никогда не станет широко улыбаться и показывать окружающим, что у него всё хорошо, потому как считает, что рядом может оказаться человек, переживающий горе, и которому видеть чужую радость будет непросто. У каждого есть проблемы, и всё же не нужно унывать, а стоически сохранять жизненное равновесие. Согласно автору, мир делится удмуртом на две составляющие. Определяющим признаком микрокосма является его родной язык. Здесь удмурт может выглядеть человеком вполне самодостаточным, самым собой. Он любит шутку, не прочь посмеяться над собой – неумехой, будучи при этом на сто процентов уверенным, что это не так. Другой мир начинается сразу же за порогом его обжитого жилища, особенно в городе. Определяющим признаком уже другого его макромира опять-таки выступает язык, но уже не родной. Удмурт знает, что в мире чужого языка его личное мнение едва ли кому интересно. Тут он из домашнего гностика превращается в фаталиста: «Делай, что надлежит, и пусть будет, что будет»⁶¹.

В общении с представителями других народов, подчеркивает В. Ар-Серги, удмурт всегда держит в голове свой козырной аргумент – мысль о том, что все они мало знают о его малочисленном народе. Значит, он может прикинуться таким, каким захочет видеть его собеседник, чаще всего – умаляющим свои достоинства. Большинство удмуртов стесняются своего языка, не прибегают к нему при посторонних, но именно он чаще всего используется как средство самоидентификации.

«Верёвка хороша – длинная, а речь – короткая», – говорят удмурты, вероятно ценящие короткую и ёмкую фразу. Из-за этой немногословности, по мнению писателя, возник миф об их небывалой скромности. В целом, согласно В. Ар-Серги, семантика вербального и невербального поведения удмуртов определяется особенностями их исторического развития и природными условиями проживания. Они накладывают отпечаток на характер народа, который, в свою очередь, проявляется в процессе коммуникации.

⁶¹ Ар-Серги В. А вы и не спрашивали... Мои засечки удмуртским топором. // Луч. 2006. №4. С. 70.

Анализ историографии вопроса показывает, что разработка проблем коммуникативного поведения удмуртов в рамках изучения этнической специфики удмуртской культуры велась в основном сквозь призму их менталитета, обрядового поведения, межэтнических взаимодействий и т. д. Однако тема специфики внутри- и межэтнического вербального и невербального поведения остаётся не затронутой или недостаточно освещённой, следовательно, требует специального углублённого научного анализа. На сегодняшний день она остаётся одной из актуальных, поскольку процессы коммуникации приобретают приоритетную роль как в жизни отдельного человека, так и этноса в целом.

Теоретико-методологической базой диссертации послужили труды зарубежных и отечественных исследователей коммуникативного поведения (см. об этом подробнее в главе I). В контексте разрабатываемой проблемы наибольший интерес для нас представляли исследования М. Мосса, Э. Холла, А.К. Байбурина, а также лингвистов Ю.Е. Прохорова и И.А. Стернина.

С точки зрения М. Мосса и Э. Холла коммуникативное поведение того или иного этноса во многом определяется его культурой. Индивид, освоив её с детства, проносит через всю свою жизнь. Так, французский этнограф и социолог М. Мосс отмечал, что культура накладывает свой отпечаток даже на самые элементарные физиологические действия человека – то, как он сидит, спит, ходит, ведёт себя в процессе общения, на используемые им мимику и жесты, занимаемое коммуникативное пространство и т.д.⁶²

Американский антрополог Э. Холл, говоря о процессах коммуникации, подчёркивал, что прежде чем изучать особенности культуры разных этносов, необходимо разгадать загадки своей культуры, разобраться в самом себе⁶³.

В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. в рамках исследований Института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР под редакцией А.К. Байбурина был опубликован сборник статей, посвящённый исследованию этни-

⁶² Мосс М. Техники тела // Этнология. История этнологической и антропологической мысли: Антология. / авт.-сост. Д.Г. Касимова. Глазов: Издательство Глазовского государственного педагогического института, 2008.

⁶³ Холл Э. Язык тела: Как понять иностранца без слов. М.: Вече, 1995.

ческих стереотипов поведения народов Европы, Азии, Америки, Австралии⁶⁴. В статьях наряду с анализом конкретных проявлений стереотипизации поведения апробируются и различные подходы к исследованию поведенческих форм – этнопсихологический, этносоциальный, этнолингвистический, историко-этнографический. При исследовании коммуникативного поведения действительно приходится прибегать ко всем упомянутым выше методам, поскольку, во-первых, коммуникация является социальным феноменом, обусловленным особенностями общественной организации. Во-вторых, коммуникативное поведение проявляется в вербальных и невербальных символах, что подразумевает использование лингвистических и психологических методов. В-третьих, оно вариативно в историческом развитии и в этническом пространстве. Именно поэтому в представленной диссертации делается упор на междисциплинарный подход.

Базовыми методами диссертационного исследования стали разработанные и предложенные Ю.Е. Прохоровым, И.А. Стерниным принципы и ситуативная модель описания коммуникативного поведения⁶⁵.

Описание коммуникативного поведения предполагает несколько последовательных этапов. На первом этапе на базе материалов из разных источников составляется предварительный список признаков коммуникативного поведения изучаемого народа.

Второй этап предполагает сбор полевого материала с использованием нескольких методов. Метод *прямого включённого наблюдения* позволил зафиксировать коммуникативные особенности. Было осуществлено наблюдение за разновозрастными респондентами в деревне Сеп Игринского района, в посёлке Балезино, в сёлах Пыбья и Быдыпи Балезинского, в деревнях Качкашур – Глазовского, Зеглуд – Як.-Бодьинского, Ю.-Тольён – Кезского, в селе Алнаши, в деревнях Азаматово и Муважи – Алнашского района, а также за студентами ФГБОУ ВПО «Глазовский государственный педагогический ин-

⁶⁴ Этнические стереотипы поведения / под. ред. А.К. Байбурина. Л.: Наука, 1985.

⁶⁵ Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Указ. соч. С. 62; Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2000.

ститут им. В.Г. Короленко», ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», ГОУ СПО «Можгинский педагогический колледж», АОУ НПО УР «Строительный лицей № 4» и ГУЧ «Механический лицей № 9» города Ижевска.

Было проведено *интервьюирование* 68 человек удмуртской национальности из разных районов Удмуртии в возрасте от 17 до 89 лет. Вопросы задавались с целью выявления специфики их коммуникативного поведения и опыта межкультурного общения (см. подробнее: Приложение 1. Вопросник «Коммуникативное поведение и опыт межкультурного общения»).

Информация о стереотипных представлениях молодежи (16-28 лет) была получена методом *анкетирования* (Приложение 2), которым охвачено 600 человек. Содержание анкеты составлено на родном для респондентов языке, но чтобы из-за диалектных различий не возникло недоразумений, каждому удмуртскому понятию был дан русский перевод. На основе анкетных данных нами были построены семантические пространства, каждое из которых представляет собой размещение объектов оценивания (удмурт, русский, татарин, я, мой друг, мой враг, мой идеал) в пространстве шкал оценивания. Построение семантических пространств осуществлялось с помощью факторно-аналитической обработки данных, предложенной В. Ф. Петренко. Для обработки эмпирических данных использовался пакет прикладных программ статистической обработки SPSS 17 for Windows.

Языковые формы и паралингвистические знаки, используемые в качестве материала исследования, отбирались по принципу частотности и стилистической окрашенности, т. к. наибольший интерес представляют те формы, которые употребляются очень часто и не имеют ограничений в использовании, т. е. стилистически нейтральны. Анализируемые формы также были выбраны по принципу соответствия той или иной ситуации на основании их использования носителями языка, когда они находятся в естественном языковом окружении.

При верификации материала информантам, которыми являлись носители культуры, предлагалось охарактеризовать выделенные на предварительном этапе коммуникативные признаки по заданной шкале: например, очень часто, достаточно часто, иногда, редко, никогда и т.д. (см. подробнее: Приложение 3). В процессе верифицирующего эксперимента испытуемым по каждому признаку предлагались некоторые ограничители из предусмотренных в анкете для данного признака (типично для городской молодежи, только со знакомыми, в большом городе и т.д.). Таким образом, верификация осуществлялась наряду с конкретизацией коммуникативного признака. Кроме того, список выделенных признаков обсуждался, корректировался с участием гетерокультурных информантов⁶⁶.

На завершающем третьем этапе осуществлено описание коммуникативного поведения народа в рамках разработанной ситуативной модели.

Систематизация, обобщение и научное осмысление имеющегося в распоряжении автора материала осуществлялось методами сравнительно-сопоставительного и типологического анализа, аналогии, синтеза, индукции и дедукции. Использование принципа объективности и системности способствовало более глубокому пониманию исследуемого явления с учётом конкретных исторических условий.

Источники исследования. Основную эмпирическую базу исследования составили неопубликованные полевые материалы, собранные автором в ходе этнографических экспедиций и командировок в разные районы Удмуртии. Материалы включают в себя не только аудиозаписи, заполненные анкеты и результаты наблюдений, заключающие в себе новую информацию по вербальной коммуникации удмуртов, но и фотографии, отображающие невербальное диалогическое поведение. Часть этих материалов сдана в рукописный фонд научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп 2-Н. Д. 1598.

⁶⁶ Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Указ. соч. С. 83.

55 л.). На руках автора остались заполненные анкеты, фотоматериалы, часть аудиозаписей интервью и бесед.

В ходе работы над диссертацией также был проанализирован целый ряд опубликованных источников:

– материалы периодической печати (республиканские газеты – «Известия Удмуртской Республики», «Удмуртская правда», «Аргументы и факты в Удмуртии», «Удмурт дунне», «Нечбур», районные – «Алнашский колхозник», «Сельская правда» (п. Яр), «Красное знамя» (Глазов), «Вперёд» (п. Балезино), литературный журнал УР «Луч», молодежный общественно-политический и литературно-художественный журнал «Инвожо»), содержащие в изобилии примеры вербальных знаков, используемых в коммуникативном поведении удмуртов, и частично отражающие их стереотипные представления и коммуникативный настрой в межэтнической коммуникации;

– тексты отдельных произведений художественной литературы (К. Митрей «Мон-А-Чим. Пичи обезьянлэн мадемез». Ижевск, 1927; К. Митрей «Секыт зһбет. Проза, поэзия». Ижевск, 1988; Ф. Кедров «Катя. Кылбуръёс но повесть». Ижевск, 1989; В.Г. Короленко «Ненастоящий город». Глазов, 2005). Выбор данных произведений обусловлен желанием выявить особенности коммуникативного поведения, ценностных ориентаций удмуртского этноса в представлениях аутентичных авторов и сторонних наблюдателей другой национальности. На примере ярких образов героев данных произведений были выявлены наиболее типичные особенности коммуникативного поведения удмуртов в зависимости от их эмоциональных состояний и социального статуса;

– произведения устного народного творчества («Удмурт выжыкыльёс: вотские сказки». Собрал И.Я. Яковлев, Казань, 1920; «Адямылы ньеч лэсьтыса, ачид но ньечгес луиськод. Удмурт калык пословицаос но поговоркаос». Ижевск, 1976; «Удмуртские народные сказки, мифы и легенды». Ижевск, 2008.) дали богатый материал по коммуникативным установкам внутри удмуртского социума и за его пределами;

– фразеологические словари (К.М. Дзюина «Краткий удмуртско-русский фразеологический словарь» Ижевск, 1967; К.М. Дзюина «Средства образного выражения в удмуртском языке». Ижевск, 1996) позволили охарактеризовать вербальную коммуникацию;

– просмотр ряда телевизионных передач ТРК «Моя Удмуртия» («*Малы ке шуоно*», «*Иворъёс*», «*Шундыберган*», «*Мон егит*», спектакль на удмуртском языке «*Яратон уг пересьмы*»), а также спектакля на сцене Удмуртского национального театра «*Чибориё пиштэ шунды*», художественных фильмов («*Тень Алангасара*», «*Узы-боры*») дали целую галерею образных примеров не только вербального, но и невербального диалогического поведения удмуртов.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования заключается в том, что в отечественной этнологии междисциплинарное изучение проблем вербальной и невербальной коммуникации современных удмуртов предпринято впервые. На базе обширных оригинальных источников, значительная часть которых вводится в научный оборот впервые, проанализированы истоки и эволюция стереотипов коммуникативного поведения удмуртов, выявлена специфика внутри- и межэтнической коммуникации. С междисциплинарных позиций проанализирован инвективный пласт удмуртской лексики, создана ситуативная модель вербальной и невербальной коммуникации современных удмуртов, вычленены наиболее типичные вербальные и невербальные сигналы, распространённые на территории Удмуртии.

Полученные автором результаты позволяют более полно и объективно раскрыть менталитет удмуртского этноса, специфику его этнической культуры и принципы мировосприятия, непосредственным образом влияющие на внутри- и межэтнические коммуникации.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных данных при подготовке фундаментальных трудов по истории, этнографии и культуре народов Удмуртии, в первую очередь –

удмуртов, разработке лекционных курсов для гуманитарных факультетов вузов и средних специальных учебных заведений.

Аналитический и фактический материал исследования может стать основой научно-популярных изданий, книг для чтения по краеведению, истории и этнографии Удмуртии. Он может быть востребован в проектной, культурно-воспитательной, научно-познавательной деятельности специалистов республиканских Министерств национальной политики, по делам молодёжи, учреждений культуры, общества «Знание», средств массовой коммуникации, национально-культурных объединений и др. Популяризация нового знания, представленного в диссертации, будет способствовать формированию более объективной картины коммуникативного поведения удмуртов, гармонизации межэтнических отношений, повышению интереса к собственной культуре со стороны представителей удмуртского этноса, с одной стороны, и изживанию ложных стереотипов, с другой.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Межэтническая коммуникация как многогранное явление требует комплексного и разностороннего изучения, следовательно, для получения объективного и достоверного знания в этой области необходим междисциплинарный подход, использование этносоциального, этнолингвистического и психосемантического методов исследования.

2. Вербальная коммуникация наиболее ярко отражает специфику удмуртского этноса – особенности его исторического развития, представления о социальных нормах и ценностях. Именно она, являясь одним из компонентов, определяющих этническое самосознание, делит удмуртское коммуникативное пространство на «свое» и «чужое», определяя таким образом сценарий коммуникативного поведения представителей этноса.

3. Невербальная коммуникация определяется многими факторами: возрастом, полом, социальным статусом, степенью родства и знакомства. Она имеет ярко выраженную эмоциональную основу и выступает в качестве средства воздействия на собеседника и усиления вербальных выражений.

Большинство жестов и мимика удмуртов носят общечеловеческий характер, поскольку чаще всего функционируют в эмоционально насыщенных, аффективных ситуациях.

4. Включённость удмуртов в процессы межкультурной коммуникации, интенсивные контакты с русскими, татарами и другими этносами, воздействие СМИ, глобальной сети Интернет привели к значительным заимствованиям сигналов и знаков невербальной и вербальной коммуникации, особенно молодёжной средой.

Апробация исследования. Результаты диссертационного исследования апробированы на 5 международных, 5 всероссийских и 1 региональной конференциях: Международная научно-теоретическая конференция «Ценности современной науки и образования» (Киров, 2008), Международная научно-практическая конференция, посвящённая 75-летию удмуртского поэта Ф. И. Васильева «Третьи Флоровские чтения» (Глазов, 2009), Международная научно-практическая конференция «Финно-угорские этносы: технологии развития в условиях глобализации» (Ижевск, 2009), Международная научно-практическая конференция Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации) (Ижевск, 2009), Международная научно-практическая конференция, посвящённая 520-летию вхождения Севера Удмуртии в состав Московского княжества «Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: История и Современность» (Глазов, 2010), IX Всероссийская научная конференция «Диалоги культур и цивилизаций» (Тобольск, 2008), I Всероссийская молодёжная научная конференция «Молодёжь и наука на Севере» (Сыктывкар, 2008), Российская научно-практическая конференция студентов «Россия и мир: история и современность» (Сургут, 2008), IV Всероссийская научно-практическая конференция молодых учёных «Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность» (Уфа, 2010), III Всероссийская конференция историков-аграрников Среднего Поволжья «Крестьянство в российской трансформации: исторический опыт и

современность» (Ижевск, 2010), региональная научно-практическая конференция «Из прошлого в настоящее» (Глазов, 2006).

По теме диссертации опубликовано 14 статей общим объёмом 3,5 п.л., в том числе одна статья в журнале, рекомендованном Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании отдела исторических исследований УИИЯЛ УрО РАН и кафедры этнологии и регионоведения ФГБОУ ВПО «Удмуртский Государственный университет».

Структура диссертации обусловлена логикой, целью и задачами исследования и состоит из Введения, трёх глав, Заключения, Списка использованной литературы, четырёх приложений.

Глава I. Научно-теоретические основы исследования коммуникативного поведения

В начале XXI века интенсивность контактов между народами, находящимися в различных культурных ареалах, значительно увеличивается. В связи с этим на первый план выходит этническая специфика, которая является стержнем коммуникативной культуры. Как известно, непонимание этнической специфики народа способно порой значительно усложнить процесс установления конструктивного диалога. Поэтому межкультурная коммуникация стала объектом изучения многих наук и не одного поколения учёных. Каждая наука рассматривает коммуникативный процесс со своей точки зрения, предлагая свои методы изучения.

§ 1. Коммуникативное поведение в рамках этнологических и антропологических теорий

Возрастающая роль международных контактов остро поставила задачу исследования межнационального взаимодействия в рамках этнографии, этнологии и антропологии.

М. Мосс – видный французский этнограф и социолог, продолжатель традиций социологической школы в этнографии во Франции первым обратил внимание учёных на то, что различным обществам присущи специфические «техники тела». Под последними он понимал традиционные способы поведения, посредством которых люди в различных обществах пользуются своим телом⁶⁷. Каждое общество, по мнению М. Мосса, обладает присущими только ему привычками, которые передаются из поколения в поколение. Со временем они могут несколько видоизменяться, но при этом не осознаются своими носителями, а воспринимаются как должное. Наиболее ярко несхожесть этих привычек проявляется во взаимодействии с представителями других этносов. По способам использования своего тела можно с точностью опреде-

⁶⁷ Мосс М. Указ. соч. С. 155.

лить, к какой этнической общности принадлежит тот или иной индивид, поскольку «привычки» индивидов во многом обусловлены воспитанием, обычаями, престижем и модой. Они конструируются социальным авторитетом и ради него.

Знакомство и усвоение техник тела начинается в раннем детстве, когда ребёнок начинает подражать своим близким (родителям, бабушкам, дедушкам, друзьям), а те, в свою очередь, контролируют его поведение. Так или иначе, все используемые человеком техники тела регулируются извне: в каждом обществе есть положения дозволенные или недозволенные, естественные или неестественные. В основе принципов классификации техник тела, предложенной М. Моссом, лежит возраст, пол, эффективность, особенность «воспитания и дрессировки». Необходимость обучения им состоит в том, чтобы адаптировать тело к жизни в обществе. Именно благодаря обществу движения отдельных индивидов приобретают уверенный характер, сознание доминирует над эмоцией и бессознательным, а действия становятся предсказуемыми.

Основатель школы структурализма К. Леви-Стросс считает, что взаимоотношения людей друг с другом носят случайный и эпизодический характер, так как основаны на глобальном опыте, а не на конкретном восприятии одного субъекта другими⁶⁸. Чаще всего они являются следствием косвенной реконструкции, осуществляются на основе письменных источников, то есть современное общение происходит в большей степени посредством разнообразных посредников – письменных документов, административного аппарата, которые расширяют наши контакты, но в то же время придают им опосредованный характер. В связи с этим при изучении коммуникативных отношений того или иного общества необходимо знание языка и языковых символов, позволяющих проникнуть в систему логических категорий.

Кроме того, любые социальные отношения нужно исследовать лишь с помощью построения моделей, отражающих их структуру. Для этого необ-

⁶⁸ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. С. 325.

ходимо суметь выявить правила, которые применяются во всякого рода коммуникативных играх. А сам поиск этих правил надо начинать лишь после того, как будут описаны факты и извлечены из них устойчивые элементы.

Несколько иную интерпретацию коммуникативного поведения сквозь призму пространственной психологии дал американский антрополог Э. Холл. Он первым провёл детальный анализ закономерностей пространственной организации общения, влияния расстояния между людьми и их ориентации в пространстве на характер межличностных отношений⁶⁹.

В монографии «Как понять иностранца без слов» учёный излагает свои взгляды на коммуникативное поведение сквозь призму общепринятой культуры того или иного этноса. По его мнению, культура проявляется, прежде всего, во взаимодействии людей, а потому жесты и мимика, являясь неотъемлемой частью культуры, несут на себе её отпечаток. Э. Холл интерпретирует взаимосвязь между культурой и семантикой жестов и мимики следующим образом: «Мы выражаем наши чувства не только словами, но и на нашем беззвучном языке – языке поведения. Иногда люди других национальностей правильно переводят наш беззвучный язык, но гораздо чаще они его понимают неверно»⁷⁰. Именно в этом заключается природа всех трудностей, возникающих при межкультурных коммуникациях. По мнению исследователя, культура каждого этноса является особым способом организации жизни, мышления и восприятия окружающего мира в целом⁷¹. Она оказывает постоянное воздействие на людей, их поведение, причём сам человек ничего не осознаёт, так как для него это становится естественным.

Э. Холл утверждает, что нельзя обучиться чужой культуре так же, как языку, так как до сих пор никто не смог обнаружить элементарных частиц культуры⁷². Такое положение дел заставляет исследователя начать работу по созданию интегрированной теории культуры.

⁶⁹ Лагун А.Е. Невербальное поведение: к методике использования в социологическом исследовании // Социс. 2004. №2. С. 117.

⁷⁰ Холл Э. Указ. соч. С. 288.

⁷¹ Там же. С. 238.

⁷² Там же. С. 240

Изучая феномен культуры, Э. Холл пришёл к выводу, что в основе любой существующей на сегодняшний день культуры лежит инфра-культура. Это некий стержень, вокруг которого формируется культура, на него как на ниточку нанизываются отдельные компоненты культуры и в результате соединения получается неповторимое ожерелье, отражающее особенности менталитета того народа, которому оно принадлежит. Инфра-культура – это поведение, которое предшествует культуре и лишь впоследствии преобразуется в культуру⁷³.

Исследователь считает, что существует неразрывная связь между далеким прошлым и настоящим, а корни культуры ведут к биологическому прошлому человека. Например, отношение человека к территории обуславливается инфра-культурной активностью.

Культура прививается через воспитание в семье, общественные институты, помогающие человеку усвоить те или иные азы культуры в ходе обучения. Это является показателем того, что можно научиться преподавать культуру. Но несмотря на это, культура скрывает больше, чем раскрывает. То, что ей удаётся скрыть, она наиболее эффективным образом прячет от своих носителей. Многочисленные исследования убедили Э. Холла в том, что гораздо важнее понять собственную культуру, нежели пытаться разгадать чужую⁷⁴.

По мнению отечественных исследователей, в изучении этнического сознания и межкультурной коммуникации наиболее надёжной является «пассионарная теория», разработанная Л.Н. Гумилёвым. Согласно ей, этническое пространство организовано подобно электромагнитному или гравитационным полям⁷⁵. Каждое этническое поле имеет свой, присущий только ему ритм, задаваемый пассионарной силой, а также формирует свои стереотипы поведения. Они являются основным способом приспособления этноса к географической среде.

⁷³ Холл Э. Указ. соч. С. 248.

⁷⁴ Там же. С. 249.

⁷⁵ Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). М.: Гнозис, 2005. С. 33.

Структура этнического стереотипа поведения – это строго определённая норма отношений: а) между коллективом и индивидом, б) индивидов между собой, в) внутриэтнических групп между собой, г) между этносом и внутриэтническими группами. Эти нормы могут изменяться в течение жизни быстро или медленно. Но при всём этом они негласно существуют во всех областях жизни и деятельности людей, воспринимаясь, как единственно возможные и верные правила конструктивного поведения⁷⁶. Соприкасаясь же с другой нормой поведения в другом этносе, часто вызывают удивление и даже недоумение.

Таким образом, по Л.Н. Гумилёву, сила этнического стереотипа поведения огромна. Он так же динамичен как и сам этнос, а потому имеет свойство изменяться от эпохи к эпохе, следовательно, давая характеристику стереотипу поведения необходимо указывать время изучаемого периода.

По мнению Ю.В. Бромлея, вся специфика отдельно взятого этноса заключается в содержании его обыденного сознания, которое в свою очередь во многом определяется стереотипными представлениями. Со стереотипами люди знакомятся очень рано, так как они составляют неперенный элемент системы воспитания, фиксируют типичные для членов этноса нормы поведения, влияют на усвоение присущих данной общности традиционных форм психической деятельности. Это в свою очередь обуславливает внешнее различие в поведении, реакциях людей разной этнической принадлежности по одному и тому же поводу. Каждая эмоция имеет своеобразную форму выражения, кажущуюся самопроизвольной, так как воспринимается от старших поколений как естественный образец поведения⁷⁷.

Кроме того, стереотипы дают представления о других этносах, что является важным компонентом при формировании этнических антипатий и симпатий, установок, определяющих поведение людей в ситуациях межэтнических контактов, Они оказывают влияние на отношение к подобным кон-

⁷⁶ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Институт ДИ-ДИК, 1997. С. 118.

⁷⁷ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 172.

тактам, готовность идти на контакты с лицами иной национальности на производстве и в быту, в семейном, дружеском окружении. Совокупность таких установок составляет национальные ориентации⁷⁸. Согласно Ю.В. Бромлею, исследование любых отношений, возникающих между народами, нужно начинать с этнических стереотипов.

Близкой по духу точки зрения придерживается А.К. Байбурин. По его мнению, стереотипы поведения представляют собой регулярно повторяющиеся формы поведения. Это своего рода штампы, шаблоны, образцы поведения, принятые в той или иной культуре⁷⁹, при рассмотрении которых следует руководствоваться несколькими принципами. Во-первых, стереотип поведения является социальным феноменом. Это означает, что поведение человека обусловлено социокультурными механизмами общества. Во-вторых, поведение человека вариативно, как в историческом так и этническом пространстве. В-третьих, каждая половозрастная, конфессиональная, этническая и другая группа и субкультуры общества имеют специфические стереотипы поведения⁸⁰. Все они в свою очередь имеют знаковый характер.

В рамках этнографического изучения знаковых средств культуры отечественными исследователями было введено такое понятие как *язык культуры* – это совокупность всех знаковых способов вербальной и невербальной коммуникации, которые объективируют культуру этноса, выявляют её этническую специфику и отражают её взаимодействие с культурами других этносов⁸¹. Изучая язык культуры, этнографы пытались выяснить функции, которые в каждой данной этнокультурной среде выполняют те или иные знаковые средства⁸². В процессе изучения этого феномена были выявлены такие специфические свойства как полисемантичность знаков культуры и эффект культурной дифракции. Полисемантичность знаков культуры выражается в схожих внешне этнокультурных традициях, но имеющих при этом различ-

⁷⁸ Бромлей Ю. В Указ. соч. С. 184.

⁷⁹ Введение // Этнические стереотипы поведения / под. ред. А.К. Байбурина. Л.: Наука, 1985. С. 3.

⁸⁰ Там же. С. 4.

⁸¹ Мыльников А.С. Язык культуры и вопросы изучения этнической специфики средств знаковой коммуникации // Этнографическое изучение языковых средств знаковой коммуникации. Л.: Наука, 1989. С. 7.

⁸² Там же. С. 27.

ную знаковую объективацию. Возникающая при этом многоаспектность содержания сводится к двум рядам: «сходный смысл – разные знаки» и «разный смысл – сходные знаки». Эффект культурной дифракции заключается в наличии определённой семантической дистанции между нормой культуры и её реальным проявлением, то есть различие между должным и сущим⁸³. Всё это говорит о том, что этнознаковые средства имеют многоаспектный и полифункциональный характер. В связи с этим для адекватного понимания языка культуры сторонний наблюдатель должен быть знаком с обычаями данной этнокультурной среды.

Всё многообразие этнознаковых средств можно свести к двум большим группам: вербальные и невербальные этнознаковые средства. Для обозначения невербальных этноязыковых средств в рамках этнографического подхода используют понятие *кинесики*, которое включает в себя позы, жесты, мимику и другие способы обращения с человеческим телом⁸⁴.

Кинесика позволяет человеку воспринимать и правильно интерпретировать многочисленные сигналы, идущие из внешнего мира. Основными структурными элементами кинесики являются поза (статичное положение человеческого тела), жест (подчеркивает динамичный момент, поза в данном случае – это начальная и конечная фаза жеста⁸⁵). И позы, и жесты несут на себе отпечаток не только этнической специфики, но и эмоционально-личностного отношения к жизни.

Специфическая черта кинесики заключается в том, что она используется носителями этнокультуры машинально и осознаётся только в контрасте с другим обществом. Она во многом обусловлена географической средой, занятиями, материальными условиями быта, транспортом, одеждой и т.д., её нельзя рассматривать вне материально-природной среды. Поскольку кинесика зародилась на животной стадии и только впоследствии превратилась в механизм, позволяющий человеку ориентироваться в окружающем мире, то для

⁸³ Мыльников А.С. Указ. соч. С. 20, 31.

⁸⁴ Чеснов Я.В. Шаг майтрейи: некоторые аспекты изучения кинесики // Этнографическое изучение языковых средств знаковой коммуникации. Л.: Наука, 1989. С. 122.

⁸⁵ Там же. С. 122.

того, чтобы понять её смысл и сущность, необходимо свести позы и жесты до минимального уровня. Ни в коем случае нельзя сводить воедино одни и те же кинемы у разных народов, поскольку во многом схожие внешне на первый взгляд кинемы могут нести в себе совершенно разное, а порой и противоречивое значение.

Под вербальными этнознаковыми средствами понимается совокупность вербальных символов, используемых в той или иной коммуникативной ситуации. Они включают в себя формулы обращения, приветствия, прощания, благодарности, комплиментов, оскорблений (инвектив), извинений и т.д. С помощью вербальных средств выявляются, поддерживаются и обыгрываются коммуникативные статусы, групповая принадлежность партнёров по общению. Согласно представлениям антрополога американской школы исторической этнологии Ф. Боаса, под языковым воздействием формируются ментальные представления народа, поскольку именно в них концентрируется весь исторический опыт. В свою очередь вербальные и невербальные этнознаковые средства находят своё воплощение в стереотипах поведения, которые реализуются в повседневной жизни каждого отдельно взятого представителя этноса⁸⁶.

Философы А.П. Садохин и Т.Г. Грушевицкая представляют процесс межэтнических коммуникаций как взаимодействие индивидов и групп, обладающих различными культурными традициями. Восприятие и отношение к этим различиям влияют на вид, форму и результат контакта. Каждый участник подобного контакта имеет свою собственную систему правил, функционирующих таким образом, чтобы отосланные и полученные послания могли быть закодированными и декодированными. Признаки межкультурных различий могут проявляться в различиях вербальных и невербальных кодов в контексте коммуникации. Кроме того, они могут выступать в различном от-

⁸⁶ Цит. по: Лагун А.Е. Указ. соч. С. 117.

ношении ко времени, к пространству, к общению и к типам информационных потоков⁸⁷.

Обобщая всё вышесказанное, можно сказать, что в основе коммуникативного поведения любого народа лежат стереотипы, которые передаются из поколения в поколение, принимаются как нечто естественное и неразрушимое до тех пор, пока носитель этих стереотипов не попадает в иноэтническую среду. Все этнические стереотипы носят глубокий знаковый характер. А потому для того, чтобы понять поведение отдельно взятого народа необходимо разобраться в значении этнознаковых средств. Все их многообразие можно свести к двум видам: вербальным и невербальным (кинестика). Познание и постижение смысла всех этих знаков осуществляется неразрывно от географической среды, хозяйственной деятельности, религиозных представлений и т.д.

§ 2. Семиотические аспекты коммуникации

Коммуникативное поведение рассматривалось и в рамках семиотики. Философский словарь определяет семиотику как общую теорию (или комплекс научных теорий), исследующую свойства знаковых систем, или систем знаков, каждому из которых определённым образом сопоставляется (придается) некоторое значение⁸⁸. В качестве примера знаковых систем приводятся естественные (разговорные) языки, системы научных теорий, искусственные языки, системы сигнализации в обществе и природе.

Выразителем идей семиотики стал швейцарский лингвист, заложивший основы семиологии и структурной лингвистики Ф. Соссюр. По его мнению, жизнь общества во многом зависит от процессов коммуникации, основополагающим звеном которых является язык. Язык – это система знаков, в которой смысл соединяется с определённым образом, причём оба этих элемента зависят от психики человека⁸⁹. Сами языковые знаки не являются абсолютно абстрактными, а представляют собой ассоциации, скреплённые коллективным

⁸⁷ Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Культурология. Теория культуры. М.: ЮНИТИ, 2004. С. 266.

⁸⁸ Философский словарь / под. ред Н.М. Ланды. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 601.

⁸⁹ Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М.: Издательство «Логос», 1998. С. 20.

согласием. Они осязаемы, поскольку фиксируются во время письма, а их произношение требует множества движений мускулами.

Язык унаследован от предшествующей эпохи, а, следовательно, он не знает другого закона, кроме закона традиций, он произволен только потому, что опирается на традицию⁹⁰. Он преобразуется с течением времени, а вот говорящие на нём преобразовать его не могут.

Основные принципы семиотики были сформулированы Ч. Пирсом во второй половине XIX века. Он же ввёл само понятие «семиотика» и классификацию знаков. Согласно Ч. Пирсу, коммуникативный процесс представляют собой сплошной поток разнообразных знаков, с помощью которых шифруется и дешифруется информация, передаваемая от говорящего к реципиенту⁹¹.

В рамках семиотического подхода исследователи обычно выделяют три уровня исследования знаковых систем, которые соответствуют трем направлениям семиотики:

1. *Синтактика* посвящена изучению синтаксиса знаковых систем, то есть структуры сочетаний знаков и правил их образования безотносительно к их значениям и функциям знаковых систем;
2. *Семантика* изучает знаковые системы как средства выражения смысла, основной её предмет представляют интерпретации знаков и знакосочетаний;
3. *Прагматика* изучает отношение между знаковыми системами и теми, кто воспринимает, интерпретирует и использует содержащиеся в них сообщения⁹².

Классическим представителем культурфилософии и основоположником немецкой семиотики стал Э. Кассирер. Именно с его именем связано развитие представительной и сравнительно молодой символической школы, объединяющей преимущественно лингвистов, филологов широкого профиля

⁹⁰ Соссюр Ф. Указ. соч. С. 74.

⁹¹ Философский словарь... С. 601.

⁹² Там же. С. 601.

и искусствоведов, которые сводят любые проявления материальной и духовной культуры к её чисто знаковой сущности. Основным трудом исследователя, отражающим его взгляды в области семиотики, является «Философия символических форм». Здесь автор развивает идею о врождённой способности человека к символизации. Современный цивилизованный человек живёт в мире, состоящем из знаков и символов. По Э. Кассиреру, «логика вещей окружающей действительности неотделима от логики знаков». Все коммуникативные взаимодействия представляют собой совокупность взаимосвязанных знаков, с помощью которых человек кодирует ту или иную информацию. Сам знак необходим для того, чтобы сформулировать и конкретизировать содержание передаваемой мысли⁹³. Следовательно, всё человеческое мышление протекает в рамках символов.

Самой главной символической формой является язык, поскольку именно в рамках языка происходит познание и преобразование окружающей действительности. Каждый язык представляет собой особый способ мироощущения, а потому у людей, говорящих на разных языках, разное мироощущение, и достичь полного взаимопонимания между двумя разными культурами довольно проблематично.

Таким образом, каждый народ, и человек в частности, создаёт вокруг себя свой особый символический мир, сквозь призму которого и идёт познание физической реальности и взаимодействие с окружающей действительностью.

Вопрос о «происхождении языка», для Э. Кассирера, неразделимо связан с вопросом о «происхождении мифа»; понятия пространства, времени, числа он также рассматривает в их постепенном становлении из нерасчленного единства мифологического сознания. Таким образом, по мнению учёного, символическая сфера, окружающая человека, является не чем иным, как

⁹³ Кассирер Э. Философия символических форм // Антология культурологической мысли / авт.-сост. С. П. Мамонтов. М.: РОУ, 1994. С. 203.

порождением мифологического мышления. Именно здесь нужно искать основные трактовки тех или иных символических значений.

Дж. Трессидер, представитель английской семиотики, концентрирует свой исследовательский интерес на символах материального мира, окружающего человека, а потому на первый план для него выходит семантика предметов. Итогом его исследовательских работ стал «Словарь символов».

Согласно мнению исследователя, символы создаются человеком с момента его появления и сопровождают всю жизнь человечества. Если раньше человек с помощью символов делал видимыми свои идеи, то постепенно функции символов стали расширяться. Они перестают быть указателями, но уже позволяют передавать глубочайшие мысли о человеческой жизни и природе⁹⁴. Символы отражают глубины человеческого сознания и подсознания, и посредством этого обеспечивают преемственность между поколениями. По мнению Дж. Трессидера, они предшествовали слову и уже на ранних стадиях человеческой жизни помогали людям осуществлять обмен идеями, а впоследствии – межэтнический диалог. Общепринятая система жизненных символов позволяла людям чувствовать гармонию друг с другом, побуждала к коллективным действиям.

Исследователь утверждает, что с самого начала человеческой истории с помощью символов люди пытались упорядочить и понять смысл человеческого существования. И потому смысл современных символов нужно искать в символическом прошлом. Только осознав смысл символов прошлого, нам будет легче понять широкий смысловой диапазон современной символики.

Создавая свой «Словарь символов», Дж. Трессидер задавался главной целью расшифровать смысл символов, которые имеют длительную историю, важны для полного понимания путей развития человеческой мысли, искусства, обычаев, религии и мифологии.

Подобных же взглядов придерживаются В. Бауэр, И. Дюмотц, С. Головин – авторы-составители «Энциклопедии символов». В. Бауэр – профессио-

⁹⁴ Трессидер Дж. Словарь символов. М.: Фаир-пресс, 1999. С. 5.

нальный психолог, И. Дюмотц – педагог, С. Головин – писатель, поэт, специалист по фольклору. Авторы в своей профессиональной деятельности сталкивались с символами и пришли к выводу, что они играют большую роль в жизни людей.

По их мнению, цивилизация, созданная людьми, насквозь символична, и «корни этих символов уходят к преданиям и обычаям «простого» народа, традициям кочевых народов, «потусторонним» путешествиям шаманов, ясновидящих, мистиков, к рассказам, обычаям странствующих народов».⁹⁵

Изображение превращается в символ, когда в нём содержится некий «неосознанный» аспект, который никогда не может быть однозначно пояснён или определён. Смысл самого символа можно постичь в ходе общения с ним⁹⁶.

Авторы считают, что трактовка символов зависит от личности исследователя, взявшегося за их толкование, его социального, культурного и географического окружения, сознания и намерений.⁹⁷

Труды Дж. Трессидера, В. Бауэра, И. Дюмотца, С. Головина наталкивают на мысль, что для них символ – это, прежде всего, предмет материального мира, который наделяется в сознании человека неким смыслом. Причём есть группа символов, которая является общей для всего человечества, и, следовательно, имеет одинаковое значение и интерпретацию для всех этносов.

Наиболее яркой и выдающейся личностью в отечественной семиотике был Ю. М. Лотман – основатель Тартуско-московской семиотической школы. Как культурологу Россия обязана Ю.М. Лотману глубокими исследованиями отечественных традиций, духовной жизни, быта преимущественно XVIII–XIX веков. Исследователь разработал свою теорию культуры, в основе которой лежит семиотическая парадигма.

⁹⁵ Бауэр В., Дюмотц И, Головин С.. Энциклопедия символов. М.: Крон-Пресс, 1998. С. 9

⁹⁶ Там же. С. 10.

⁹⁷ Там же. С. 11.

Культура, по мнению Ю.М. Лотмана, является социальным явлением и неразрывно связана с процессами коммуникации. Она, подобно биосфере, делает возможной общественную жизнь⁹⁸. Это, прежде всего, форма общения, она не может существовать без языка, который образует определённую систему символов, употребляемых в соответствии с правилами, выработанными в данном коллективе. Исследователь приводит две традиции толкования символов. Согласно первой, символ является знаковым выражением высшей и абсолютной незнаковой сущности, то есть неразрывно связан с иррациональным и мистическим миром значений. Вторая традиция трактует символ как знак, значением которого является некоторый знак другого ряда или другого языка. Символическое значение приобретает сугубо рациональный характер и истолковывается как средство адекватного перевода плана выражения в план содержания. Символы никогда не принадлежат к какому-либо одному срезу культуры – они всегда пронзают этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения.⁹⁹

Символы образуют ядро культуры и формируют единое пространство взаимодействий индивидов, ареал которого совпадает с национальными границами. Свою значимость они приобретают в рамках семиосферы, потому участники коммуникации должны уже иметь навыки семиотического опыта, который предшествует любому коммуникативному акту.

Семиосфера, по мнению М.Ю. Лотмана, представляет собой условия существования и работы языков, предопределяет характерную для человеческих взаимодействий дихотомию «своё – чужое». Язык в центре семиосферы будет считаться «своим», но стоит его перенести в иную семиотическую среду, он будет восприниматься как «чужой».

Быт, обычаи, обряды, пронизанные насквозь коммуникативными процессами, также носят глубоко символический характер. Так, Ю.М. Лотман

⁹⁸ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства XVIII – XIX вв. СПб: Искусство-СПб, 1994. С. 324.

⁹⁹ Он же. Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 146, 148.

приводит примеры, ярко иллюстрирующие данное положение. Глубокий символический смысл имеют предметы дамского туалета XVIII–XIX вв.: "Излюбленными украшениями дам были мушки, которые делались из тафты и бархата. Место, куда их прилепляли, не было случайным. Мушка в углу глаза означала: «Я вами интересуюсь», мушка на верхней губе: «Я хочу целоваться». Это всё дополнял веер, движения которого также получали особый смысл. Например, резкое закрывание веера означало: «Вы мне не интересны». В совокупности же комбинация мушек и игры веера создавали своеобразный «язык кокетства»"¹⁰⁰.

Говоря о каналах коммуникации, исследователь выделил коммуникацию типа «Я – ОН», где «Я» – субъект передачи и обладатель информации, а «ОН» – объект, адресат. В этом случае предполагается, что некоторое сообщение известно «мне», но не известно «ему», информация остаётся постоянной в пределах акта коммуникации и передаётся с помощью специального социального кода, обусловленного особенностями культуры и выраженного специальными знаками и символами. Ю.М. Лотман считал, что без знания значений этих знаков и символов нельзя понять всю историю человечества. События совершаются людьми, действующими согласно мотивам конкретной исторической эпохи и обстоятельствам. Следовательно, сфера поведения – очень важная часть национальной культуры, и трудность её изучения связана с тем, что здесь сталкиваются устойчивые черты, не меняющиеся столетиями, и формы, изменяющиеся с чрезвычайной скоростью¹⁰¹.

Основы семиотики как науки о знаках изучал культуролог, представитель Московской семиотической школы Б.А. Успенский, изложивший свои взгляды в знаменитой работе «Этюды о русской истории». Он выделил две ипостаси знака – знак сам по себе и знак в рамках процесса коммуникации. Знак сам по себе определяется как язык и, следовательно, целесообразно выделять семиотику знака (логическое направление) и семиотику языка как

¹⁰⁰ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 13.

¹⁰¹ Он же. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам VI. Сборники научных статей в честь М.М. Бахтина. Тарту: Издательство Тартуского университета, 1973. С. 228.

знаковой системы (лингвистическое направление). Логическое направление исследует знак посредством отношения знака к смыслу и денотате, выделяет структуру знака. Лингвистическое направление интересуется языком как знаковой системой, передающей информацию с помощью набора элементарных знаков.

Семиотический подход к истории и культуре предполагает апелляцию к внутренним точкам зрения самих участников исторического или культурного процесса: значимым признаётся то, что является значимым с их точки зрения¹⁰².

Таким образом, в представлениях Б.А. Успенского взаимодействия людей предстают как организованный процесс коммуникации в рамках символического пространства. Понять это пространство можно лишь путём изучения, как отдельного символа, так и систем символов.

Структура отдельных символов коммуникации в рамках семиотики рассматривалась и белорусской исследовательницей, лингвистом Н.Б. Мечковской. Согласно её взглядам, в любом человеческом обществе все знания, умения, навыки, накопленные тысячелетиями, передаются только посредством систем знаков или знаковых систем. То есть любая информация имеет знаковую природу и передаётся с помощью знаков, а так как любая культура – это, прежде всего, совокупность разнообразной информации, то из этого следует, что культура имеет семиотические основы. Передача информации от человека к человеку происходит, несомненно, с помощью жестов, мимики и слов. Жесты и мимика обычно используются в устной речи. С их помощью в основном передаётся информация, которую собеседник выразил без конкретной цели, то есть ненамеренно, а чаще даже неосознанно. Например, «человек не хотел обнаружить свою досаду, но собеседник понял это по закусенной губе и помрачневшему взгляду»¹⁰³. Такие системы знаков автор называет прасемиотическими, так как своими корнями они уходят к ранним

¹⁰² Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002. С. 11.

¹⁰³ Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. М.: Академия, 2004. С. 8.

ступеням развития человечества. В целом, говоря о коммуникативном процессе, Н.Б. Мечковская приходит к выводу о том, что он, как эмпирический объект, не принадлежит только семиотике¹⁰⁴. Для получения достоверных знаний о коммуникативных процессах, они должны быть подвержены изучению широким кругом гуманитарных дисциплин.

Таким образом, последователи семиотики анализируют существующую человеческую реальность сквозь призму разнообразных знаков и знаковых систем, где главная роль принадлежит языковым знакам и символам материального мира, который окружает человека. Для них процесс коммуникации, прежде всего, представлен в виде направленного потока знаковых систем и отдельных знаков от сообщаемого информацию к реципиенту, целью последнего является не просто принять этот набор символов, но и правильно дешифровать его.

Природа и характер символических форм, используемых в процессе коммуникации, двойственна. С одной стороны, знаки и символы коммуникации зависят от общества, в котором они функционируют, а потому часто, являясь одинаковыми по внешней форме, могут иметь разное «означающее» в разных коммуникативных пространствах. С другой – они никогда не зависят от людей, пользующихся ими, поскольку общество знает, и всегда знало их как продукт, унаследованный от предшествовавших поколений, и потому должен быть принят таким, как он есть. Следовательно, если мы хотим понять, почему в данном коммуникативном пространстве используют данный символ или знак, нам необходимо обратиться в прошлое человечества, вплоть до обращения к мифологическому мышлению. Но при этом не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что с течением времени символы могут приобретать дополнительное значение и смысл.

¹⁰⁴ Мечковская Н.Б. Указ. соч. С. 17.

§ 3. Коммуникативное поведение в контексте психологических исследований

В XX столетии изучением коммуникативного поведения активно стала заниматься психология. Именно она дала ответы на многие вопросы, смогла классифицировать это явление, описать его наиболее полно по сравнению с попытками, предпринимавшимися ранее в других областях знания.

Психологов в области коммуникативных процессов интересуют, в первую очередь, влияние культурных различий на процессы интерпретации и категоризации, а также онтология соответствующих поведенческих стереотипов. Под этим углом и в рамках этих аспектов рассматривают коммуникативные процессы психологи, социальные психологи, психоаналитики, между их исследованиями очень трудно провести чёткую грань. Задача и тех, и других – обозначить наблюдаемый феномен и показать отличия от подобных реакций и установок в ситуации межгруппового, межкультурного и внутрикультурного взаимодействия.

Долгое время изучение невербального поведения в психологии осуществлялось в русле идей, сформулированных Ч. Дарвином. Именно он в конце XIX в. попытался дать определение невербальному поведению (он называл его «выражающим отношением») и посвятил этой теме целый труд¹⁰⁵. Будучи биологом, Ч. Дарвин сравнил экспрессивное поведение животных и человека в однотипных эмоциональных ситуациях, обнаружив при этом большое сходство. Учёный ставил перед собой задачу понять причины возникновения невербальных символов экспрессивного поведения¹⁰⁶.

Поворотным моментом стали исследования российского учёного С.Л. Рубинштейна, основателя деятельностного подхода в психологии. Он сформулировал утверждение о том, что движения не являются простым сопровождением эмоций, они выполняют «определённую актуальную функцию, а именно –

¹⁰⁵ Дарвин Ч. О выражении ощущений у человека и животных / пер. А. Ковалевского. СПб.: Издательство Типография Ф.С. Сушинского, 1872.

¹⁰⁶ Цит. по: Лагун А. Е. Указ. соч. С. 117.

функцию общения, они – средство сообщения и воздействия, они – речь, лишённая слова, но исполненная экспрессии»¹⁰⁷.

Вопросы коммуникативного поведения затронуты и в трудах основоположника психоанализа З. Фрейда, по мнению которого, поведение людей часто можно объяснить через символы воспоминаний об известных переживаниях: «Ведь памятники и монументы, которыми мы украшаем города, представляют собой такие же символы воспоминаний»¹⁰⁸. Автор пытался показать, что культура, созданная человеком, и поведение самого человека глубоко символичны. А в основе любого символа лежат те или иные воспоминания, переживания, какая-либо психическая деятельность. То есть, если мы хотим понять значение современных символов коммуникации, то нам необходимо обращаться к прошлому опыту человека, к его бессознательному.

Теорию символов в рамках психоанализа продолжил ученик З. Фрейда К.-Г. Юнг, который говорил о том, что для психотерапевта наиболее важными являются «естественные» символы. Естественные символы – это проявления архетипических образов, корни которых уходят в первобытное общество. Символы культуры используются для выражения «вечных истин». Пройдя долгий исторический путь развития в процессе передачи от одного поколения к другому, они становятся «коллективными образами», которые принимает вся цивилизация. Эти символы, став частью общечеловеческой культуры, у некоторых людей вызывают сильный эмоциональный отклик, а потому психолог не может не считаться с ними¹⁰⁹.

Современный человек, по мнению исследователя, является синтезом характерных черт, приобретённых на разных стадиях многовекового процесса умственного развития. Из этой смеси складываются и его символы¹¹⁰. Если внимательно приглядеться к символам, окружающим человека, то можно заметить, что научные знания здесь соседствуют с предрассудками и стереотипами. Для правильного их понимания нужно определить соотносятся ли их

¹⁰⁷ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. Т II. М.: Педагогика, 1989. С. 486.

¹⁰⁸ Фрейд З. Я и Оно. М.: ЭКСМО, 2005. С. 320.

¹⁰⁹ Юнг К.-Г. Человек и его символы // [www/apelna.ru/](http://www.apelna.ru/)

¹¹⁰ Там же.

появление с чисто личными переживаниями и опытом, или они пришли из хранилища общечеловеческого знания – архетипов, воздействующих на человеческие эмоции и чувства. Символы, которые несут в себе эмоциональную окраску или используются людьми для выражения своих чувств и эмоций, являются не чем иным, как их порождением. Для того, чтобы понять архетип, нужно изучать жизнь конкретного индивида. Что касается вербальных символов, то использовать их бесполезно, если их значения остаются неизвестными¹¹¹.

Таким образом, К.-Г. Юнг является последователем своего учителя и продолжателем его теории, но если З. Фрейд считал, что при расшифровке символов необходимо обращаться к подсознанию каждого индивида, то в соответствии с теорией К.-Г. Юнга, трактовку символов нужно искать в коллективном подсознании, которое присуще обществу в целом.

Общение людей рассматривала и марксистская социальная психология. В частности, большое внимание данной теме уделено в исследованиях Т. Гибша и М. Форверга, по мнению которых, человечество обладает набором средств для установления социальной коммуникации и управления социальной жизнью и поведением. Этот набор включает в себя речь (вербальные символы), мимику и жесты (невербальные символы). Свое внимание они обращают, прежде всего, на коммуникацию, которая происходит непосредственно при взаимодействии людей. Прямыми возможностями управления социальной жизнью обладают действия, выразительные движения, жесты, речь. Остановливаясь на коммуникативной функции жеста и речи, авторы используют данные различных разделов психологии и других наук, которые помогают раскрыть процессы коммуникации более полно. Прежде чем начать исследование, авторы попытались дать определение изучаемым объектам: «Жест – это определённые, разграниченные, отчётливо воспринимаемые и описываемые свойства общей

¹¹¹ Юнг К.-Г. Указ. соч.

моторики, преимущественно поверхности тела (лица = мимика, всего тела = пантомимика, рук и кистей рук = жестикуляция)»¹¹².

Так как жест связан с действием, а действие человека не только предметно, но вместе с тем и социально направлено, он приобретает коммуникативную функцию¹¹³.

У маленького ребенка с самого раннего возраста вначале не подавляемые и врожденные выражения аффектов направлены на социальное окружение. Именно благодаря социальному окружению, а точнее его реакции на те или иные жесты ребенка, малыш начинает понимать, какие жесты и в какой ситуации наиболее приемлемы. Таким образом, жесты зависят от особенностей общества, в котором протекает социализация ребенка, а потому они являются социально обусловленными и навязываются индивиду извне, социальным окружением. Выбор между разрешенными и запрещенными, желательными и нежелательными жестами зависит не от самого физиологического механизма жеста, а от представлений соответствующего общества, культуры или эпохи о том, каким должен быть человек, определённые группы или классы людей.

В каждой культуре применяется множество воспитательных «технических приёмов», чтобы влиять на подрастающее поколение. В решении этой задачи большую роль играет общественная стилизация и ритуализация жестов, например, в различных религиозных обрядах, при приготовлениях к ним, в народных обычаях и т.д. Это приводит к тому, что в социально однородной группе людей формируется относительно однородная структура аффектов и побуждений её членов¹¹⁴. Таким образом, авторы приходят к выводу, что учение зависимости невербального языка от типа темперамента необоснованно и является не чем иным, как стереотипным представлением.

¹¹² Гибш Т., Форверг М. Введение в марксистскую социальную психологию. М.: Прогресс, 1972. С. 126.

¹¹³ Там же. С. 130.

¹¹⁴ Там же. С. 131-132.

Социально желательное выражение чувств, ритуализируясь, может воспроизводиться независимо от аффекта. Такие жесты управляют коммуникацией без существенной эмоциональной нагрузки. Но, так или иначе, жест не может быть правильно понят вне языкового общения в человеческой деятельности, а потому авторы обращают свои взоры к исследованию речи как основному и универсальному средству коммуникации.

В речи, по мнению учёных, объединяются три зависимые друг от друга функции: выразительная (с помощью которой отражаются соответствующие состояния говорящего субъекта), апелляционная (посредством которой «другой» побуждается к действию) и изобразительная (посредством которой «другому» изображается, сообщается положение вещей)¹¹⁵. Авторы считают, что сущность человеческой устной повседневной речи лучше всего можно пояснить на примере её информативной функции, в которую все вышеперечисленные функции входят как зависимые компоненты. Она является средством взаимопонимания и коммуникации между людьми. Само же понимание возникает только тогда, когда ситуация одинаково осмысливается индивидами, вступившими в контакт.

Итак, совместные действия, относительно общая для всех структура ситуации, используемые при этом мимика и жесты, звучание голоса и интонация с заключёнными в них эмоциональными оттенками – все это вместе обуславливает значение и понимание произносимого для коммуникации. При этом совершенно не требуется, чтобы сказанное было заключено в грамматически законченные предложения. Часто достаточно отдельных слов или обращений¹¹⁶. Отсюда следует, что речь достаточно экономна, поскольку требует меньше затрат энергии, чем действие.

С помощью речи могут быть воссозданы прошлые переживания и представлены будущие события, намерения и цели. Тем самым прошедшее и будущее включаются в настоящее, поэтому можно сказать, что с появле-

¹¹⁵ Гибш Т., Форверг М. Указ. соч. С. 132

¹¹⁶ Там же. С. 136.

нием речи человеческое сознание становится историческим, общественным.

Исходной позицией любой языковой ориентации является «Я» («Ego»), таким образом, исследователи пришли к выводу, что язык в первооснове своей эгоцентричен, представляет собой индивидуальную, но, вместе с тем, и общественную практику. Следовательно, понять семантику вербального и невербального языка того или иного общества можно только через изучение конкретной практической деятельности социума и вживание в конкретную среду.

На стыке психологии и социальной психологии рассматривает коммуникативные процессы А. Пиз – американский менеджер, психолог, представитель когнитивно-поведенческой психотерапии. Он считает, что культура реализуется в процессе взаимодействия людей друг с другом, а потому важно обращать внимание на общение как средство культурной преемственности между поколениями и на основные его составляющие – семантику жестов и мимики, которая сопровождает общение и несёт в себе дополнительную культурную нагрузку.

Прослушав курс лекций американского профессора Р. Бердвистла, исследования которого показали, что большая часть человеческого общения происходит при помощи жестов и мимики, разнообразных поз и соблюдения расстояния между людьми, А. Пиз провёл свои научные исследования, результаты которых изложил в книге «Язык телодвижений. Как читать мысли окружающих по их жестам». В ней он суммировал массу исследований видных учёных-бихевиористов и скомбинировал их с данными, полученными другими специалистами – социологами, антропологами, специалистами по семиотике и так далее.

Главной целью автора было «раскрыть значение невербальных сигналов и намёков, а также показать, как люди общаются друг с другом при помощи таких средств»¹¹⁷. Невербальное общение – сложный процесс, в кото-

¹¹⁷ Пиз А. Язык телодвижений. М.: Эксмо, 2006. С. 8.

ром участвуют люди, произносимые ими слова, тон голоса, движения тела. Изучение и овладение навыками невербального общения помогает сделать самую заурядную беседу увлекательным и чрезвычайно интересным делом. Это помогает людям разных национальностей более плодотворно общаться, понимать друг друга и передавать навыки, умения, знания другим поколениям, способствуя культурной преемственности¹¹⁸.

К теме вербальных и невербальных способов коммуникации обращался в своих трудах и отец российской психологии, представитель психолингвистического направления А.А. Леонтьев. С психологической точки зрения язык развёртывается во времени и выражает собой некоторое намерение говорящего; орудие, с помощью которого человечество закрепляет свои достижения в области психики, познания и духовной сферы. Как и всякий предмет, который включён в деятельность человека, язык обладает объективным значением. Что же касается смысла, то это нечто индивидуальное, присущее конкретному человеку и зависящее от его индивидуального жизненного опыта. Смысл порождается не значением, а жизнью¹¹⁹. Чтобы понять значение (объективную сторону) того или иного языкового символа, необходимо приложить массу усилий, встать над личными интересами.

Психологический подход к изучению коммуникации продемонстрировала в своей работе «Психология общения» представительница когнитивно-поведенческой терапии В.А. Лабунская. По мнению автора, уже древний человек подметил зависимость между выразительными движениями и психическим состоянием человека. А в раннем средневековье существовала наука «нема», которая утверждала, что человек лишь с помощью рук, некоторых телодвижений, не размыкая уст, может передать то, что не всегда возможно узнать из устного рассказа или написанного текста, а также наука «хирономия» – о правилах жестикуляции¹²⁰. Человек по своей сути доверяет больше глазам, нежели чему-либо другому. Именно об это говорит распространённая

¹¹⁸ Пиз А. Указ. соч. С. 13.

¹¹⁹ Леонтьев А.А. Языкознание и психология. М.: Наука, 1966. С. 33-34.

¹²⁰ Лабунская В.А. Психология экспрессивного поведения. М.: Наука, 1989. С. 5.

русская пословица «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». В.А. Лабунская отмечает, что в общении человек доверяет выразительному поведению информанта, а не его словам. Мимика, жесты, позы – составляющие экспрессивного поведения – являются неотъемлемой частью психологии общения. Научный подход к экспрессии начинается с постановки и решения ряда вопросов: определение места выразительных движений в системе невербальных средств общения, установление границ связи внешнего облика человека с внутренним психическим миром личности, выявление путей обучения «чтению» экспрессивного поведения¹²¹.

Автор подтверждает, что мимика, жесты как элементы экспрессивного поведения являются одной из первых неречевых, визуальных систем, усваиваемых в детстве. Кроме того, имеются данные, которые свидетельствуют о приоритете «языка тела» над речевым языком. Появление у ребёнка без специального обучения понятных домашних жестов, выражений лица, интонаций указывает на то, что способы выражения эмоций заложены в человеке генетически. Однако их проявление, закрепление, обогащение, развитие индивидуальных программ экспрессивного репертуара определяется той социальной средой, в которой находится человек¹²².

Для описания коммуникативных кодов В.А. Лабунская вводит понятие «экспрессивный репертуар человека», который включает в себя «набор поз, жестов, интонаций, мимических масок, используемых в определённом сочетании в различных ситуациях общения. Основное свойство выразительного репертуара человека – движение. Богатство выразительного репертуара всецело определено уровнем психического и социально-психологического развития человека»¹²³. Центральное положение в экспрессивном поведении, по мнению автора, занимает выражение лица. Сокращение лицевых мышц изменяет выражение лица и сигнализирует о состоянии, в котором в данный момент находится человек. За счёт высокой социальной значимости экспрес-

¹²¹ Лабунская В.А. Указ. соч. С. 7.

¹²² Там же. С. 12

¹²³ Там же. С. 21.

сии лица, выполняющей функцию установления контакта между людьми, лицо постоянно находится в поле зрения партнёра. При общении мы «схватываем» экспрессию лица в целом.

Не менее важный компонент экспрессивного репертуара человека – его жесты, то есть движения рук или кистей рук. Язык жестов – один из самых древних языков, с его помощью могут понять друг друга представители различных народов. В последнее время предприняты даже шаги по созданию словарей жестов. Так, одними из первых словарь русских жестов составили ученые Х. Кано и А.А. Акишина¹²⁴, в котором каждый описанный жест имеет свое название, о нём подробно рассказано и указано его значение. Согласно представлениям исследователей, жесты классифицируются на основе их функций. К *коммуникативным жестам* относятся те, которые заменяют речь. Это жесты приветствия, прощания, неприличные жесты рук и т.д. Они понятны вне речевого контакта и имеют собственное значение. Вторая группа включает *относительно-изобразительные жесты*. Их смысл понятен только при словесном сопровождении. Например, жест, сопровождающий рассказ о величине предмета и его форме. Третья группа жестов – такие *движения рук, которые выражают отношение к людям, состояние человека* (жесты растерянности, смятения, неудовольствия).

Выделяются естественные и искусственные языки жестов глухонемых или те системы движения рук, которые имеют конкретное практическое значение: взмахи руками дирижёра, «ручной язык» биржевиков. Такие жесты входят в экспрессивный репертуар человека, но имеют в нём автономное положение. Они не столько выражают состояние человека, сколько заменяют речь. Естественный язык жестов, как правило, спонтанный. Человек использует его с целью передачи информации и выражения своего отношения к сказанному.

А.А. Акишина и Х. Кано утверждают, что для понимания жестов важно знать психологические состояния, влияющие на их динамику, интенсивность

¹²⁴ Акишина А.А., Кано Х. Словарь жестов / Цит. по: Лабунская В.А. Указ. соч. С. 27.

и т.д. Установлено, что интенсивность жестикуляции повышается, если говорящий волнуется или хочет занять лидирующее положение в общении, если прерывается обратная связь, если человек испытывает затруднения в выражении мысли. Во всех перечисленных ситуациях жестикуляция возникает непроизвольно и едва осознаётся человеком. Жесты в большей степени говорят о силе переживаемых состояний и в меньшей степени поддаются контролю и регуляции. Тревожность, неуверенность человека сопровождаются хаотическими или однообразными движениями рук, использованием при разговоре какого-либо предмета (постукивание карандашом, снятие-надевание очков и т.д.). Сила и частота жестикуляции, отмечают авторы, определяется также культурными нормами отдельно взятого этноса. От принадлежности к тому или иному этносу зависит также рисунок жестов, их значение, появление специфических движений рук. Например, жест «большой палец руки опущен вниз», обозначающий у англичан неодобрение, отсутствует у русских, а жест «почесывание затылка», передающий у русских усилие вспомнить что-то, у тех же англичан встречается сравнительно редко¹²⁵.

Однозначность жеста зависит от его распространения. Наблюдается интересная закономерность: чем шире употребляется жест, чем больше область его распространения, тем он однозначней воспринимается, и, наоборот, локальное употребление жеста делает его более многозначным. Например, жест «завинчивание в висок указательного пальца правой руки» также имеет определённый психологический смысл и практически во всех уголках земного шара используется с одной целью – подчеркнуть, что собеседник говорит глупости. А вот жест «удар по ладони партнёра в момент или после произнесения фразы» распространён не так широко. Поэтому он более многозначен. Для египтянина, сирийца такой жест «говорит», что собеседнику понравилась сказанная шутка, а европейцами то же движение рук может быть понято как проявление фамильярности, неуважения и т.п.¹²⁶.

¹²⁵ Акишина А.А., Кано Х. Словарь жестов / Цит. по: Лабунская В.А. Указ. соч. С. 27.

¹²⁶ Лабунская В.А. Указ. соч. С. 27.

Особую группу жестов представляют *жесты-прикосновения*. Их принято относить к такесике – физическому контакту людей (поцелуй, похлопывание, поглаживание, рукопожатие, потирание кончика носа и т.д.). С помощью прикосновения формируется представление о пространстве своего тела и знания о частях тела другого человека.

Ещё один компонент экспрессивного репертуара человека составляют *позы*. Позу характеризует определённое положение частей тела человека: головы, плеч, туловища, ног. Гармоничная взаимосвязь частей тела человека создает естественную, завершённую позу. Для правильного понимания позы необходимо знать не только культурные традиции общества, возрастные изменения, но и способы реагирования на собеседника мужчины и женщины.

В число экспрессивных репертуаров человека входит и его *походка*. Она имеет ряд черт: ритм, скорость, длину шага, давление на поверхность. Манера походки во многом определяется одеждой, а та, в свою очередь, – модой. Наиболее восприимчивы к моде подростки, молодые люди. Усваивая стиль одежды, они приобретают и определённую походку.

Рассматривая преимущественно невербальное поведение людей, В.А. Лабунская пришла к выводу, что роль мимики, жестов, поз, походки, прикосновений, взгляда в передаче внутреннего состояния человека неоднозначна. Мимика в большей степени передаёт состояние человека, а жесты свидетельствуют об интенсивности переживаний. Направленность взгляда, обращённость лица к собеседнику говорят о характере контакта. Поза в большей степени, чем другие экспрессивные средства, передаёт отношение к другому человеку. Программы экспрессивного репертуара фиксируются в образах, в представлениях и, превращаясь в эталоны поведения, регулируют процесс общения¹²⁷. Выразительный репертуар любого человека можно оценить с точки зрения его типичности – индивидуальности. Определение степени соответствия выразительного поведения принятым стандартам даёт дополнительную информацию как о самом человеке, так и об обществе, к которому он принадлежит.

¹²⁷ Лабунская В.А. Указ. соч. С. 32.

Экспрессия указывает на то, какими способами выражения владеет общество. Выразительные движения используются говорящим человеком также для того, чтобы установить контакт, наладить обратную связь. Такие движения слушающего, как покачивание головой, лёгкие изменения в выражении лица, повторение коротких реплик типа «да», «хм», являются ответами по каналу обратной связи.

Экспрессивный репертуар человека многообразен и многофункционален. Он создаёт образ партнёра по общению, выступает в качестве маскировки «Я-личности», является показателем психических состояний, контролирует и нейтрализует состояние сильного душевного волнения, снимает возбуждение, служит одним из признаков общей и психомоторной активности человека. Знание возможностей выразительных движений и умелое их применение обеспечивает оптимальное общение¹²⁸.

В.А. Лабунская считает, что на точность «прочтения» экспрессии оказывает влияние, с одной стороны, «социальный» интеллект, под которым понимается «умение человека правильно воспринимать, интерпретировать личность, отношения между людьми, а с другой – культурные традиции народа»¹²⁹.

Этнопсихология предложила свои методы изучения межэтнической коммуникации, в качестве центрального среди которых, выступает процесс стереотипизации. Результатом этого процесса становятся этнические стереотипы, представляющие собой обобщённые, устойчивые эмоционально-насыщенные образы этнических групп, регулирующие поведение и восприятие их представителей в межэтнических коммуникациях¹³⁰.

Возникновение и функционирование этнических стереотипов во многом связано с определённым типом интерпретации поведения представителей различных этнических групп. Причинная интерпретация наблюдаемого и прогнозируемого поведения собственной и иноэтнической группы находится

¹²⁸ Лабунская В.А. Указ. соч. С. 43.

¹²⁹ Там же. С. 56.

¹³⁰ Солдатова Г.У. Межэтническое общение: когнитивная структура этнического самосознания.// Познание и общение. М.: Наука, 1988. С. 111.

в зависимости от социально-экономических, идеологических и культурных факторов, которые определяют характер межэтнического общения и формируют различную степень субъективной близости и отдалённости этнических групп друг от друга. Это находит своё отражение в этноинтегрирующих (автостереотипы) и этнодифференцирующих (гетеростереотипы) признаках-атрибуциях – содержательных компонентах этнического самосознания¹³¹.

Этнические стереотипы несут в себе эмоционально окрашенную информацию, оценочно-нормативный компонент. Это нередко служит предпосылкой того, что «точка отсчёта» восприятия особенностей характера или поведения представителя иноэтнической среды находится в пределах системы традиционной культуры собственной группы. Восприятие через призму собственных этнокультурных ценностей не может не оказывать влияние на снижение адекватности и повышение субъективности образа представителя другого этноса¹³².

Не менее популярным направлением в изучении коммуникативного поведения является психосемантика. Например, психосемантический анализ В.Ф. Петренко базируется на позиции множественности возможных моделей мира, на идее плюрализма истины и, как следствие, на идее множественности путей развития как отдельного индивида, так и общества. Поэтому, по словам И.В. Приваловой, в психосемантике реализуется парадигма конструктивизма, где картина мира трактуется не как зеркальное отражение действительности, а как одна из возможных пристрастных культурно-исторических моделей мира, которые создаёт единичный или коллективный субъект. Межэтническая коммуникация считается успешной, если смысл определённой языковой знаковой совокупности, закодированной и отправленной коммуникантом-адресантом, сохранился в неизменном виде после её декодирования и последующей интерпретации коммуникантом-адресатом¹³³.

¹³¹ Солдатова Г.У. Указ. соч. С. 112.

¹³² Там же. С. 119-120.

¹³³ Привалова И.В. Указ. соч. С. 35, 77.

Для анализа вербальной коммуникации в рамках психосемантики широкое распространение получил метод семантического дифференциала. Он особенно хорош в исследованиях, связанных с восприятием и поведением человека, выявлением социальных установок и личностных смыслов. Семантический дифференциал – это измерительная техника, основанная на применении факторного анализа к исследованию значений. Здесь процесс описания исследуемого объекта может рассматриваться как помещение его в экспериментальный континуум, определяемый парой антонимичных терминов. Многие экспериментальные континуумы фактически эквивалентны и могут быть сведены в одно измерение. Ограниченное число континуумов используется для построения семантического пространства, в котором можно оценивать значения любого объекта¹³⁴.

Таким образом, анализ психологических подходов показывает, что использование вербальных и невербальных символов зависит от эмоциональной обстановки, внутреннего эмоционального состояния индивидов, участвующих в процессе коммуникации. При интерпретации различий в использовании тех или иных символов разными социальными группами мнения исследователей расходятся. Согласно сторонникам психоанализа, это зависит от коллективного общественного опыта, который индивид осваивает в процессе жизнедеятельности, а также от сильных эмоциональных переживаний, испытываемых им когда-либо. Сторонники марксистской психологии считают, что жесты и мимика являются, прежде всего, отображением регулятивных процессов центральной нервной системы, желез внутренней секреции, а потому не носят какой-либо ярко выраженный национальный характер и протекают одинаково у всех представителей человеческого рода. Мнения отечественных психологов также разделились. По мнению одних, жесты и мимика не имеют каких-либо национальных различий, поскольку они используются для выражения аффективных состояний, а человек в состоянии аффекта теряет самоконтроль. По мнению других, жесты и мимика регули-

¹³⁴ Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005. С. 93.

руются национальной культурой и во многом зависят от неё. Так, любой жест, мимика, слово являются абсолютно бессмысленными сигналами, если нам ничего не известно о том, представителем какого общества они были использованы, при каких обстоятельствах и в каком контексте. В целом же большинство отечественных психологов склоняется к лингвоцентристскому подходу, при котором каждая кинема рассматривается так же, как слово в вербальной коммуникации.

Западные психологи на данный момент предпочтение отдают личностному подходу. В его рамках невербальное общение выступает формой существования, развития, а также способом целенаправленного формирования личности как индивидуальности и субъекта общения в социуме.

§ 4. Коммуникация в концепции символического интеракционизма

В рамках социологии коммуникация представляет собой деятельность людей, обусловленную целым рядом социально значимых оценок, конкретных ситуаций и норм, принятых в данном обществе.

Социологи акцентируют внимание на функциональных особенностях общения представителей различных социальных групп в плане передачи и получения смысловой и оценочной информации. Рассматривают коммуникативное поведение сквозь призму социально значимых параметров стратификации общества (пол, возраст, род занятий, образ жизни). Язык, по их мнению, – это социальное явление, которое связано с родом деятельности людей, уровнем образования и их социальным положением. Определяющим фактором коммуникации социологи считают стереотипы, которые оказывают огромное влияние на выбор моделей поведения собеседников.

Впервые термин «социальный стереотип» ввёл в употребление американский журналист, автор оригинальной концепции общественного мнения У. Липпман, анализируя влияние знания о предмете на его восприятие и оценку при непосредственном контакте. По его мнению, стереотипы – это упорядоченные схематичные, детерминированные культурой «картинки»

мира в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права. Они необходимы для того, чтобы удовлетворить стремление человека свести разнообразие мира к небольшому числу определённых категорий, и тем самым облегчить себе восприятие, понимание и оценку явлений¹³⁵. Стереотипы возникают спонтанно в процессе усвоения опыта предшествующих поколений, который закрепился в виде привычек. Они эмоционально окрашены, поскольку несут в себе ценностные представления личности.

Особое место в социологическом подходе к коммуникативным процессам занимает парадигма символического интеракционизма. По мнению сторонников данной парадигмы, формы взаимодействия людей подразумевают общение, которое базируется на определённых символах.

Д.Г. Мид, один из основателей парадигмы символического интеракционизма, изложил свои взгляды в работе «Сознание, самость и общество». С точки зрения автора, человеческая мысль и само поведение являются сугубо социальными. Люди обретают свою человеческую природу благодаря коммуникации. Они взаимодействуют с помощью символов, важнейшие из которых содержатся в языке. Символы обозначают не только предмет или событие, но и предполагают определённую реакцию, выражающуюся в соответствующих социальных действиях людей, стереотипы, а также выступают как средства, с помощью которых люди могут значимо общаться. Взаимосвязь стимула и голосового жеста с определенным набором откликов как в самом индивиде, так и в другом, превращается в то, что Д.Г. Мид называет «значимым символом». Символы помогают людям приспособиться друг к другу в рамках социального процесса. Это приспособление происходит посредством жестов на более низких уровнях человеческой эволюции и посредством значимых символов («жестов, обладающих смыслом и являющихся, следова-

¹³⁵ Цит. по: Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку. М.: КомКнига, 2006. С. 68.

тельно, чем-то большим, нежели простые заместительные стимулы»¹³⁶) на более высоких уровнях человеческой эволюции.

Основным фактором этого приспособления является смысл. Смысл располагается в пространстве между жестами двух человеческих организмов¹³⁷. Жест наделяется смыслом лишь в том случае, если он возвещает другому организму ожидаемое поведение.

В 60-х годах XX в. другой представитель школы символического интеракционизма Р. Бёрдвистл предложил лингвистическую модель. По его мнению, символические интеракции между людьми включают в себя ограниченный круг из 50 – 60 элементарных движений, жестов и поз тела. Точно так же, как человеческая речь организуется из последовательности слов, коммуникативное поведение человека складывается из кинем – элементарных единиц движения. Именно Р. Бёрдвистл первым ввёл понятие кинесики – знания о невербальных движениях человека в процессе общения¹³⁸.

Таким образом, большинство представителей социологических школ сходятся на мнении, что процесс коммуникации преследует главную цель – передачу информации. Сама информация передаётся с помощью таких «элементарных частиц», как стереотипы, вербальные и невербальные символы. Стереотипы и символы появляются и могут полноценно существовать лишь в рамках определённого коммуникативного пространства. Чаще всего они создаются людьми для того, чтобы прогнозировать поведение индивида, то есть делать его предсказуемым. Наделение смыслом того или иного символа также происходит внутри общества, а потому понять этот смысл дано только тем людям, которые постоянно контактируют в рамках данного социума.

¹³⁶ Мид Дж.Г. Сознание, самость и общество // Современная американская социология // www.soc.lib.ru/

¹³⁷ Мид Дж.Г. Указ. соч.

¹³⁸ См. об этом подробнее: Лагун А.Е. Указ. соч. С. 118.

§ 5. Лингвистический подход к изучению коммуникативного поведения

Проблема отношения языка и норм поведения, языка и мышления стала центральной и для логической школы языкознания. По мнению представителей этой школы, человек замкнут в своеобразном волшебном кругу своего родного языка, который сам по себе обладает определённым мировоззрением и навязывает это мировоззрение всем пользующимся им¹³⁹. Таким образом, предложения, которыми пользуется человек во время общения, представляют собой модель отражаемой действительности.

Сторонником данной мысли был Ф. Боас. В своих трудах он подчёркивал, что лингвистические категории, формируясь бессознательно, являются основой этнических представлений¹⁴⁰, а потому изучение культуры любого народа следует начинать со знакомства с его языком.

Более чёткую форму этим мыслям придал американский лингвист, основоположник структурной лингвистики Э. Сепир. По его мнению, люди живут не только в объективном мире вещей, и не только в мире общественной деятельности, они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества. Люди слышат, видят и воспринимают те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения¹⁴¹.

Мысль Э. Сепира была подхвачена его учеником Б. Уорфом, который привёл в её подтверждение ряд эффектных примеров. Не отвергая мысль о том, что именно язык руководит человеком при восприятии окружающей действительности, он сравнил языковую картину мира американских индейцев с языковой картиной мира носителей европейских языков. На фоне полученного выразительного контраста сделал вывод о том, что система символов, которую представляет собой язык, определяет опыт, получаемый чело-

¹³⁹ Звегинцев В. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа // www.clasess.ru/grammar/148.new-in-linguistics-1/source/worddocuments/_15.htm

¹⁴⁰ См. об этом подробнее: Лагун А.Е. Указ. соч. С. 118

¹⁴¹ Уорф Б. Наука и языкознание // www.clasess.ru/grammar/148.new-in-linguistics-1/source/worddocuments/_15.htm

веком в течение жизни, а также регулирует его поведение. Зависимость поведения от языковых норм Б. Уорф проиллюстрировал на примере склада бензиновых цистерн. На складе с полными цистернами люди ведут себя с большой осторожностью, тогда как на складе с пустыми бензиновыми цистернами – курят и даже выбрасывают окурки. Объясняется такое поведение людей сквозь призму восприятия слова *пустой*. Данное слово является синонимом слов «бессмысленный», «бессодержательный». Таким образом, согласно сторонникам логической школы языкознания, коммуникативное поведение напрямую зависит от вербальных символов, а потому исследование надо начинать с изучения языка¹⁴².

Изучение невербальной стороны коммуникативного процесса в рамках лингвистики привело к появлению нового направления – паралингвистики, центральным понятием которой является паралингвистический компонент, представляющий собой авербальные действия (поскрипывание стулом, грохотание дверью, кивок, взгляд, жест и т.д.).

В рамках коммуникативного акта паралингвистический компонент выполняет функцию сопровождения, замещения вербальных символов, а также снятия избыточности¹⁴³. В вопросе о происхождении паралингвистических явлений существуют две крайние точки зрения. «Натуралистическая» исходит из естественности паралингвистических явлений и стремится вывести их из определённых биологических процессов; отсюда следует универсальное распространение тех или иных явлений в разных обществах. Другая – «конвенционалистская» – утверждает, что паралингвистические явления во многом обусловлены культурой и традициями. Для получения полноценных и достоверных знаний необходимо учитывать обе точки зрения¹⁴⁴. Техника использования паралингвистического комплекса представляет собой функциональный базис речи, включающий механизмы образования протопонятий, на

¹⁴² Звегинцев В. Указ. соч.

¹⁴³ Горелов И.Н. Паралингвистика: прикладной и концептуальный аспекты // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1982. С. 103.

¹⁴⁴ Николаева Т.М., Успенский Б.А. Языкознание и паралингвистика // Лингвистическое исследование по общей славянской типологии. М.: Наука, 1966. С. 73.

который наложились вторая сигнальная система и современный механизм мышления¹⁴⁵.

И.В. Привалова считает, что национально-культурная специфика языка есть, с одной стороны, следствие, а с другой – причина того, что культура действует и как средство общения, и как средство разобщения людей. На язык как основной специфический признак этноса можно смотреть с двух сторон: по направлению «внутри», и тогда он выступает как главный фактор этнической интеграции; по направлению «наружу», и в этом случае он – основной этнодифференцирующий признак этноса. Диалектически объединяя в себе эти две противоположные функции, язык оказывается инструментом и самосохранения этноса, и обособления «своих» от «чужих»¹⁴⁶.

Таким образом, исследование коммуникативного поведения необходимо начинать с изучения национальной культуры, которая, в свою очередь, зависит и определяется национальной картиной мира.

Свое видение проблемы конфликтов культур в рамках межэтнического взаимодействия изложила С.Г. Тер-Минасова, представительница Национального общества прикладной лингвистики. Общение – не просто вербальный процесс. Его эффективность, помимо знания языка, зависит от множества факторов – условий и культуры общения, правил этикета, знания невербальных форм выражения (мимики, жестов), наличия глубоких фоновых знаний и др.¹⁴⁷. Для эффективности общения нужно преодолеть культурный барьер, поскольку в основе языковых структур лежат структуры социокультурные. Преодолеть же его можно путём сопоставления языков, их сравнительного изучения. Очевидным и ясным становится различие в том случае, когда сравнительно-сопоставительный анализ осуществляется на основе родного языка и чужого, иностранного.

В связи с этим возникает ещё одна проблема, с которой сталкивается исследователь, – проблема лакун или «белых пятен на семантической карте

¹⁴⁵ Горелов И.Н. Указ. соч. С. 114.

¹⁴⁶ Привалова И.В. Указ. соч. С. 31.

¹⁴⁷ Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: СЛОБО/SLOVO, 2000. С. 27.

языка». Лакуны – это то, что в одних языках и культурах обособляется и выделяется, а в других не сигнализируется, то есть не находит общественно закреплённого выражения¹⁴⁸. Количество и разнообразие типов лакун может быть достаточно велико. Детальное изучение каждого типа лакун могло бы быть полезным для рассмотрения национальных и общечеловеческих компонентов при формировании коммуникативных понятий¹⁴⁹.

Ю.Е. Прохоров, специалист в отечественной отрасли преподавания русского языка как иностранного, и И.А. Стернин, заведующий кафедрой теории и практики коммуникации Воронежского института, исследуя коммуникативное поведение, обратили внимание на то, что оно во многом определяется национальной принадлежностью и стереотипными представлениями, принятыми в каждой национальной культуре.

Языковая личность, принимающая участие в коммуникативном поведении, представляется исследователям состоящей из трёх уровней. Первый уровень – вербально-семантический: он определяется уровнем владения и использования языка в коммуникативной практике. Второй уровень представлен идеями, образами, которые формируют картину мира. Третий – мотивами, интересами, установками, помогающими языковой личности осуществлять коммуникативную деятельность и осмысливать её в рамках реального мира¹⁵⁰. Стержнем всех уровней являются этнические стереотипные представления. Именно они обуславливают поведение языковой личности во время коммуникативных процессов, и часто бывают непонятны для представителей других культур, что приводит к неудачному завершению коммуникации.

Окружающий мир слишком сложен для понимания, слишком быстро изменяется, а потому человеку приходится реконструировать его в более упрощённых формах, и здесь просто невозможно обойтись без стереотипов. Они облегчают и упрощают отношения и общение между людьми. Использо-

¹⁴⁸ Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М.: Прогресс, 1973. С. 73.

¹⁴⁹ Жельвис В.И. К вопросу о характере русских и английских лакун // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 137.

¹⁵⁰ Прохоров Ю.Е. Указ. соч. С. 57.

зование этих стереотипов происходит автоматически, говорящий, как правило, не задумывается о них и не обращает на них внимания.

Клише, используемые в процессе коммуникации, напоминают собой «двуликого Януса»: с одной стороны, они обязаны наладить контакт между собеседниками подобно дружественно «протянутой» руке, с другой – представляют коммуникативное средство отчуждения, с помощью которого реализуется дихотомия «мы – они», «свое – чужое». Но, несмотря на это, стереотипность поведения говорящего также подразумевает и стереотипизацию поведения того, к кому он обращается.

В процессе коммуникации исследователи выделяют две составляющие любого стереотипа – внутри- и внешнеэтнокультурную. Внутриэтнокультурная составляющая проявляется в коммуникации как коммуникативный и социально-регулятивный компонент социализации личности. Внешнеэтнокультурный компонент чаще всего проявляется как национально-специфический образ коммуникативной стратегии, который учитывает особенности национально-культурной стереотипизации общения каждой этнической общности и используется с целью достижения межкультурного общения¹⁵¹.

Любое научное описание имеет смысл при наличии прогностической силы, то есть оно должно представлять готовое знание по отношению какой-либо реальности. Так, созданная модель коммуникативного поведения должна соответствовать коммуникативному поведению носителей конкретного языка. Поэтому для достижения этой цели, авторы предлагают несколько моделей описания коммуникативного поведения: ситуативную (описание коммуникативного поведения народа в рамках стандартных коммуникативных ситуаций, например, приветствия, прощания и т.д.), аспектную (описание коммуникативного поведения в рамках выбранных исследователем аспектов, например, вербального и невербального), параметрическую (формализованное описание на основе некоторой заданной исследователем совокупности факторов). Ситуативная модель, по мнению исследователей, наиболее со-

¹⁵¹ Прохоров Ю.Е. Указ. соч. С. 84.

держательна, информативна и удобна для начального этапа исследования, параметрическая же в её формализованном виде позволяет подвести итог исследования¹⁵².

Большую популярность сегодня приобрела интегрированная наука – этнопсихолингвистика. Центральный метод этой науки – анализ и описание вербального и невербального поведения в рамках триады «этнос-язык-культура», что позволяет судить не только о поверхностных, но и глубинных структурах (архетипах), управляющих ментальным и нементальным поведением представителей тех или иных лингвокультурных общностей и формирующих у этих представителей определённую картину мира¹⁵³. По мнению исследователей, одной из главных функций языка является передача информации о внешнем мире, которая воспринимается с помощью органов чувств. Сам же язык является замкнутой продуктивной системой, которая приобретает в результате жизненного опыта и в то же время влияет на этот опыт, поскольку человек бессознательно переносит установленные языком нормы в область опыта.

Коммуникативное поведение представляет собой проявление качеств темперамента отдельного индивида, его самовыражения. При этом в речевом поведении индивида соблюдается баланс между проявлением собственного «я» и восприятием речи других.

Особое внимание в этнопсихолингвистике уделяется инвективной лексике, поскольку её изучение может показать общие проблемы и закономерности языкового общения. По мнению исследователей, чем больше в этнической культуре инвективных формул, тем очевиднее стремление данного общества справиться с рвущимися наружу антиобщественными тенденциями. Во многом выбор инвективной стратегии зависит от национального характера. Так, например, молчаливость, ориентированность японца в диалоге на своего собеседника, приводит к тому, что лексика такого вида приобретает

¹⁵² Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Указ. соч. С. 87, 89.

¹⁵³ Этнопсихолингвистика / авт.-сост. Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковин и др. М.: Наука, 1988. С. 3.

иную форму и сводится к минимуму, поскольку противоречит способу само-ориентации¹⁵⁴.

Исследователи затрагивают и тему билингвизма, рассматривая её сквозь призму факторов, влияющих на выбор коммуникантом определённого языка в определённой ситуации. В ходе исследования они приходят к выводу, что при кажущейся свободе выбора существует достаточно жёсткая система употребления языков. Самым главным фактором в этой системе является социальный. Выбор языка во многом зависит от темы или предмета разговора. Поскольку в каждом языке есть ряд сфер, в которые доступ говорящего на другом языке закрыт¹⁵⁵.

Целеустремлённое исследование функционирования языка в различных сферах общества с учётом социальных факторов общения привело к появлению такой науки, как социалингвистика. Социалингвистика занимается изучением социальной природы языка, его общественных функций, механизмов воздействия социальных факторов на язык и той роли, которую он играет в жизни общества, специфики его использования людьми определенных обществ, влияния на язык социального статуса, пола, возраста, уровня образования и т.д.

Обобщая всё выше сказанное, следует отметить, что автор данной диссертации, следуя за рассуждениями Э. Холла, начал свою исследовательскую деятельность с изучения и разгадывания культуры, носителем которой является сам. Для того, чтобы лучше разобраться в ней и получить объективные факты, была предпринята попытка сопоставления двух коммуникативных культур – русской и удмуртской. В след за большинством исследователей также были сделаны шаги для выявления поведенческих стереотипов, под которыми имелись в виду регулярно повторяющиеся формы, образцы поведения, принятые в той или иной культуре, а также стереотипные представле-

¹⁵⁴ Этнопсихологи́стика... С. 105-106.

¹⁵⁵ Там же. С. 135.

ния, оказывающие влияние на восприятие собеседника другой национальности.

Исследование коммуникативного поведения удмуртов нами выстраивалось в соответствии с принципами и ситуативной моделью, разработанными И.А. Стерниным и Ю.Е. Прохоровым. Существует четыре принципа описания коммуникативного поведения, которые позволяют получить более объективную информацию: системность (предполагает целостное и комплексное описание коммуникативного поведения); контрастность (сопоставление нескольких коммуникативных поведений); использование нежёсткого метаязыка, так как большинство параметров не поддается жёсткому ранжированию; разграничение и учёт общественной нормы и практики¹⁵⁶.

Ситуативная модель предполагает описание коммуникативного поведения народа в рамках стандартных коммуникативных ситуаций (приветствие, извинение, вступление в контакт, выход из общения, общение в гостях, по телефону, с детьми, национальная невербальная система). Она строится на эмпирическом материале. Набор подлежащих описанию стандартных коммуникативных ситуаций велик, а потому определяется практическими соображениями¹⁵⁷. В модели отдельно рассматривается вербальное и невербальное коммуникативное поведение и социальный символизм, поскольку они репрезентируют разнотипные коммуникативные средства. При рассмотрении вербального поведения, невозможно обойти стороной метод семантического дифференциала, разработанный в рамках психосемантики для выявления стереотипных представлений, которые в свою очередь влияют на установки в межкультурной коммуникации.

Специфика объекта и предмета исследования требует комплексного подхода и разностороннего освещения. В связи с чем основой диссертации стали этнопсихологический, этносоциальный и этнолингвистический подходы.

¹⁵⁶ Стернин И.А. Модели описания... С. 6-8.

¹⁵⁷ Там же. С. 8-9.

Глава II. Вербальная коммуникация удмуртов

При всем желании человек не может полностью контролировать свою речь. Даже спокойная безэмоциональная речь обусловлена веками сформированными условностями и особенностями специфического развития этноса, для каждого из которых характерна своя семантика общения. Это связано, прежде всего, с тем, что каждый народ имеет уникальный исторический опыт, который находит своё отражение в языке. В результате этого вербальная семантика наиболее адекватно воспринимается только представителям данной культуры.

Так как коммуникация – это процесс, предполагающий взаимодействие нескольких индивидов, то очень важно вовремя среагировать на слово собеседника, независимо от его национальности, причём реакция должна быть адекватной той, которую ожидает говорящий. В многонациональной стране данная проблема становится одной из значимых, а потому важно обращать на неё внимание.

Кроме того, современное общество, подвергаясь процессам урбанизации и распространению городской культуры, ставит индивидов в совершенно новые условия, которые, с одной стороны, открывают множество путей для самореализации и социальной мобильности, с другой – приводят к утрате традиционной этнической идентичности. Таким образом, индивиды становятся носителями «ускользающей» этничности¹⁵⁸. Данному явлению способствуют условия бикультурализма, а также низкая, не доминирующая статусность языка и культуры того или иного этноса в обществе. Всё это порождает затруднения в определении этнической самоидентификации. Единственный выход из этой ситуации – обращение к вербальной стороне культуры этноса, поскольку этничность не существует вне символической сферы и осуществляется только в языке. К примеру, удмуртское этническое «мы» как единое целое, преодолевающее рассеянность, формируется в языке стереотипов, который восполняет «нехватку» этничности в условиях русскоязычного города,

¹⁵⁸ Кардинская С.В. Удмурты об этнической идентичности // Социс. 2005. №5. С. 105.

позволяет осознать себя представителем конкретного этноса¹⁵⁹. Вот почему так важны процессы осознания и усвоения практики вербального поведения каждого народа.

В данной главе рассмотрены вербальные символы, которые принято использовать в современном удмуртском коммуникативном пространстве. Задача анализа не предполагала описания системы языковых средств, объективирующих ту или иную коммуникативную категорию: здесь они приводятся лишь как примеры, иллюстрирующие коммуникативное поведение и представляющие из себя фактографическую основу, которая позволяет построить обобщения по поводу действующих в национальном сознании норм и традиций коммуникативного поведения. При описании вербальной коммуникации основной упор сделан на ситуативный принцип, в соответствии с которым, коммуникативное поведение описывается в рамках стандартных ситуаций, возникающих в повседневной коммуникации этноса (установление коммуникативного акта, проявление вежливости, общение в гостях, в общественных местах и т.д.).

§ 1. Ситуативная модель описания удмуртского коммуникативного поведения

Установление контакта: приветствие, обращение, знакомство

В процессе общения люди не просто строят предложения, но используют их для совершения разнообразных действий (приказание, обещание, выражение благодарности), которые по своей сути представляют собой речевые акты. Благодаря намеренному использованию языковых знаков человек способен действовать с учётом последствий для себя и других, в определённой степени контролировать своё поведение. С их помощью он добивается от собеседника желаемых результатов. Говорящий специально избирает ту

¹⁵⁹ Кардинская С.В. Указ. соч. С.105.

форму предложения, которая позволяет достичь намеченного коммуникативного эффекта и воздействия на слушателя¹⁶⁰.

В большинстве случаев коммуникативный акт в удмуртском обществе, впрочем, как и в любом другом, начинается с приветствия, которое несёт в себе важную эмоционально насыщенную коммуникационную нагрузку. В Германии очень часто приветствуют незнакомых людей, не имея при этом намерения дальнейшего общения. У русских, как правило, приветствие предполагает дальнейшее общение¹⁶¹. У удмуртов на этот счёт есть своя точка зрения. Приветствовать человека надо всегда, при любых обстоятельствах: «Ну, как это человеку здоровья не пожелать? А если ты забыл, поздоровался с ним или нет, так поздоровайся ещё – лишним не будет. Хорошему человеку нужно всегда здоровья желать»¹⁶².

При приветствии обычно пользуются следующими выражениями:

њечбур (-есь) – здравствуй (-те), в смысле – будьте здоровы;

чырткем (-есь) – здравствуй (-те), букв.: будьте бодры, шустры;

умоесь – здравствуй(-те), в смысле: пусть [у Вас] всё будет хорошо;

тузћ – здравствуй (-те), от удм. – *таза* – бодрый, букв.: будьте бодры¹⁶³;

салют;

привет (-ик);

хеллоу

Первые три выражения приветствия (*њечбуресь*, *чырткемесь*, *умоесь*) относятся к официальному стилю, так обычно обращаются младшие к старшим, подчинённые – к начальнику, ученики – к учителю. Остальные можно отнести к неофициальному стилю, к ты-форме. Они больше характерны для молодёжи, нежели людей старшего поколения. Приветствие *тузћ* в основном встречается в южных районах Удмуртии (преимущественно – в Алнашском).

¹⁶⁰ Кузнецов С.В. Речевой этикет народов Волго-Уралья. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. С. 50, 53.

¹⁶¹ Семенова Л.В. Социокультурная обусловленность знакового поведения личности в стереотипных ситуациях // Проблемы языкового образования в русле глобальных реформ. Сборник научных статей. Чебоксары, 2006. С. 272.

¹⁶² Полевые материалы автора (далее ПМА): НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 22-23.

¹⁶³ ПМА: НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 45.

Большинство пожилых респондентов отмечает, что молодёжь для приветствия использует русские выражения даже в тех случаях, когда к ним обращаются по-удмуртски. Это их очень огорчает, в какой-то степени оскорбляет, но, по-видимому, время диктует свои правила.

Имеет место в коммуникативном поведении удмуртов и «фатическая коммуникация». Данный термин был введён английским этнологом Б. Малиновским. Он подразумевал под ним неинформативные сообщения, которыми обмениваются собеседники в целях поддержания контакта из вежливости, из уважения, чтобы заполнить паузу, прервать молчание. Отсюда определение фатической коммуникации как «типа речи», в котором узы согласия, единения образуются посредством простого обмена словами¹⁶⁴.

К фатической коммуникации можно отнести взаимное приветствие давних знакомых одного возраста в виде шуточного вопроса, на который также можно ответить шуткой:

кытчы зынъид? Кытчы зындэ поттид? (букв.: куда свой запах несешь?);

тон кд на-а мар-а кулы? (букв.: ты до сих пор еще не умер?);

кытчы ышылъд? Адъыны но уг ни луы! Оло гулбечад ватскыса улъсь-код? (букв.: Куда пропал? Тебя уж и не увидишь! Уж не в подполье ли прячешься?)¹⁶⁵.

Утреннее приветствие гостя начинается с вопроса о том, как спалось (*Кыце мар изиды/кклиды?*). Оно всегда сопровождается извинением за то, что условия для сна были не очень хорошими, хотя гость, несомненно, достоин больших удобств.

Несмотря на условность формул фатической коммуникации, они осуществляют социальный контроль за соблюдением, поддержанием основных

¹⁶⁴ См. об этом подробнее: Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1982. С. 55.

¹⁶⁵ ПМА, 2007. Балезинский район Удмуртии, д. Нурызово. Князев Н.В., 1950 г.р.

принципов коммуникативной культуры, выражают готовность услужить другому, доставить ему удовольствие¹⁶⁶.

Человека занятого трудовой деятельностью обычно приветствуют следующими выражениями:

кужмо кариськы (букв.: будь сильным, аналог. рус.: бог в помощь);

ужед мед удалтоз (букв.: работа пусть удастся на славу)¹⁶⁷;

Такое удмуртское приветствие не всегда предполагает дальнейшее общение, иногда достаточно простого кивка головой в ответ.

В коммуникативном пространстве современных удмуртов приветствие строится в порядке «ступенчатого сужения образов»¹⁶⁸. Если собеседники мало знакомы, логический ход мыслей строится от макрокосма (неживая природа, погода) через мезокосм (односельчане, родственники, общие друзья) к микрокосму (индивид, его домочадцы). Если же в коммуникацию вступают хорошо знакомые люди, приветствие строится с точностью до наоборот: микрокосм => мезокосм => макрокосм. Данная схема выражает доброжелательность и положительный настрой по отношению к собеседнику.

В сельской местности приветствовать принято всех односельчан, независимо от частоты общения с ними. Причём младшие всегда должны здороваться первыми, не забывая об определённых ограничениях: юноша никогда не должен подавать первым руку мужчине старше его по возрасту, мужчине нельзя протягивать руку для приветствия женщине, если она не сделала это первой.

С незнакомыми людьми чаще всего не здороваются. Обычно проходят мимо, при этом либо с любопытством разглядывают незнакомца, либо просто делают вид, что не замечают его.

В северных районах была отмечена следующая особенность коммуникативного поведения. Коммуникант не будет переходить дорогу идущему человеку, объясняя словами: «*Азьпалдэ уг басьты /азьпалад уг пыры*» (букв.:

¹⁶⁶ Национально-культурная специфика речевого общения ... С. 58.

¹⁶⁷ ПМА: НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 45.

¹⁶⁸ Кузнецов С. В. Указ. соч. С. 62.

вперёд выходить не буду), «*Шуддэ уг басьты*» (букв.: удачу забирать не буду)¹⁶⁹. Точно так же не будут выходить навстречу с пустыми вёдрами, особенно в тех ситуациях, когда точно знают, что человек отправляется в дальнюю дорогу. Данное коммуникативное поведение характерно для людей старшего поколения.

Северные удмурты считают неприемлемым во время приветствия говорить о домашнем скоте собеседника: это воспринимается негативно, можно нарваться даже на грубость. Таких людей сами удмурты называют *тушмоньяськись* (недоброжелатель/враг, в смысле «завидующий»). Считается, что такой собеседник может сглазить скот, а потому отношение к нему резко изменяется с приветливой улыбки до гневного слова.

Знакомые, между которыми произошла ссора или по какой-либо причине ухудшились отношения, при встрече обычно проходят, не здороваясь, и не глядя друг на друга. В таких случаях обычно говорят *чуссы ортчиз* (букв.: прошёл безмолвно). Иногда сухо приветствуют друг друга, но не глядя в глаза и не поворачивая головы.

Обращение в удмуртском коммуникативном пространстве строится в ты- и вы-формах.

Ты-форма (*тон*) – это исторически сложившийся, традиционный вид обращения. В удмуртской деревне в рамках локальных крестьянских сообществ, где друг друга все знали и многие приходились друг другу родственниками, именно эта форма обращения была распространена вне зависимости от пола, возраста и т.д. Вы-форма воспринималась как проявление недоверия. Сегодня обращение на «ты» в основном используется в коммуникативных контактах хорошо и давно знакомых людей, либо же людей одного возраста, занимающих одинаковое социальное положение. В таких случаях учтивые формулы иногда опускаются, допускается обращение по имени, а иногда даже по прозвищу.

¹⁶⁹ ПМА, 2007. Балезинский район Удмуртии, с. Пыбья, Булдакова О.В., 1972 г.р.

При обращении к незнакомцам, людям старшего возраста или более высокого социального статуса сегодня как в сельской, так и городской среде принято использовать вы-форму (*mĥ*), которая включает в себя учтивые формулы, вежливость и обращение к собеседнику по имени, отчеству. Намеренный или ненамеренный пропуск этих учтивых формул в разговоре унижает собеседника, а потому обычно приводит к ухудшению взаимоотношений, а то и конфликту. Здесь невольно напрашивается параллель с японскими традициями коммуникации, где для оскорбления собеседника, старшего по возрасту или занимающего более высокий социальный статус, достаточно опустить в обращении вежливую тональность и учтивые формы. Хотя необходимо отметить, что у удмуртов пожилого возраста обращение на «вы» порой вызывает некоторое недоумение. Они воспринимают его как обращение во множественном числе, вернее – к нескольким лицам и невольно оглядываются, к кому ещё оно адресовано.

Прозвища даются людям в качестве второго имени. Согласно В.И. Далу, их дают только сметливые люди – «прозыватели», умеющие с одного взгляда определить в человеке бросающиеся в глаза характерные черты. Это могут быть особенности темперамента, какие-то умственные или физические особенности и др. Данное однажды прозвище «прилипает» к человеку, закрепляется за ним на всю жизнь.

Большинство прозвищ имеет «внешнее» происхождение: они отображают в сжатом образно-формульном виде представление окружающих о конкретном человеке, которое и обозначалось чаще всего емким словом, подчёркивающим его характерную черту. Вообще же интерпретация общего значения любого собственного имени, по мнению Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского, сводится к мифу. Именно здесь происходит отождествление слова и денотата, которое столь характерно для мифологических представлений¹⁷⁰. Таким образом, система собственных имён образует не только категориаль-

¹⁷⁰ Лотман Ю.М., Успенский Б. А. Миф – имя – культура // Труды по знаковым системам. VI. Сб. научных статей в честь М.М. Бахтина. Тарту: Издательство Тартуского университета, 1973. С. 286.

ную сферу естественного языка, но и особый мифологический слой, а потому говоря о прозвищах, стоит отметить, что их происхождение связано с неким мифом, который существует в коммуникативном социуме.

С прозвищем индивид может смириться или не принимать его, не отзываться на него, но перед обществом он предстает именно под данным прозвищем¹⁷¹.

Все зафиксированные нами в среде удмуртов прозвища мы попытались разделить на группы по особенностям происхождения. Наиболее частый и простейший из них – прозвище, данное по фамилии или личному имени. Например: Никитин – «*Никита*», Костя – «*Куси*», Волков – «*Волк*» или «*Кион*», Семёнов – «*Сёма*», Лиза – «*Лизун*».

Интересное прозвище было дано молодому человеку, по имени Василий. Его имя в селе, по словам респондентов, ассоциировалось с кошачьей кличкой «Васька», и потому его прозвали «*Шырась*» (букв.: Ловящий мышей)¹⁷².

Если имя и отчество у человека совпадают (например, Александр Александрович), его обычно называют «*Дважды*», если однотипными являются фамилия, имя, отчество (Петров Пётр Петрович), такого величают «*Трижды*» и т.д.

В зависимости от характера, особенностей поведения и личностных предпочтений человека появились следующие прозвища:

Шќмо (букв.: с запашком) – «*пыр шќмо ужаз ветлћз*», т.е. постоянно ходил на работу подвыпившим.

Гылы – от слова *гылыт* – гладкий, в значении скользкий человек: где сядешь на него, там и слезешь.

Гнездо – прозвище девушки легкого поведения. В данном случае используется как синоним женского полового органа.

¹⁷¹ Перельгина И.А. Клички (ники) пользователей Интернета как явление постфольклора // Первый всероссийский съезд фольклористов. Т.3. М.: Государственный республиканский центр фольклора, 2006. С. 300-301.

¹⁷² ПМА, 2010. Балезинский район Удмуртии, д. Нурызово, Князев В.В., 1986 г.р.

Пксь ккльы (букв.: *горячий камень*) – женщина с сильным характером, которая за словом в карман не полезет.

Синмо лһял (букв.: *глазастый пень*) – женское прозвище: такая видит и замечает всё, собирает все слухи, а потом разносит их по деревне.

Кенак – мужчина с женским характером, используется в значении *хозяюшка*.

Профессор: человек, считающий себя вправе давать советы всем и вся.

Така (букв.: *баран*) – прозвище, подчёркивающее упрямство и «недалекий ум» человека.

Писяй визь (букв.: *кошачий ум*) – подчёркивает неразвитость ума.

Жираф – кличка молодого человека, имеющего привычку вытягивать шею во время разговора.

Пересь (букв.: *старый*) – молодой человек, рассудительный не по годам.

Три копейки – прозвище женщины, любящей прибедняться и постоянно твердящей, что её заработная плата составляет три копейки.

Прижал (от слова - *прижать*) – прозвище мужчины, который вёл себя непристойно по отношению к женщинам.

Очень часто прозвища подчёркивают вкусовые и кулинарные предпочтения людей: *Сушка Петыр* (мужчина, который часто покупал в магазине сушки), *Паронка Надя* (рус. парёнка – блюдо из брюквы: её разрезают на большие куски и кладут в чугунок, добавляют небольшое количество воды и сахарного песка, ставят в русскую печь и парят).

Используются прозвища, отображающие привычки индивида, например, привязанность к вещи. Так, женщина-свинарка, постоянно таскавшая с собой сумку, получила прозвище *Сумки Мила* (*сумки* – ласкательное от *сумка*).

Часто встречаются прозвища, подчёркивающие внешние данные людей, например, *Бадяр тысь* (букв.: *Кленовое семя*) – прозвище молодого че-

ловека по имени Вадим: его имя почему-то у детей ассоциировалось с удмуртским словом *бадяр*, а *тысь* – потому что невысокого роста.

Колобок – полная женщина невысокого роста.

Горд, гордань, горд пистон – варианты прозвищ, данных людям с рыжим цветом волос.

Глыба – человек крупного телосложения;

Кузь пель (букв.: *длинные уши*) – прозвище подчёркивает необычную форму ушей и т.д.

Некоторые прозвища акцентируют внимание на физическом недостатке во внешности человека. Прозвище *Китайка Коля* было дано мужчине, вернувшемуся из армии с ампутированными пальцами на ногах. Ступня без пальцев (короткая, как у китайцев) стала поводом наделения его соответствующим прозвищем¹⁷³. *Пал суй* (букв.: *однорукий*) – прозвище молодого человека, в результате несчастного случая оставшегося без руки. Обычно прозвища данного типа дают мужчинам и крайне редко – женщинам. Возможно, это связано с осознанием того, что женщины гораздо трепетнее относятся к своей внешности, и любое подчёркивание бросающихся в глаза физических недостатков может стать для них сильнейшей психологической травмой. Данный вид прозвищ произносится в присутствии «владельца» только в тех случаях, когда ему намеренно хотят сделать больно, нанести смертельное оскорбление.

В южных районах Удмуртии старшее поколение в качестве прозвищ использует старинные удмуртские имена – *Пислэг* (синица), *Коньы* (белка), *Дыдык* (голубь). Так, респондент из села Азаматово Алнашского района поведал нам историю о том, что его называют *Сюям пислэг* (букв.: запачканная землёй синица). *Пислэг* – его старинное, исконно удмуртское имя, которое было дано при рождении. А *сюям* (запачканный землёй) – уточнение, доставшееся в наследство от отца: его ещё маленького, дедушка учил бороться, и для того, чтобы знал куда поворачивать, нанёс на щеку пятно земляным

¹⁷³ ПМА: НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 48

комочком, и сказал: «*Сюям палад кошки, пие* (сворачивай в сторону запачканной щеки, сынок)». Так и закрепилось за этим родом прозвище *сюямъёс*, по которому их знают во всех близлежащих деревнях и в районе¹⁷⁴.

В некоторых северных районах прозвищами становятся патронимические названия, например, *Кырс* (возможно, от удм. *кырсаны* – букв.: случая кошек), *Вож выжы* (букв.: зеленый корень), *Тяро* (перевод неизвестен), *Кынмем* (замерзший) и т.д.

Встречаются даже прозвища, связанные с именами героев фильмов (*Будулай*), мультфильмов (*Тимон и Пумба*), знаменитых людей (*Ньютон*, *Белинский*), мифологических существ (*Керемет*). Есть и такие, происхождение которых сами пользователи объяснить не могут, например, *Тяфатяк*, *Пилюль*, *Лялюк*, *Бизи*, *Мулярис*.

Интересно, что есть удмуртские деревни (например, д. Зеглуд Якшур-Бодьинского района), где все, от мала до велика, говорят на удмуртском языке, а большинство прозвищ – русские. Возможно, этот феномен связан с тем, что авторы прозвищ не ставили перед собой цель оскорбить односельчанина: с их точки зрения, прозвище на чужом языке звучит безобиднее, нежели на родном.

На вопрос: «Можно ли использовать прозвища в процессе общения, обращения к своему собеседнику?», мнения респондентов разделились. Молодые чаще, чем люди старшего возраста, прибегают к прозвищу при обращении к человеку (особенно если он – сверстник), ссылаясь на то, что оно призвано подчеркнуть индивидуальность собеседника, а не обидеть его. Кроме того, прозвище призвано подчеркнуть групповую принадлежность молодого человека, поскольку оно даётся в узком кругу товарищей, с которыми часто осуществляется коммуникативная деятельность.

Старшие респонденты, напротив, стараются использовать прозвища как можно реже, а если уж используют, то только в тех случаях, когда человек не против прозвища и охотно отзывается на него. Большинство удмуртов

¹⁷⁴ ПМА: НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 48.

старших возрастных групп считают, что прозвищами можно пользоваться только «за глаза».

Сравнение активности оперирования прозвищами по гендерному признаку показало, что чаще к ним прибегают мужчины, а не женщины. Последние предпочитают их использовать «за глаза» или в ситуации острого конфликта, когда появляется желание унижить, оскорбить собеседника. Все респонденты высказывали убеждение, что прозвищами уместно пользоваться только в узком кругу знакомых и друзей. Недопустимо обращение по прозвищу к человеку другого пола, незнакомому человеку, в общественных местах.

Следующим по значению шагом в процессе установления коммуникативного акта является знакомство. Говоря об особенностях процедуры знакомства, необходимо подчеркнуть, что здесь мнения респондентов старшего возраста и молодежи расходятся.

Представители старших возрастов, вспоминая свою молодость, отвечали, что чаще всего знакомство происходило в клубе, в процессе совместных игр или на работе. Инициатива, несомненно, принадлежала юношам. «Девушкам с детства говорили, что надо быть скромными. На совместных играх допоздна задерживаться нельзя было. Ну, как это ты придёшь позже своих братьев? Значит, либо тебя парни запугали, либо ты сама с ними гуляешь», – призналась одна из наших респонденток¹⁷⁵.

Другая респондентка отметила, что во время игр на улице девушкам нельзя было громко смеяться, разговаривать. Это расценивалось как ветренность: «Перед юношами нельзя вырисовываться, показывать себя. Если вырисовываешься, значит – распущенная»¹⁷⁶. Были случаи знакомств через третьих лиц, то есть посредников (*дэмласа*)¹⁷⁷. Большинство из них имело одну цель – свести молодых для дальнейшего создания семьи.

¹⁷⁵ ПМА: НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 48.

¹⁷⁶ Там же. Л. 47

¹⁷⁷ Там же. Л. 40

При обращении друг к другу в процессе знакомства старшие респонденты использовали ты-форму, современная молодёжь, напротив, прибегает к учтивой вежливой вы-форме.

По мнению городских девушек, сельские юноши удмуртской национальности нерешительны, но настойчивы. Они очень часто, «ничего не говоря, молча, изо дня в день будут ходить рядом или на небольшом расстоянии, словно выжидая удобного момента. Будут ждать, когда девушка либо улыбкой, либо словом сама привлечёт внимание, и только после этого подойдут, заговорят и будут предпринимать ещё какие-либо действия»¹⁷⁸. Про упорство и настойчивость удмуртов со ссылкой на профессора И.Н. Смирнова пишет коми этнограф В.П. Налимов в отчёте об этнографической экспедиции 1926 г.: «Вотjak, задумавший похитить понравившуюся девушку, похитит её, хотя бы ему пришлось потерпеть несколько раз неудачу, хотя бы каждая неудача стоила бы ему жестоких побоев»¹⁷⁹.

На вопрос «Кому принадлежит инициатива знакомства в настоящее время?», респонденты как старшего возраста, так и молодые, единодушно отвечали, что по-видимому, это уже не имеет значения: и юноши, и девушки смело подходят и знакомятся. В данном случае регулятором является только индивидуальный порог смелости, решительности и наглости. Бывает, что и среди юношей встречаются очень стеснительные индивиды, и в таких случаях инициативу вынуждена проявить сама девушка. Все респонденты единодушно отметили, что главное в процедуре знакомства, независимо от того, с кем знакомишься, – вежливость и ненавязчивость.

Планирование и приглашение

В отношении планирования и приглашения в удмуртском коммуникативном обществе прослеживаются две традиции.

Так, планирование – это в основном прерогатива работающих удмуртов, проживающих в городской среде. Они планируют не только день, но и

¹⁷⁸ ПМА: НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 20.

¹⁷⁹ Отчёт этнографической экспедиции за 1926 г // Налимов В.П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. Ижевск-Сыктывкар, 2010. С. 234.

всю неделю, хотя в силу каких-либо причин, эти планы могут не реализоваться, и будут переноситься с одного дня на другой и т.д.

Любопытно, что даже среди городских удмуртов, считающих себя идущими в ногу со временем, нет-нет да и проскользнёт традиционная черта удмуртского характера: они охотно и много будут говорить о работе, её перспективах, но при этом всячески избегать информации о крупных планах и делах, связанных лично с ними или с членами семьи. Об этом можно говорить только после их успешного завершения.

В сельской местности планировать особо не принято: считается, что запланированное дело обречено на крах, его могут сглазить (*син уськытны*). На вопросы о планах на будущее, в ответ можно услышать: «*Улом – адньом*», (букв.: поживём – увидим), «*улон возьматоз*» (букв.: жизнь покажет). Если что и планируется, то только в узком семейном кругу, но даже при этом будут ссылки на то, что, возможно, жизнь внесёт свои коррективы.

В селе даже молодёжь предпочитает умалчивать о своих планах на будущее. На соответствующий вопрос можно получить лишь общие расплывчатые ответы, без какой-либо конкретики. Диктуется такое поведение опасением, что разглашение планов на будущее при постороннем человеке чревато сглазом, что результат в таком случае будет кардинально противоположным ожидаемому.

В североудмуртской традиции церемонию приглашения в дом можно отнести к фатической коммуникации. Во многих случаях этот акт квазифункционален, особенно в настоящее время, и обычно собеседник путём ориентировки в ситуации улавливает условность приглашения, благодарит за него и вежливо отказывается¹⁸⁰. Вообще же приглашение из вежливости обычно говорится вскользь и не повторяется несколько раз. Действительным считается то, которое произносится неоднократно, и приглашающий при этом приводит веские доводы в процессе уговаривания собеседника, в нём чётко обговаривается дата и время, когда нужно прийти. Порой приглашение

¹⁸⁰ Национально-культурная специфика речевого общения ... С. 56.

в гости может быть настолько настойчивым, что в ходе коммуникации собеседники могут повысить голос друг на друга, один может усиленно «тащить» за руку другого, другой – отпираться всеми силами. Среди северных удмуртов в знак хорошего тона на любое приглашение принято несколько раз ответить вежливым отказом, и только потом согласиться. В южноудмуртской коммуникативной традиции практически каждое приглашение можно принять. Любой отказ расценивается как неуважение, иной раз вызывает даже недоумение.

Ходить куда-либо без приглашения – это признак дурного тона, а вот небольшое опоздание в неофициальной сфере считается вполне допустимым.

Проявления вежливости (комплимент, благодарность, извинение)

Императивность этикетных норм в удмуртском коммуникативном обществе, по сравнению с русским, можно определить как повышенную. Этикетные нормы достаточно чёткие, а отклонение от них собеседник воспринимает как оскорбление. В удмуртской среде принято предупреждать о возможных неприятностях (например, предупредить о незакрытой сумке, из которой могут вытащить кошелёк), неполадках в одежде (например, одежда запачкалась, тушь растеклась и т.д.), иногда давать советы, но всё это – только в общении со знакомыми. Незнакомых людей обычно не предупреждают и советы стараются не давать, опасаясь того, что это будет расценено как бестактность, навязчивость.

Вопросы о том, как пройти или проехать, как найти дом или учреждение, могут быть адресованы любому встречному, но задаются они только в крайнем случае. Женщина никогда не подойдёт с вопросом к незнакомому мужчине, здесь она отдаст предпочтение женщине. Мужчины-удмурты в этом плане ведут себя более расковано, могут обратиться не только к представителю своего пола, но и противоположного.

В отличие от русских, удмурты не испытывают дискомфорта, произнося фразу «не знаю» (*уг тодӥськы*). Сказав «не знаю», они снимают с себя не только лишнее внимание, но и груз ответственности за свои слова.

Грубость в удмуртской коммуникативной традиции допустима лишь в крайних случаях, когда человек доведён «до предела», в остальных – принято молча терпеть. Данная черта коммуникативного поведения ярко представлена в художественной литературе¹⁸¹.

Отмечается повышенная степень вежливости к незнакомым. В данной ситуации она ощутимо выше, чем в общении со знакомыми. Обращаться к незнакомым принято только на вы (*mĥ*) и использовать только вежливые формы. Недопустимо толкать незнакомца, близко подходить к нему в ходе разговора.

С друзьями, хорошо знакомыми людьми, близкими родственниками удмурты менее вежливы, поскольку считают, что это та сфера, в которой можно выплеснуть свои эмоции.

В знакомой и привычной для себя среде наиболее уважительно удмурты относятся к представителям старших поколений. Подобное поведение прививается с детства: старикам нельзя грубить, их нужно слушаться и во всём помогать. Молодёжь следует этому правилу в большинстве случаев, но в целом старается избегать стариков, считая их несколько занудными, надоедливymi.

Проявляется вежливость и в общении детей с родителями, хотя дети старшего возраста могут позволить себе разговаривать с ними на равных, спорить, отказываться выполнять их просьбы.

Вежливость родителей в отношении детей не считается обязательной. В процессе воспитания родители могут кричать на детей, ругать их, а порой даже физически наказывать. По отношению к чужим детям степень вежливости обычно выше, чем к собственным, но в спорных ситуациях родители всегда принимают и защищают позицию своих детей, что находит отражение и в

¹⁸¹ Митрей К. Секыт зĥбет. Проза, поэзия. Ижевск: Удмуртия, 1988; Кедров Ф. Катя. Кылбуръёс но повесть. Ижевск: Удмуртия, 1989.

удмуртских пословицах, например, *котькуд мемилэн ас нылыз-пиез аслыз дуно* (каждой матери дороги свои дети)¹⁸².

В удмуртской коммуникативной традиции, впрочем, как и в русской, мужчины внимательны и отзывчивы по отношению к незнакомым женщинам. В семье же по отношению к женщине иные могут позволить себе грубость вплоть до рукоприкладства.

Примерами проявления вежливости в удмуртском коммуникативном пространстве являются комплименты, благодарность, извинение. Один из самых приятных вербальных приёмов – комплимент. Чаще всего с его помощью пытаются расположить собеседника к себе, подчеркнуть в нём какие-либо выдающиеся качества. У удмуртов принято делать комплименты как мужчинам, так и женщинам, как людям старшего поколения, так и молодым, хотя при этом проявляются некоторые особенности. Так, лица старшего и среднего возраста делают комплименты в ходе разговора только близким людям, друзьям, родственникам. В остальных случаях, по их мнению, их лучше делать «за глаза», поскольку иногда комплимент может расцениваться окружающими как лесть, а потому может привести к нежелательным последствиям. Молодёжь же считает, что комплименты во время общения лучше всего делать, глядя в глаза собеседнику: каждому приятно слышать добрые слова о себе.

Для того, чтобы сделать собеседнику приятное, чаще всего, прибегают к следующим словам:

кузьыли кадь (как муравей), *муш кадь* (как пчела) – термины, подчёркивающие трудолюбие человека;

гондыр (медведь) – адресуется здоровому, сильному, рослому человеку;

каньыл адями (букв.: лёгкий человек) – собеседник с легким, добрым характером, с ним всегда приятно общаться;

¹⁸² Адямилы ӧеч лэсьтыса, ачид но ӧечгес луиськод. Удмурт калык пословицаос но поговоркаос. Ижевск: Удмуртия, 1976. С. 6.

чупырес адями (букв.: шустрый, активный, ловкий человек) – характеризует человека активного, быстрого, везде и всегда успевающего;

визьмо пог/визьпог (букв.: комок ума; рус. аналог – вундеркинд) – умный человек. Для подчёркивания умственных способностей собеседника молодые также используют термин *киндер-вундер* (в значении: ребёнок – вундеркинд);

њег нянь кадь (букв.: как ржаной хлеб) – обычно так говорят о человеке верном, надёжном, добром, готовом всегда прийти на помощь;

њуч мунё (букв.: русская кукла) – образное выражение, используемое в качестве комплимента, адресованного девушке и подчёркивающего её красоту. Возможно, данное выражение объясняется влиянием эстетических традиций соседних народов: на северных удмуртов – русских, на южных – тюрков¹⁸³. О благожелательном отношении удмуртов к эстетическим идеалам соседей свидетельствует не менее распространенная фраза *њуч ныл кадь чебер*, то есть красива, как русская девушка. Коми народ под словом «*роч*» (русская) подразумевает что-то не своё, чужое или купленное, а не изготовленное своими руками¹⁸⁴. Подобное прослеживается и у удмуртов, например, в выражении – «*раймаг кукла*», (букв.: кукла, купленная в районном магазине, т.е. сделанная не своими руками). Скорее всего, под «русской куклой» удмурты подразумевали детскую расписную игрушку, выгодно отличавшуюся в сравнении с самодельными тряпичными куклами.

сюсьтыл (свеча) подчёркивается стройность девушки;

кортцог (гвоздь) – в значении – крепкий, здоровый человек;

шудо пуйы / шудпуйы, (букв.: кошель счастья), *шудо коцыш* (букв.: счастливая кошка, рус. аналог – любимчик фортуны) – термины, обозначающие везучесть человека.

Не принято в удмуртском обществе расхваливать себя. Это воспринимается как эгоистичность и себялюбие, о таких отзываются *зќќъяськись /*

¹⁸³ Никитина Г.А. Указ. соч. С. 118.

¹⁸⁴ Устное сообщение канд.фил.наук, сотрудника Института языка, литературы, истории Коми НЦ УрО РАН Н.И. Гуляевой.

бадньымъяськись (букв.: ставящий себя выше других). Если кому-то из удмуртов и хочется подчеркнуть свои достоинства, он старается это сделать вскользь, между прочим, ненавязчиво.

Тактика самовосхваления имеет свои отличия у удмуртов южных и северных районов. В южных районах, делая себе комплимент, чаще ссылаются на чьи-либо слова, сказанные когда-то. Так, респондентка, приглашая нас за стол, упомянула о словах матери, которая жаловалась на то, что мало времени уделяла дочери, но несмотря на это, её выпечка получается такой вкусной, что тает во рту¹⁸⁵.

В северных районах удмурты могут нарочито принизить себя, свои достоинства, подталкивая тем самым собеседника к тому, чтобы тот сделал им комплимент. Например, усадив гостей за стол, хозяйка извинилась за то, что выпечка не совсем удалась, хотя перед гостями лежал отлично выпеченный хлеб¹⁸⁶. Ответной реакцией на её заявление стал шквал комплиментов от гостей.

Слова благодарности – *тау* (спасибо), *спасибо*, *спасибки* – звучат за помощь, услугу, угощение, совет и др. «Спасибо» сегодня произносится чаще, чем удмуртское *тау*. Слово «*спасибки*» – сугубо молодёжное выражение.

Пожилые люди обычно связывают благодарность с обращением к богу. Так, выйдя из-за стола, они могут встать перед иконой и попросить у бога даровать достаток тому человеку, которого хотят поблагодарить: «*Тау, Ин-маре, тау. Мынам сиемелэсь тросгес сёт та семьялы, тазалыксы мед луоз мукет дырря но тазы пкраны. Няньзы жкк вылысьтызы медам бырылы*» (Спасибо тебе, Боже, спасибо. Пусть хозяевам вернется больше того, что я съел, пусть у них хватит здоровья, чтобы в следующий раз так же приготовить пищу. Пусть хлеб никогда у них не переводится на столе)¹⁸⁷.

Поблагодарить могут и рифмованной строчкой: «*Тау. Сюдћд-вордћд, кулонлэсь утид*» (букв.: Спасибо. Накормил-взрастил, от смерти спас).

¹⁸⁵ ПМА: НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 40

¹⁸⁶ Там же. Л. 1

¹⁸⁷ Там же.

Благодарность может быть выражена и в виде шутки: «*Кк̆т тыриз – малпан быриз*» (букв.: Живот насытился – думы ушли).

К извинению прибегают, когда хотят покаяться в совершении неправильных действий, неблагоприятных поступков, когда хотят вмешаться в разговор, обратиться к кому-либо, например, к лицу старшему по возрасту или выше по статусу. Обычно в таких случаях произносится фраза «*вождэс эн вае*» (букв.: не злитесь, аналог. рус. извините).

Проанализированный материал убедительно свидетельствует о том, что удмуртской коммуникативной традиции присуща конкретика, то есть если удмурты делают комплимент, благодарят или извиняются, значит, у них на то есть веские причины. Они не будут этого делать просто так, лишь для того, чтобы понравиться.

Общение с гостями и в гостях

В беседах о том, как и по какому поводу созывают гостей, мнения наших респондентов разделились. Люди старших поколений отмечали, что раньше в гости друг к другу ходили только по особым случаям. Чаще всего поводом к тому являлись праздники календарно-обрядового цикла. Приглашали в гости и в во время «базарных» дней и ярмарок, так как на них съезжались и родственники, и друзья, и добрые знакомые¹⁸⁸. В процессе приглашения сообщался только день, время обычно не обговаривалось. Связано это было с тем, что, во-первых, гости могли запоздать, не успеть к назначенному времени, например, из-за изменения погоды, плохих дорог и т.д.

Общение в гостях протекало размеренно и весело. Поддерживались любые темы для разговора. Здесь можно было узнать все последние новости: кто родился, женился, умер. Беседа периодически прерывалась подношением домашнего самогона, здесь тоже существовали свои правила поведения. В северных районах на первое предложение выпить нужно было ответить отказом, согласиться только тогда, когда хозяева повторяют его. На того, кто соглашался сразу, смотрели косо, и обычно подшучивали: «*Сябась – ым пась*,

¹⁸⁸ ПМА: НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 34.

ымпасьлы кочерга дась (букв.: открытый рот всегда готов выпить, а для открытого рта уже готова кочерга)». У южных удмуртов данная сторона гостевого коммуникативного поведения обычно не нормировалась. Здесь гости имели полную свободу действий: могли либо отказаться, либо сразу принять предложение выпить. И северные, и южные удмурты старшего возраста отмечают, что пили не спеша, небольшими глотками, буквально наслаждаясь каждой каплей. Респонденты подчёркивали, что раньше в гостях даже мысли не возникало, чтобы напиться, а потому обычно одной рюмки хватало на весь разговор.

Кульминацией гостевой церемонии было, несомненно, застолье. Всех присутствующих приглашали за общий стол. У северных удмуртов опять-таки не принято было садиться за стол сразу после первого приглашения, в противном случае это расценивалось как проявление неуважения к хозяевам. Все присутствующие могли подумать, что человек пришёл в гости, чтобы только утолить свой голод. У южных удмуртов от приглашения за стол вообще не принято отказываться, иначе о госте подумают, что он ставит себя выше хлеба, а значит – выше Бога. О таких людях говорили *зккъясь-кись/бадньымъяськись* (в значении высокомерный)¹⁸⁹.

Не принято было брать в гости детей. Взрослые объясняли эту традицию тем, что дети захотят спать, быстро устанут. Если же в силу разных обстоятельств их всё-таки брали с собой, то в гостях им отводилось укромное место, уголок, где они могли посидеть, поиграть, но вести себя очень тихо и скромно, так, чтобы не мешать взрослым. Время ухода гостей также не обговаривалось. Некоторые могли остаться на ночь.

В традиционном обществе в силу добрососедских и родственных отношений гостей ожидали также в домах родственников и соседей, где их встречали радушно с накрытым столом.

Сегодня поводом для приглашения гостей могут стать календарные или семейные, обрядовые праздники, дни рождения, порой – просто желание

¹⁸⁹ ПМА: НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 2.

встретиться с людьми, которых давно не видели. «Гостевыми днями» обычно считаются пятница или суббота: за ними следуют выходные дни, когда не надо идти на работу. Приглашают в гости чаще всего родственников, друзей, соседей.

Респонденты северных районов Удмуртии всегда отмечают, что надо различать, когда тебя на самом деле приглашают в гости, а когда это делают из вежливости.

У северных удмуртов существует поверье, согласно которому, в дни праздников или гостеваний первым в дом должен заходить мужчина, тогда оставшийся год будет удачным, хозяева будут жить в согласии и достатке.

Зайдя в дом, гость обязан со всеми поздороваться, сказать какой-либо комплимент в адрес хозяев и их жилища. Не любят удмурты, когда вошедший не проходит, а стоит у порога, держась за дверную ручку. О таких обычно говорят *тушмонъяськись* (букв.: недоброжелатель), считается, что они приходят в дом с дурными мыслями и намерениями. Данная особенность коммуникативного поведения имеет древние исторические корни и связана с религиозно-мифологическим представлением о пограничных локусах между освоенными и неосвоенными мирами. Таковым, например, считался порог дома. Неслучайно древнее удмуртское поверье гласит: «*Кс пыд улэ пуксьыны уг косо: анаед-атаед кулоз*» (в знач.: нельзя садиться на порог: родители умрут)¹⁹⁰. Положительно относятся к тем, кто застал семью за столом, во время трапезы. О таких людях говорят, что пришли с добром, их приглашают за стол.

В гостях принято вести себя очень скромно, не досаждать хозяевам лишними просьбами. Приемлем широкий спектр тем для разговоров, можно поделиться своей радостью или пожаловаться на судьбу, главное – не пересердствовать, чтобы не вызвать к себе неприязнь окружающих.

Кульминацией приёма гостей, как и в прошлые времена, является застолье. За стол принято садиться и выходить из-за него всем вместе. Нега-

¹⁹⁰ Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов... С. 220.

тивно отзываются удмурты о тех, кто уходит из гостей сразу же после застолья. По народному этикету, принято после выхода из-за стола, немного посидеть, пообщаться с хозяевами, иначе у последних «не уродится капуста» (*кубистазы уз удалты*).

Многие наши респонденты подчёркивали, что в современных условиях, когда жизнь подорожала, а деньги обесценились, зарплаты низкие, материальное состояние многих семей ухудшилось, очень нежелательно ходить «по гостям» без предупреждения и без гостинцев. Если уж собрался в гости, по словам отдельных наших респондентов, «Будь добр – бери с собой и гостинцы, и еду, чтобы накрыть стол хотя бы для себя»¹⁹¹. Сегодня как никогда актуально высказывание *«ктыымтэ куно бигерлэсь но урод»*, то есть незваный гость хуже татарина.

В сельской местности крайнее неприятие вызывают лица, будь то мужчины или женщины, злоупотребляющие спиртным и посещающие дома, чтобы опохмелиться. Такие «гости», как правило, без стеснения сразу просят то, что им нужно. Хозяева от таких посетителей пытаются избавиться поскорее, иногда, заметив их приближающимися к дому, закрывают ворота и двери, чтобы не впустить к себе.

Коммуникация в общественных местах

Общение в непривычной среде в удмуртском коммуникативном пространстве резко противоположно общению в знакомом и привычном окружении – в кругу семьи, друзей, соседей. Особенно это характерно для удмуртов, проживающих в сельской местности.

Как известно, в общественных местах (в транспорте, на улице, в магазине, в медицинском учреждении и др.) не принято громко разговаривать, открыто проявлять свои эмоции. Несдержанность считается признаком дурного тона. Помня об этом, удмурты, оказавшиеся в одном транспорте со знакомыми, начнут разговаривать так, чтобы не слышали другие: встанут или сядут очень близко друг к другу (порой коммуникативное расстояние между

¹⁹¹ ПМА: НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 53.

собеседниками становится равным нулю) и поведут беседу на полушёпоте, вполголоса.

Встречаясь на улице, собеседники также становятся очень близко друг к другу (иногда женщины берутся под руки), если же их несколько человек, чаще всего они образуют круг – некое замкнутое коммуникативное пространство, способствующее уменьшению расстояния, создающее ощущение закрытости. Вообще форма круга связана с институтами, предполагающими равное участие в общем деле, в отличие от условий, где кто-то кому-то диктует, кто-то кого-то заставляет делать угодное себе, а не другому¹⁹². У удмуртов в кругу возникает чувство защищённости и равенства, создающее комфортные условия для общения. Очень часто, разговаривая в общественных местах, удмурты переходят на шёпот.

Темы разговора при большом скоплении народа носят сугубо нейтральный характер (погода, огород, хозяйство). Раскрывать секреты, делиться переживаниями, горем или радостью у удмуртов не принято, тем более – во-первых, неприлично навязывать другим свои проблемы, а, во-вторых, горем не будут делиться потому, что другие могут просто позлорадствовать, а счастьем – потому, что могут сглазить.

Удмурты могут быть и достаточно откровенными, но только с проверенными, близкими знакомыми. Встретившись с ними, они говорят шёпотом, уводят своего собеседника в сторону, где людей поменьше, и делятся своими секретами. Откровенный разговор удмурты могут завести с человеком, внушающим доверие, с человеком, который сам откровенен с ними, или с тем, кого видят в первый и последний раз.

Коммуникативное поведение городских удмуртов практически схоже с поведением русских. В структуре их общения эмоциональная речь занимает значительное место. Она не зависит от пола и возраста, социального положения. Городские удмурты живо реагируют на сказанные замечания, могут от-

¹⁹² Иванов В.В. Проблемы этносемиотики // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 40.

ветить колкостью на колкость, грубостью на грубость и т.д. Они обычно легко вступают в коммуникативный контакт. Любая фраза – просьба, вопрос, предложение угощения и др. – может стать началом разговора и поводом для развития контакта. Свобода вступления в контакт проявляется в том, что городские удмурты могут обратиться к незнакомым практически с любой просьбой; сельские же жители на это пойдут лишь в крайнем случае.

Общение с соседями

Соседство – это одна из важных коммуникативных сфер повседневной жизни удмуртов. Она занимает видное место в сельском социуме, где практически все друг друга знают, и потому коммуникативные акты происходят достаточно легко и часто.

Говоря о соседях, удмурты отмечают, что человек для кого-то хорош, для кого-то плох, так и отношения с соседями складываются по-разному: с одними дружественные, с другими – одно непонимание и недовольство¹⁹³. А чаще они выстраиваются по известному в народе принципу: у хорошего человека и соседи хорошие¹⁹⁴.

Жить в мире с соседями – восточная ценность¹⁹⁵. Азиат, если его права ущемляются соседом, старается не замечать этого ради сохранения добрых отношений¹⁹⁶. Так же порой происходит у удмуртов, и здесь в их коммуникативном поведении прослеживается явная параллель с традициями народов Востока.

В сельской местности, в отличие от города, соседские взаимоотношения строятся на более тесной основе и нацелены на поддержание добрых отношений. Повседневные связи обычно сводятся к обсуждению тем, касающихся хозяйственных дел, родственников, деревенских новостей, оказания мелких услуг, помощи советом и т.д. Порой отношения бывают очень доверительными, соседи становятся даже ближе, чем родственники. Об этом можно судить по взаимному угощению выпечкой, приготовленной хозяйка-

¹⁹³ ПМА: НОА УИИЯЛ УрО РАН РФ Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 1, 41-42.

¹⁹⁴ Там же. Л. 42.

¹⁹⁵ Ситарам К., Когделл Г. Основы межкультурной коммуникации // «Человек». 1992. № 4. С.110.

¹⁹⁶ Там же.

ми, совместному празднованию семейных торжеств, дней рождений и т.д. У добрых соседей допустимо заходить друг к другу в гости без приглашения, чтобы просто узнать, как идут дела, все ли здоровы, чем занимаются и т.д. В коммуникации между такими соседями преобладают неформальные отношения (ты-форма). Обратиться к соседям можно практически с любой просьбой: одолжить соль, хлеб или, например, денег до пенсии или получки, загнать во двор или накормить домашний скот в отсутствие хозяев, помочь выполнить какую-то трудную работу и т.д.

Что касается семейной жизни соседей, вмешиваться в эту сферу обычно не принято, точно так же, как и давать какие-либо советы, если об этом не просят. Если же ситуация накаляется до предела, и соседи обращаются за помощью, её необходимо оказать. Часть наших респондентов отметила, что в последние годы отношения между соседями стали прохладнее. Если раньше взаимопомощь считалась неотъемлемым явлением сельского общежития, то теперь она встречается все реже и реже. Семьи замыкаются в рамках собственных хозяйств, взаимоподдержка забывается, более того – её заменяет зависть, подтачивающая добрососедские отношения.

Общение в семье

Взаимоотношения супругов в удмуртской семье обычно складываются доброжелательные и отличаются доверительностью. В семье принято делиться своими горестями и радостями, совместно решать общие проблемы, рассчитывать бюджет, планировать действия на ближайшую перспективу и т.д.

В современной семье, особенно сельской, доминирующая роль обычно признаётся за мужчиной, а женщина, на первый взгляд, играет второстепенную роль. Это можно заметить по тональности голоса, с которой женщина отзывается о муже, называет его *кузё*, то есть хозяин, отказывается принимать какое-либо решение без его ведома, не приглашает в дом посторонних мужчин в отсутствие мужа. На практике же чаще бывает так, что в большинстве семей складываются паритетные отношения, когда и мужчина не при-

нимает каких-либо действий, не посоветовавшись с женой, не распоряжается единолично семейным бюджетом и хозяйством в целом. В таких семьях нет чёткого разделения обязанностей на мужские и женские. По мере возможности все члены семьи делают то, что необходимо, во всём стараются помочь друг другу. К сожалению, в последние годы, особенно на селе, увеличилось число семей, в которых управление хозяйством вынуждена брать в свои руки женщина. Парадоксально, но и в таких семьях иные жёны «на людях», хотя бы внешне, признают доминирующую роль мужей. Объяснить такую модель поведения можно только желанием сохранить «лицо» семьи в глазах окружающих.

В отношении родителей к детям присутствуют внимание, нежность и забота. Для детей же родители являются авторитетом, особенно ярко это прослеживается в сельской местности. Родители передают свой опыт посредством личного примера, назидательные речи в удмуртской семье не приняты (особенно в отношении старших детей). Родительский опыт передаётся также через непринуждённую беседу, во время которой приводятся примеры из жизни других людей, о том, что нельзя, а что нужно делать в той или иной ситуации, каковы могут быть последствия ошибок. Обычно приведённые жизненные сюжеты остаются в памяти ребёнка на долгие годы, несут в себе положительный педагогический эффект.

К отцу относятся с уважением, но близкие доверительные отношения между детьми и отцом складываются не всегда: отец постоянно занят, он — добытчик, гарант хозяйственной и материальной состоятельности семьи, и ему не хватает времени на общение с детьми. К тому же большинство отцов считает, что дети должны сами справляться со своими трудностями, что чрезмерная опека только вредит им. С матерями у детей выстраиваются более доверительные отношения, так как именно матери, начиная с младенчества, ухаживают за своими детьми. С ними можно делиться переживаниями, секретами, планами. Ласку, нежные чувства, складывающиеся в семье, не принято выставлять напоказ. Большинство молодых респондентов, особенно

проживающих в южных районах Удмуртии, отмечают, что у них в семье не принято обниматься, целоваться.

В детском коммуникативном пространстве можно отметить соблюдение возрастной градации. Младшие по возрасту дети должны с уважением относиться к старшим братьям и сестрам, слушаться их во всем, так как те несут за них ответственность. Если родители поручают детям выполнение какой-либо работы по хозяйству, дети обычно распределяют её между собой поровну.

К пожилым людям в семье относятся с большим уважением, даже с некоторым страхом: считается, что их слова, пожелания имеют способность сбываться. В отношении стариков действуют те же правила, которые регулируют коммуникативное поведение между родителями и детьми: нельзя игнорировать советы, требования, просьбы, грубить, перебивать, отказывать в помощи.

Темы разговоров, бесед в семейном кругу могут иметь широкий охват. Единственная тема, которую не принято затрагивать в семье, это секс; особенно если разговор происходит между разнополыми членами семьи.

Анализ повседневного вербального коммуникативного поведения удмуртов позволяет сделать вывод о том, что оно является постоянно дополняемой, незамкнутой знаковой системой. Сопоставительное изучение вербальных средств этикетного общения ряда народов евразийского культурно-исторического и этнокультурного пространства позволило выделить исследователям два самобытных варианта распространения речевого общения – восточный и западный¹⁹⁷.

Для восточной традиции характерно построение приветствия в диалогичной, вопросно-ответной форме. При этом в зависимости от ситуации текст приветственного диалога может быть либо сжатым, либо расширенным.

¹⁹⁷ Кузнецов С.В. Указ. соч. С. 254.

В западной культуре вербального общения приветствие имеет директивный и лаконичный характер. Что касается удмуртского речевого общения, проанализированный материал показывает, что оно занимает промежуточное положение, хотя среди горожан явно ощутим тренд к западной традиции.

Общительность удмуртов, если сравнивать её с русской, может быть оценена как не очень высокая, особенно если речь идет о сельских удмуртах. Городские удмурты более общительны, и в этом схожи с русскими.

Сельским удмуртам, по сравнению с городскими, тяжелее вступать в контакт с незнакомыми людьми. Особенно явственно это ощущают молодые люди, приехавшие в город учиться. Вступив в общение, они не стремятся преодолеть формальную процедуру знакомства, а потому их трудно вывести на эмоциональное, искреннее общение. Оно свойственно лишь близкому кругу лиц – друзей и родственников. Эмоционально реагировать на замечания, столь же эмоционально воспринимать информацию, вообще быть самим собой становится возможным только в рамках знакомой привычной среды.

Откровенность удмуртов проявляется в разной степени с разными людьми. Так, они будут откровенными только с тремя категориями лиц – во-первых, с людьми, которых давно и хорошо знают, во-вторых, с теми, кого видят в первый и последний раз, в-третьих, с теми, чья внешность внушает доверие. С ними они разговаривают так, как будто живут последний день, и им нужно успеть сказать абсолютно всё, что накопило на душе¹⁹⁸.

Коммуникативный демократизм присутствует только в хорошо знакомой среде. В остальных случаях предпочтение отдаётся формализованному общению. Стремление к доминантности отсутствует: удмурты не любят быть в центре пристального внимания. В отличие от русских, свободно вступающих в контакт, удмуртам сделать это гораздо труднее.

Доброжелательность в удмуртском коммуникативном поведении достаточно сдержанная. Малознакомых людей обычно приветствуют вежливо, но сухо, без особых эмоций.

¹⁹⁸ ПМА: НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 50.

Ярко выраженная самопрезентация отсутствует. Удмурты не любят хвалить самих себя и не любят, когда при них кто-то сам себя хвалит. В узком кругу друзей и родственников они могут похвастаться успехами детей, супругов, исключительно редко – своими собственными.

Модификация поведения собеседника сводится к минимуму. Сельские удмурты открыто не выскажут претензии ни знакомому человеку, ни незнакомцу. В коммуникативной среде городских удмуртов претензии предъявляются только знакомым и близким людям. Нарушением всех этикетных и моральных норм считается, когда младшие предъявляют претензии старшим, особенно дети – родителям.

На первый взгляд, конфликтность удмуртов невысокая. Их трудно втянуть в конфликт, так как они привыкли подавлять свои эмоции. Удмурты не будут доказывать свою правоту во что бы то ни стало, не будут публично высказывать свое несогласие с собеседником. Их конфликт уходит «во внутрь», и хотя внешне они будут сохранять спокойствие, в душе их будет кипеть буря эмоций, негодований, они стойко будут следовать тем принципам, которые считают верными и всегда останутся при своем мнении.

Как отмечает В.Е. Владыкин, ментальность удмуртов во многом схожа с детской психологией. Это ярко проявляется в их чрезмерной обидчивости¹⁹⁹. Возможно, собеседник и не хотел обидеть, когда сделал замечание удмурту, хотел ему помочь, а ответной реакцией стала обида. Это ментальность «маленького» этноса, которая проявляется как на вербальном, так и невербальном уровне.

Тематика общения самая разнообразная. Разговор по душам становится приоритетным только в домашней среде, в неформальной обстановке, среди близких друзей и родственников, когда обе стороны делятся радостью или жалуются на жизнь, ищут помощи, просят совета. Изливать душу малознакомому, не близкому человеку в непривычной обстановке удмурты будут лишь в исключительных случаях. Обычно же прибегают к светскому разгово-

¹⁹⁹ Владыкин В.Е. Мон. О себе и других, о народах и Человеках, и ... Ижевск: Удмуртия, 2003. С. 372.

вору на общие темы, не затрагивающие личных проблем. Удмурты, как и русские, отличаются любознательностью, которая может перейти в любопытство, особенно у сельских жителей. Обговорив при встрече все последние новости, они могут перейти к общим знакомым, обсудить их жизнь и поступки. В кругу знакомых и друзей в процессе общения могут задаваться и вопросы глубоко личного характера, например, касающиеся зарплаты, возраста, семейного положения и т.д.

Очень искренни и словоохотливы удмурты с собеседниками, вызвавшими у них чувство доверия и симпатии. В этом случае они могут без всяких наводящих вопросов поделиться самыми разнообразными сведениями, которыми располагают сами, и которые, как считают, могут заинтересовать собеседника.

У русских ярко выражена оценочность общения, удмурты же, напротив, стремятся избегать оценок слов или поведения собеседника в процессе коммуникации, но зато с легкостью это делают «за глаза» через третьих лиц в неформальном общении.

Неотъемлемым компонентом неформального общения удмуртов является юмор. Особенно велика его роль в общении гостей. Человек с чувством юмора становится душой любой компании, его любят, им восхищаются, он становится желанным гостем на любом застолье. Сами респонденты отмечают, что таких людей не так уж много, особенно среди удмуртов: им часто мешает стеснительность.

Степень табуированности в общении примерно такая же, как у русских. Количество тематических и речевых табу сравнительно невелико, причём имеющиеся табу скорее мягкие, чем жёсткие. Не принято шутить и веселиться в компании людей, у которых есть серьёзные проблемы; говорить о сексе, обсуждать сексуальные заболевания знакомых людей; за столом нельзя рассказывать о том, что может испортить аппетит присутствующим. Под запретом нецензурная лексика, шутки, содержащие такую лексику. Не табуированы вопросы о возрасте, семейном положении, зарплате и других источниках

дохода, стоимости тех или иных покупок, вопросы, касающиеся профессии, места жительства, родителей и детей и т.д.

Резюмируя сказанное, отметим: удмурты становятся общительными и раскованными в привычной обстановке, среди знакомых людей. В остальных случаях они предпочтут занять позицию слушающего, нежели говорящего. Любят удмурты и задавать вопросы. Чаще всего они расспрашивают новых знакомых, иностранцев, но только в том случае, если собеседник вошёл в доверие и положительно настроен по отношению к ним.

§ 2. Инвектива как способ выражения агрессии

Инвективная лексика – это устойчивый языковой оборот, воспринимающийся в той или иной культурной традиции как оскорбление адресата.

По мнению различных учёных, ругательные выражения есть во всех языках, и было бы неверным думать о случайном их характере. Они используются в качестве крайней степени выражения неодобрения кого-либо или чего-либо и для психологической разрядки²⁰⁰. Инвектива так же может быть использована в междометном смысле и для того, чтобы вызвать смех.

Исследований, связанных с этой темой, не очень много, что можно объяснить тем, что данный пласт вербальной лексики является запретным как для простого обывателя, так и исследователей, специализирующихся в области лексикографии, фразеологии, этимологии, этнолингвистики. Но этот запрет по преимуществу относится скорее к обозначению, чем к обозначаемому, к плану выражения, а не к содержания²⁰¹.

Инвективная лексика осуждалась и осуждается обществом, но ни одному обществу ещё не удалось её искоренить. Существует точка зрения, согласно которой, возможность снятия сильного психофизического напряжения за счёт употребления запретной лексики как раз и является основной причи-

²⁰⁰ Ильясов Ф. Н. Мат в три хода (опыт социологического исследования феномена нецензурной брани) // Человек. 1990. № 3. С. 57.

²⁰¹ Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Б. А. Успенский Избранные труды. Т.2. М.: Языки русской культуры, 1994. С. 55

ной её существования. Причём, чем сильнее табу, тем большую эмоциональную разрядку приносит нарушение запрета. Ещё один мотив использования инвектив – намеренный эпатаж, вызов обществу, потуги разрушить общепринятые правила приличия. Диапазон этой разновидности мата весьма широк: от элементарного лингвистического хулиганства, надписей на заборах и в туалетах до публичных выступлений некоторых представителей интеллигенции, использование в произведениях искусства (книгах, кинофильмах, спектаклях).

По наблюдениям этнографов, «сквернословие <...> в обращении <...> производит действие обиды лишь тогда, когда произнесено серьёзным тоном, с намерением оскорбить; в шутливых же и приятных разговорах составляет главную соль, приправу, вес речи»²⁰².

В литературе последних лет утверждается, что корни обценной лексики уходят в далёкую языческую древность. Скверные слова были включены в заклинания, обращённые к божествам. Поскольку последние часто олицетворяли культ плодородия, постольку и скверные слова связывались с половой сферой²⁰³. Отсюда можно сделать вывод, что так называемый мат являлся языком общения с демонами. Ведьмы и колдуньи использовали сквернословие в своих наговорах, насылая проклятие.

Как свидетельствуют исторические источники, мат с упоминанием половых органов употреблялся как с провоцирующими, так и магическими целями. Например, чтобы привлечь внимание девушек, молодые люди пели скабрезные частушки, мат сопровождал драки «стенка на стенку» и т.д. Магия мата проявлялась также во время сельскохозяйственных работ: при пахоте или посеве крестьянин упоминал половые органы, «усиливая» тем самым плодородие почвы²⁰⁴. Считалось, что матом можно отпугнуть нечистую силу. Всем известно, что когда что-то привидится, надо перекреститься или плю-

²⁰² Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии... С. 55

²⁰³ Плутсер-Сарно А. Определение понятия «мат» // www.plutser.ru/mat_definition

²⁰⁴ Толстой Н.И. Из заметок по славянской демонологии. Чемер «злой дух, черт» // Вопросы теории и истории языка. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1993. С. 131.

нуть через левое плечо. Но таким же «отталкивающим» бесов свойством, наравне с плевками через левое плечо, обладает и мат. И в экстренных ситуациях – во время испуга, гнева – мат снимает это состояние, мобилизует силы человека.

Таким образом, инвективная лексика, матерная брань имеет мифологическое происхождение и ритуальный характер. Эта ритуальная формула оказывается более или менее устойчивой (стабильной), относительно мало изменяясь. Однако с течением времени она подвергается разнообразным переосмыслениям (семантическим трансформациям), обусловленным включением в разные вербальные коды²⁰⁵.

В современных условиях к мату прибегают для повышения эмоциональности речи, эмоциональной разрядки, оскорбления, унижения адресата, демонстрации агрессии, отсутствия страха, раскованности, пренебрежительного отношения к системе запретов или демонстрации принадлежности к «своим».²⁰⁶

В «ключевых терминах матерного лексикона» А.В. Чернышев выделил три группы: а) обозначающие мужские и женские гениталии и половой акт; б) переносящие значение половых органов и полового акта на человека как на предмет называния; в) нарочито огрублённые виды заимствований из «культурной речи»²⁰⁷.

Инвективная лексика воспринимается преимущественно как своеобразный мужской код, употребление которого обставлено рядом достаточно строгих ещё в недавнем прошлом правил. В женскую среду мат начал проникать сравнительно недавно, а относительно широкая распространённость практик матерного говорения в смешанных коллективах и вовсе есть завоевание последних двух или трёх десятилетий²⁰⁸. Важнейшей особенностью

²⁰⁵ Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии... С. 56

²⁰⁶ Левин Ю. И. Об обценных выражениях русского языка // Russian Linguistics. 1986. № 10. С. 61-72. // www.philology.ru/linguistics2/levin-98.htm

²⁰⁷ Чернышев А. В. Современная советская мифология. Тверь: Пять вечеров, 1992. С. 67.

²⁰⁸ Михайлин В. Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. - М.: НЛЮ, 2005. С. 333.

подобной лексики является парадоксальное сочетание сексуальности с адресацией её к обыденной жизни и характеристикам конкретных людей²⁰⁹. В мужском коллективе инвектива нужна не только для того, чтобы обругать кого-то, но и чтобы весело, быстро и эмоционально объяснить свою мысль.

Нет ни одной национальной культуры, в которой бы не было инвективного пласта лексики, используемого в процессах коммуникации. В любой отдельно взятой культуре он исполняет роль регулятора межличностных отношений, так как позволяет «выпустить пар», не нанося физического вреда ни одному из собеседников. В связи с этим англичанами было справедливо замечено: «Первый человек, который обругал другого вместо того, чтобы раскроить ему череп, заложил основы нашей цивилизации», хотя склонность к ругани, по мнению В.И. Жельвиса, появилась задолго до того, как «человеку было присвоено право называть себя человеком. Даже животные могут выражать свою агрессивность, не прибегая к насилию: они скалят зубы, рычат, взъерошивают шерсть, стучат лапами, словом, угрожают противнику. Самое интересное, эта тактика чаще всего срабатывает, и более слабое животное, понимая, что ему несдобровать, благоразумно удаляется. Таким образом, у человеческого сквернословия богатый исторический (а точнее доисторический) опыт»²¹⁰.

Смысл любого оскорбления заключается в том, чтобы вызвать у другой стороны негативные чувства, причинить ей моральный урон, понизить самооценку и у каждого этноса есть самые разнообразные способы оскорбительно-эмоционального воздействия на оппонента, от язвительных замечаний до вульгарных поношений²¹¹.

Как и другие этносы, удмурты при выражении негативных эмоций и агрессии прибегают к инвективной лексике, особенно к **скатологизмам**. Данная группа включает в себя всевозможные лексемы, обозначающие на-

²⁰⁹ Китаев-Смык Л. А. Сексуально-вербальная защита и агрессия (матерная речь и матерная ругань) // Речевая агрессия в современной культуре. Сб. науч. тр. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2005. С. 19.

²¹⁰ Жельвис В.И. Инвектива: опыт тематической и функциональной классификации // Этнические стереотипы поведения. Л.: Наука, 1985. С. 296-322.

²¹¹ Этнопсихолингвистика ... С. 98.

именования нечистот, особенно продуктов жизнедеятельности человеческого организма. Оскорбительно удмурту слышать в свой адрес слова *зырымесь ыж* (букв.: сопливая овца), *зырымесь* (букв.: сопливый, аналог. рус.: сопляк), *зын жуш* (букв.: вонючие кишки), *кызясь парсь* (букв.: писающая свинья), *сћтесь сћтян* (букв.: говнистая задница), *сћть комок* (аналог. рус.: засранец), *кын шарака* (букв.: комок навоза), *кыед* (букв.: навоз, аналог. рус.: дерьмо) и т. д.

Не менее распространёнными являются разнообразные **проклятия**, посылаемые на человека:

Инмар тонэ мед каргалоз (букв.: пусть тебя бог покарает);

коркадэ горд петок/атас мед быдтоз (букв.: пусть твой дом уничтожит красный петух, имеется в виду пожар).

ки пыдэс вылад гонэд потытозяз, шуддэ медам адзбы (букв.: пока на внутренней стороне твоей ладони не вырастут волосы, до тех пор тебе счастья не видеть);

мупыр кошки (букв.: провались сквозь землю);

пери мед шуккоз (букв.: чтоб ударил тебя вихрь; в знач. — чтоб тебя скрючило);

кудњем тёпиосыд мед пилиськозы (букв.: чтобы твои пьяные глаза повыскакивали);

йырыд мед быроз (букв.: чтоб голова твоя кончилась, в знач. — чтоб ты сдох);

кылыд мед сисьмоз (букв.: чтобы твой язык сгнил);

сћтяло вылтћд (букв.: насру на тебя).

Иногда проклятья могут заменяться **угрозами**: *кќтурдэстэ лусъё* (букв.: бока пообдираю); *виё* (букв.: убью); *синдэ пыльккыто* (букв.: глаза выколю).

Широко применяются инвективы, обозначающие названия гениталий, половые отношения: *патяк* (женские гениталии; существует нюанс в словах *питюк* и *патяк*, главный критерий различия — размер, и если человек исполь-

зует слово *патьяк*, значит, он хочет нанести огромное оскорбление своему адресату); *кули, гого* (мужские гениталии); *паляка* (аналог. рус. – проститутка); *шуш пырчок* (букв.: изуродованный *apis*).

Часто инвективы образуются путём прибавления к части тела названия полового органа. Посредством этого происходит перемещение сакрального «верха» вниз или профанного «низа» – вверх. В первом случае функции сакрального «верха», например, головы как органа сознания и мышления начинают «исполнять» гениталии. По мнению В. И. Жельвиса, это связано, прежде всего, с тем, что всякое сквернословие, и в первую очередь то, которое связано с наименованиями «тайных частей» человеческого тела, носит ярко выраженный «карнавальный» характер²¹². Например, *гого йыр/пель* (букв.: голова/уши, похожие на мужские гениталии); *патьяк йыр/пель* (букв.: голова/уши, похожие на женские гениталии); *туем пель* (данная инвектива имеет двоякий смысл, с одной стороны, она обозначает *заткнутые чем-то уши*, с другой – *туем* обозначает *коитальный глагол*).

Немаловажную роль в инвективной лексике удмуртов играют выражения, оскорбляющие мать или отца адресата: *еврей пинал* (букв.: сын еврея; аналог. рус.: еврейское отродье), *вамен гогоем лэсьтэм пинал* (букв.: ребёнок, появившийся в результате поперечного соития); *кион пинал* (букв.: волчий сын) – можно сравнить данную инвективную идиому с русской инвективой *сукин сын* (по мнению известного этнографа Д.К. Зеленина, она первоначально адресовалась демону и имела цель его запугать²¹³); *чиган / цыган пинал* (букв.: ребёнок цыганки, цыганёнок, чаще всего используется для обозначения непослушного человека, которому палец в рот не клади, аналог. рус.: цыганское отродье); *шайтан выжы* (букв.: чёртов корень, аналог. рус.: чёртово отродье).

²¹² Жельвис В.И. Инвектива: мужское и женское предпочтения // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб.: Наука, 1991. С. 271.

²¹³ См. об этом подробнее: В. И. Жельвис Инвектива: мужское и женское ... С. 270.

Инвективизация речи также достигается с помощью зоонимов, которые представляют собой названия различных животных, которым приписывают те или иные недостатки²¹⁴.

гонтэм курка (букв.: неоперившаяся индейка, аналог. рус.: индюк общипанный); *быжтэм курег* (букв.: бесхвостая курица); *урмем кион/пуны* (букв.: взбесившийся волк/собака); *ськд кырныж* (букв.: чёрный коршун/ворон, именно эта птица, по представлениям удмуртов, приносит плохие новости, является предвестником смерти); *кый, ськд кый* (букв.: змея, чёрная змея, аналог. рус.: змея подколодная); *лемтэй* (клещ); *вож/вожась курег* (букв.: зелёная курица, используется, чтобы подчеркнуть нелепую ревность); *зкк ккт буржуин/чонари* (букв.: толстопузый буржуин, паук толстопузый); *парсь* (свинья); *бкчи* (жук навозный); *шкй сиись пуны* (букв.: собака, питающаяся падалью); *зкк тэй* (букв.: большая вошь, аналог. рус.: тормоз); *парсь ымныр* (букв. поросячье лицо, аналог. рус.: свиное рыло); *пелё кучыран* (букв.: ушастая сова, в значении: слышит всё, что надо и не надо); *коио-куакаос* (букв.: сороки-вороны, аналог. рус.: сплетницы); *ыж йыр* (букв.: овечья голова, аналог. рус.: бестолочь, простофиля); *кочон йыр* (букв.: кочанная голова, аналог. рус.: тупица); *варгаз ьазег/пуны* (букв.: одинокий гусь/собака, аналог. рус.: бобыль), термин обозначает не только семейный статус адресата, но и его скверный, неуживчивый характер; *шуш лайка* (букв.: уродливая лайка, лайка – в значении *сука*). Последняя инвектива зафиксирована в южных районах Удмуртии: используется молодыми людьми для обозначения девушек лёгкого поведения. В северных районах республики всех девушек обзывают *тёлками*, красивую же девушку могут назвать *соской*.

Следующая группа инвектив связана с кровью, потусторонним миром, болезнями: *вирюисьёс* (букв.: кровопийцы); *убир* (букв.: кровопийца, вампир); *чер* (зараза, дурная болезнь); *колера/холера, калера басьтон* (букв.: холера); *ведһн* (букв.: ведьма); *албасты кесяньёс* (букв.: достойные того, чтобы

²¹⁴ Жельвис В.И Инвектива: опыт тематической и функциональной классификации... С. 305.

разорвал злой дух); *шайтан/шайтан воштэм* (букв.: чёрт, сатана/подменённый чёртом); *чатран басьтон* (букв.: достойный смерти); *лул быдтһсь* (букв.: убивающий душу, аналог. рус.: душегуб); *вирсэртэм* (букв.: не имеющий кровеносных сосудов, аналог. рус.: неприятный, негодный, не знающий меры).

К использованию перечисленных выше инвектив удмурты прибегают лишь в состоянии аффекта, во всех других случаях принято обходиться менее грубыми выражениями. Чтобы подчеркнуть недостаток ума человека, используют словосочетания: *тырттэм йыр* (букв.: пустая голова, аналог. рус.: дурак), *визьтэм* (букв.: безумный, аналог. рус.: дурак), *шуни-мани*, *дундук*, *шузи* (аналог. рус.: дурак).

Достаточно распространена лексика, фиксирующая внимание на неприятном внешнем виде, вызывающем негативные эмоции: *юрньым*, *нюжтэм* (букв.: противный, вызывающий отвращение); *пкрмостэм* (букв.: не удавшийся, аналог. рус.: недотёпа), *каргам* (букв.: изуродованный, аналог. рус.: проклятый).

При оскорблении собеседника часто упоминаются вербальные символы, подчеркивающие врождённые внешние уродства: *быльньектэм син* (букв.: лупоглазый), *шушэра-мушера* (букв.: уродина).

Обидеть можно удмурта, обвинив его в пьянстве, причём неважно злоупотребляет он этим или нет: *тордос*, *гоголь* (пропойца, пьяница).

Своеобразно и примечательно использование инвективы в качестве юмора. Здесь первенство принадлежит детям и подросткам. Зная, что нарушают табу, они идут на это ради того, чтобы показать себя взрослыми, опытными и осведомленными в глазах сверстников. Эти инвективные шутки часто так и остаются в узком кругу друзей, поскольку со стороны взрослых они вызывают негодование и даже гнев, что часто приводит к наказанию ребенка.

Например, среди подростков нередко можно услышать следующие образные выражения и рифмованные строчки:

чорьясь атас (букв.: поющий петух, шуточное обозначение мужского полового органа).

Самолёт лобе, моторез ужа,

обезьян пуке, патяксэ корма

(букв.: летит самолет, работает его мотор, сидит обезьяна-самка, чешет свой половой орган).

Син уг адһы, пель уг кыл,

Йыр вице, кули уг сыл

(букв.: глаза не видят, уши не слышат, голова болит, *penis* не стоит).

Мон тонэ яратһсько – под забором туисько.

(букв.: я тебя люблю – под забором совершаю соитие).

Патяра гуртэ, Гогора Митрейлэн пиез доры (букв.: иди в деревню, название которой созвучно с женским половым органом, к сыну Митрея, фамилия которого созвучна с мужским половым органом, аналог. рус.: иди на ...). В удмуртскоязычном варианте фраза звучит мягче, чем русскоязычном, потому к ней прибегают в общении, а также используют в качестве шутки, вызывающей смех, а не оскорбление.

Сэзьяське, веттаське,

уйин гопе лэзьяське

(букв.: шатается, качается, по ночам в яму отпускается). Иносказание; используется для обозначения коитального действия.

Есть выражения, которые по своему значению нельзя назвать инвективой, но по звучанию они схожи с некоторыми словами инвективной лексики: *едрит копотит, едрит кудрит, ёшкошлач.*

Анализ инвективной лексики удмуртов позволяет выявить некоторые её закономерности. Так, инвектива удмуртов чаще всего бывает представлена в форме разнообразных проклятий и угроз, редко – богохульств. Большая часть инвектив содержит в себе пожелания, чтобы какая-либо сверхъестественная сила нанесла непоправимый урон человеку: покалечила его самого, либо принесла ущерб его хозяйству.

Необходимо подчеркнуть, что удмурты придают огромное значение каждому сказанному слову. Согласно их представлениям, слово, тем более проклятье, не уходит в никуда, оно попадает точно адресату. Поэтому на такие проклятья нужно вовремя ответить с помощью защитных вербальных формул: *Инмар лопата ќвкл, адъоз* (букв.: Бог не лопата, увидит; в данном случае он должен увидеть деяния обидчика); *сяласькемед ас вылад мед луоз* (букв.: все плевики пусть на тебя самого попадут); *та кылыд ас йырад мед й́ктоз* (букв.: пусть твоё слово по твоей же голове попадёт), *та п́ксь кылыд п́ксь/шунит/небыт пияд мед пыроз* (букв.: пусть твоё горячее слово в твой горячий, тёплый, мягкий карман попадёт, под карманом имеется в виду рот).

Данные слова могут сопровождаться троекратным перекрещиванием либо плевыми: говорящий словно закрепляет свое защитное слово и ставит точку в диалоге.

Особенно опасны проклятия родителей или пожилых людей, адресованные детям или тем, кто младше по возрасту. Считается, что именно они чаще всего сбываются, поэтому родители, ругая своих детей, не произносят никаких проклятий, а прибегают к ним только в крайних случаях.

На втором месте по частоте употреблений стоят зооморфизмы. Удмурты сравнивают своего собеседника с животным не только тогда, когда хотят сделать комплимент, но и хотят подчеркнуть его отрицательные черты. Объяснить такое обилие зооморфизмов в удмуртской вербальной коммуникативной практике можно тем, что удмурты как лесной народ были отличными охотниками, отличались чрезвычайной наблюдательностью и знанием повадок животных, их характерных черт. Этикет удмуртов не позволяет прямо в лицо говорить человеку о недостатках, а вот сравнить его с животным и косвенно намекнуть на последние – это непременно.

Скатологизмы нередко используются в качестве прилагательных, при-
мыкающих к зооморфизмам или к частям человеческого тела. Возможно, это можно объяснить тем, что в сознании удмуртов скатологизмы ассоциируются не только с нравственным, но и социальным падением человека, с людьми,

занимающими маргинальное положение в социуме, либо вовсе опустившимися на «дно» общества. Поэтому, произнося в адрес собеседника скатологизмы, удмурт косвенно намекает на то, что он занимает социальный статус ниже его самого.

Несмотря на достаточно разнообразный запас инвектив, удмурты, выражая негативные эмоции, очень часто прибегают к заимствованной русской лексике. Заимствование эмоциональной лексики – распространённое явление, происходящее в среде контактирующих между собой разных этносов. Национальная культура, воспринимая иную эмоциональную лексику, пропускает её через свою шкалу ценностей, и в результате заимствованная инвектива воспринимается либо в очень мягком, либо в очень грубом смысле, то есть «семантика определяет меру смысла и управляет его потерями»²¹⁵.

Прислушиваясь к речи удмуртов, можно подумать, что в их языке совершенно нет своей оригинальной лексики. Но это лишь кажущееся впечатление. На самом деле удмурты прибегают к ней лишь тогда, когда доходят до самой крайней степени эмоционального напряжения и необходимо бывает выплеснуть всю накопившуюся негативную энергию, то есть использование удмуртской инвективной лексики – это крайний вариант. Для остальных же случаев подходит заимствованная инвектива. Она применяется, когда у говорящего нет намерения демонстрировать свою доминацию, когда он не хочет нанести смертельное оскорбление. С целью социальной инвективизации речи, демонстрации своей групповой принадлежности, а также в междометном смысле удобнее пользоваться более мягко звучащим заимствованием.

В своей сущности удмурты – народ мало агрессивный, поэтому использование своей инвективной лексики в общении ими сводится к минимуму. Но если удмурт захочет унижить собеседника, он обязательно намекнет о его нечистоплотности как показателе низкого его социального статуса. Именно поэтому наиболее унизительно услышать удмурту в свой адрес такие вербальные символы, как: *моко* (аналог. рус.: «грязнуля»), *ськдун песьтэр* (букв.:

²¹⁵ Жельвис В.И. Поле брани. М.: Ладомир, 2000. С. 30.

грязный туесок), *ськд бам* (букв.: грязная щека) *сурон бам* (букв.: кожаная щека), *пурултэм* (букв.: нечистоплотный), *пол мучоло* (букв.: половая тряпка).

Следует отметить, что к инвективам чаще прибегают взрослые мужчины. В их коммуникативной среде они выполняют функцию эмоциональной разрядки, междометия, а также средства для эмоциональной передачи информации, придания юмористического характера разговору.

Женщины прибегают к инвективе в крайне редких случаях (сильный гнев), но в любом случае получают общественное осуждение. В глазах народа использование мата – прерогатива маргиналов и людей, занимающих низкий социальный статус.

Юноши в своей среде используют мат в таких же целях, как и мужчины, но ни в коем случае не допустят его в общении со старшими и с девушками. Часть современных девушек-подростков позволяет себе прибегать к мату, но лишь до определённого момента, со временем приходит понимание, что таким образом не завоевать авторитет в молодёжной среде и особенно – в глазах юношей.

В целом инвективная лексика в удмуртском коммуникативном социуме никогда не приветствовалась, и её употребление в некоторых случаях даже наказывается физически.

§ 3. Анализ вербальной семантики методом семантического дифференциала

По своей сути вербальный язык не является простым набором знаков для обозначения вещей, окружающих человека. Прежде всего, слова нужны для организации собственных действий, действий других людей и совместных действий с другими людьми. С помощью слова человек выражает свои мысли, отношение к окружающему миру, к собеседнику, с которым общается. В связи с этим стоит отметить, что язык также играет ведущую роль в вербальном оформлении стереотипов.

С точки зрения физиологии, стереотипы формируются на основе условных рефлексов. Постоянное повторение одних и тех же фраз, со временем приобретающих устойчивость на уровне языка, приводит к тому, что их значение оседает в подкорке головного мозга, а восприятие их происходит автоматически, без участия сознания. Носители языка не задумываются над содержанием клишированных фраз, принимая их как данность²¹⁶. В данном случае под стереотипом мы будем иметь в виду «обобщающие комплексные убеждения в отношении некоторых характеристик определённой группы»²¹⁷.

Стереотипы, влияя на сознание людей, вступающих в процессы коммуникации, заставляют собеседников выбирать соответствующие роли, манеру поведения, а потому занимают не последнее место в общении людей. От того, какой стереотип сформирован в сознании человека, будет зависеть взаимопонимание, результат общения.

В основу анализа вербальной семантики в данном разделе заложен метод факторного анализа. Он представляет собой «метод экспериментальной семантики. С его помощью большое число переменных (в данном исследовании в качестве переменных выступали 17 характеристик) сводится к меньшему количеству независимых величин, называемых факторами. В результате проведённого анализа исследователю удаётся построить субъективные семантические пространства, которые позволяют исследовать специфику мировосприятия, мироощущения, межличностного восприятия»²¹⁸. Посредством обрисованного метода можно получить точную картину мировосприятия удмуртов, поскольку анкетирование проводилось на языке, родном респонденту.

Респондентам предлагалась анкета (см. Приложение 2), в которой были приведены категории (*удмурт, татарин, русский, мой идеал, мой друг, мой враг, Я*) и характеристики – *парсь* (в знач. нечистоплотный), *ульча чача* (в знач. болтливый), *быжтэм нычы* (в знач. лживый), *комак* (в знач. корыст-

²¹⁶ Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М.: Гнозис, 2005. С. 238.

²¹⁷ Социальная психология: Практикум. / под. ред. Фоломеевой Т. В. М.: Аспект Пресс, 2006. С.99.

²¹⁸ Там же. С. 112.

ный), *миськем сярты* (в знач. чистюля), *бурсъсь пороз* (в знач. ворчун) и т. д. Приведённые нами характеристики явились основой для формирования факторов. Опрашиваемые должны были по семибальной шкале (-3, -2, -1, 0, 1, 2, 3) оценить, в какой степени приведенные характеристики соответствуют выделенным категориям: -3 – максимально не соответствует, 3 – максимально выражает сущность явления. Всего нами были выделены 17 вербальных характеристик по принципу наиболее распространённых и используемых в повседневной жизни.

При выборе респондентов главным критерием стала национальная принадлежность. Все опрашиваемые – удмурты в возрасте от 16 до 25 лет. Мы остановились на данном возрасте по двум причинам. Во-первых, это учащиеся, студенты или недавно отучившиеся молодые специалисты, которым так или иначе приходилось сталкиваться с представителями других национальностей. Во-вторых, люди старших возрастов ссылались на то, что у них недостаточно времени и им не понятен сам принцип заполнения анкеты. Анкетированием была охвачена молодёжь из трёх северных (Игринский, Балединский, Кезский) и трёх южных (Алнашский, Можгинский, Малопургинский) районов Удмуртской Республики. Заполнено 600 анкет, из них 300 – юношами и 300 – девушками, уроженцами северных и южных районов.

Обобщённые данные обрабатывались с помощью компьютерной программы SPSS. В результате нами было получено два наиболее эмоционально окрашенных фактора, которые мы условно обозначили как «нравственные устои» (Ф 1) и «социальная позиция» (Ф 2). По мнению наших респондентов, именно они оказывают исключительно сильное влияние на коммуникативные процессы.

Диаграммы семантического пространства, построенные на результатах факторного анализа респондентов Игринского района, дали следующие результаты.

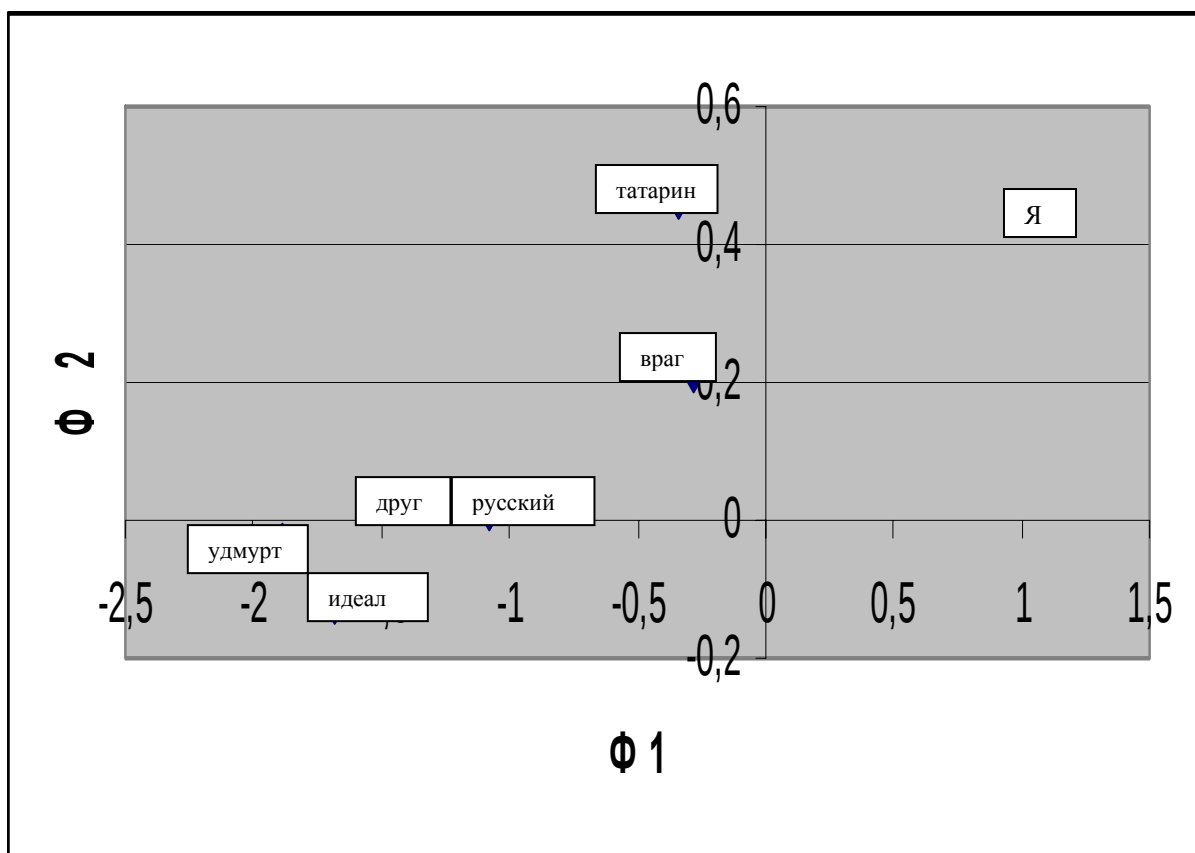
Единое семантическое облако занимают такие категории как «удмурт», «друг», «русский», «идеал». Для их нравственных устоев характерны опреде-

лённая степень стеснительности, упорство в отстаивании своей позиции, не перерастающее в навязывание своих интересов и своей точки зрения. В них отмечается такая черта как деловитость, любовь к труду, рассудительность. Они просты в общении.

Данному семантическому облаку несколько противопоставлены категории «татарин» и «враг». Они располагаются близко друг к другу, но не являются единым семантическим облаком. В них все перечисленные выше черты выражены гораздо меньше.

Интересно расположение категории «Я», обозначающей представление респондентов о самих себе. О самих себе они отзываются как о лживых, ленивых, ворчливых, в какой-то степени корыстных и рассеянных людях. По диаграмме мы видим, что эти черты в них не являются доминирующими, но в коммуникативном поведении всё же присутствуют.

Диаграмма 1. Семантическое пространство стереотипных представлений удмуртов Игринского района

Что касается социальной позиции приведённых категорий, здесь наиболее активную являются категории «Я» и «татарин». Для них характерна социальная активность, порой перерастающая в неугомонность, деловитость, высокая работоспособность, рассудительность. В то же время в них присутствуют такие черты, как корыстность и лживость, что свидетельствует о способности опуститься до обмана, чтобы защитить собственные интересы. Недалеко от них располагается образ «врага», в котором вышеперечисленные черты однозначно присутствуют, но выражены гораздо меньше, чем в категориях «татарин» и «Я».

Близки по своим характеристикам категории «русский» и «друг». Друзья и русские также характеризуются как социально активные люди. Они деловиты, шустры, болтливы, неугомонны и рассудительны. Им свойственна некоторая степень корысти и лживости, но выражены они практически минимально. Недалеко от этих категорий располагается «удмурт». Респондентами отмечается, что в нём присутствуют простота, перерастающая в простодушие, нежелание отстаивать свои интересы, ворчливость, рассеянность и стеснительность. Причем в категории «идеал» данные черты выражены еще ярче.

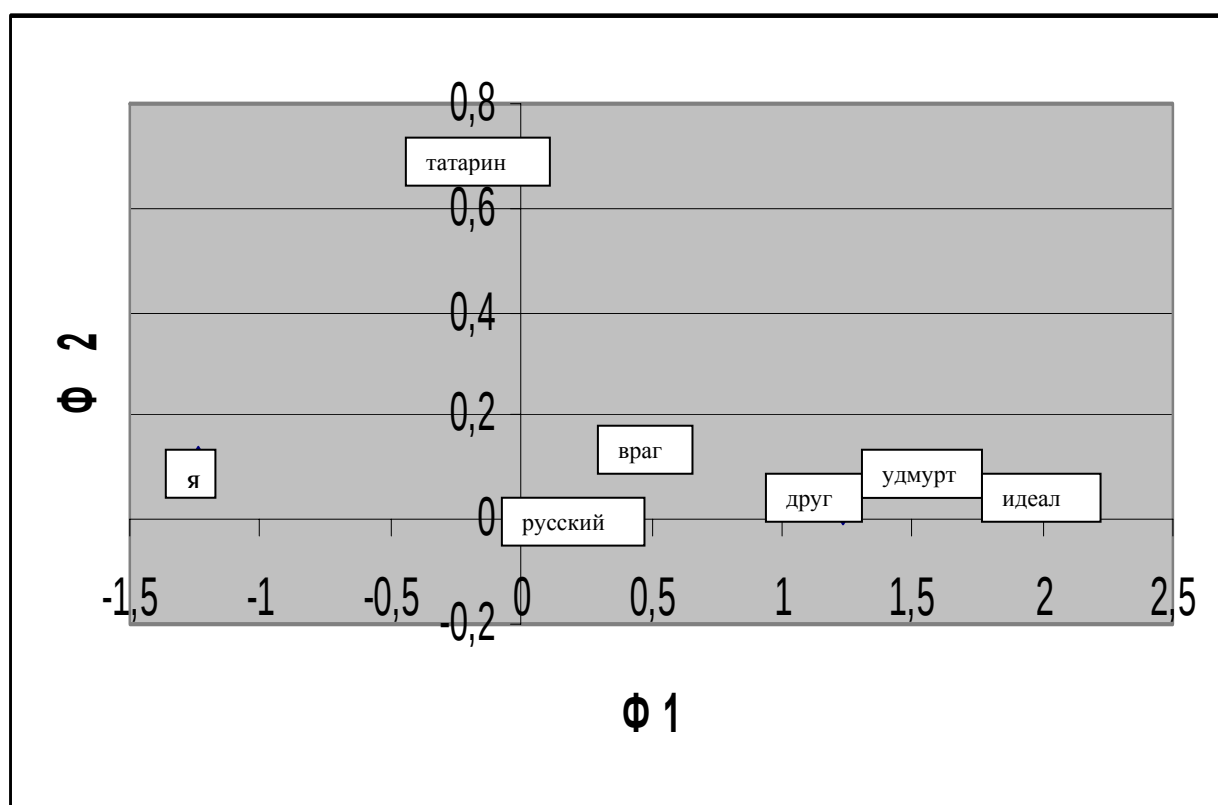
Семантическое облако, которое составляют категории «удмурт», «русский», «друг», «идеал», говорит о том, что игринские удмурты в качестве друга предпочли бы русского и удмурта, поскольку, по их представлениям, они близки к категории идеальный человек. Отдалённость категорий «Я» и «идеал» свидетельствует о сильно заниженной самооценке.

Семантическое пространство удмуртов Кезского района в рамках фактора «нравственные устои» объединило категории «удмурт», «идеал», «друг».

Для представителей этих категорий характерна простота в общении, отсутствие высокомерности, рассудительность; они любят работать, а потому всегда заняты работой; в общении не будут перемывать кому-либо косточки, будут говорить всегда по делу. Наряду с этим, они очень скромны и добры.

Близость этих категорий говорит о том, что в качестве друга кезские удмурты предпочтут удмурта. Недалеко от этих категорий располагаются «враг» и «русский». По словам наших респондентов, они обладают вышеперечисленными чертами, но они у них менее выражены. Объяснить положительную оценку, данную «врагу», можно тем, что эта категория вызвала у наших респондентов недоумение при заполнении анкеты: они ссылались на то, что как таковых врагов у них нет, а потому они даже не могут охарактеризовать их.

Диаграмма 2. Семантическое пространство стереотипных представлений удмуртов Кезского района

«Татарин» характеризуется как неугомонный, шустрый болтливый, при этом он и лжив, и корыстен. Как старшими респондентами в интервью, так и молодёжью в анкетах было отмечено, что татарин ленивый, он не любит работать сам, предпочитает, чтобы за него это делали другие.

Интересно, что, характеризуя себя, респонденты отметили все те черты, которые были ими приписаны татарам. При этом они в них выражены ярче, нежели в татарине, что также указывает на низкую самооценку.

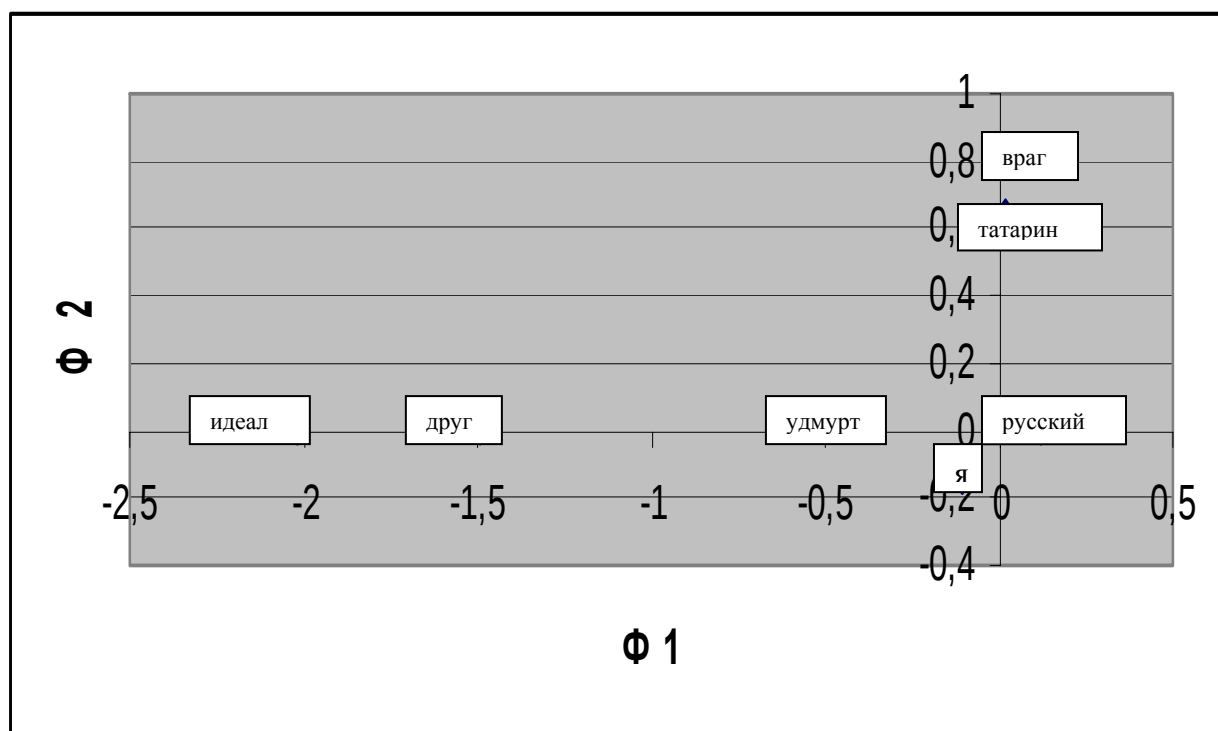
Из всех вышеперечисленных категорий самый социально активный – «татарин». Он отстаивает свою точку зрения, вплоть до навязывания её другим. Обладает высоким интеллектом и рассудительностью, которая включается только при наличии личной выгоды. Что касается «врага», «Я», «удмурта», «друга», «идеала», данные черты в них выражены слабо. «Русский» характеризуется как ленивый, склонность к активной социальной позиции в нём проявляется лишь тогда, когда это касается его личных интересов. Преследуя свои корыстные цели, может пойти на обман. Несмотря на это, он прост в общении, и с ним гораздо легче найти общий язык, нежели с «удмуртом» и «татарином».

Анализ анкет респондентов Балезинского района выявил три чётко выраженных семантических облака. Одно из них объединило категории «друг» и «идеал». С точки зрения нравственных устоев, для них характерна доброта, отзывчивость, это люди не высокомерные, рассудительные. В обществе занимают активную социальную позицию, любят поговорить и привлечь к себе внимание с помощью разговоров. Им присуще трудолюбие.

Другое семантическое облако объединяет категории «удмурт», «русский», «Я». «Удмурт» характеризуется как обладатель высоконравственных устоев: он добр, прост в общении, рассудителен, всегда готов протянуть руку помощи. Категория «Я» располагается недалеко от удмурта, поскольку респонденты отметили в себе такие же черты. Необходимо отметить, что «удмурт» располагается ближе к «идеалу», чем «Я», поскольку все вышеперечисленные черты в самих респондентах выражены не так ярко.

Для «русского», который занял место недалеко от категорий «удмурт» и «Я», также присущи черты идеального человека, но наряду с этим, в нём проявляются корысть, лживость, ворчливость. Эти черты не являются доминирующими, но, тем не менее, с ними нельзя не считаться. Что касается социальной позиции, «русский» в меру активен и трудолюбив, любит поговорить и привлечь к себе внимание с помощью разговоров.

Диаграмма 3. Семантическое пространство стереотипных представлений удмуртов Базинского района

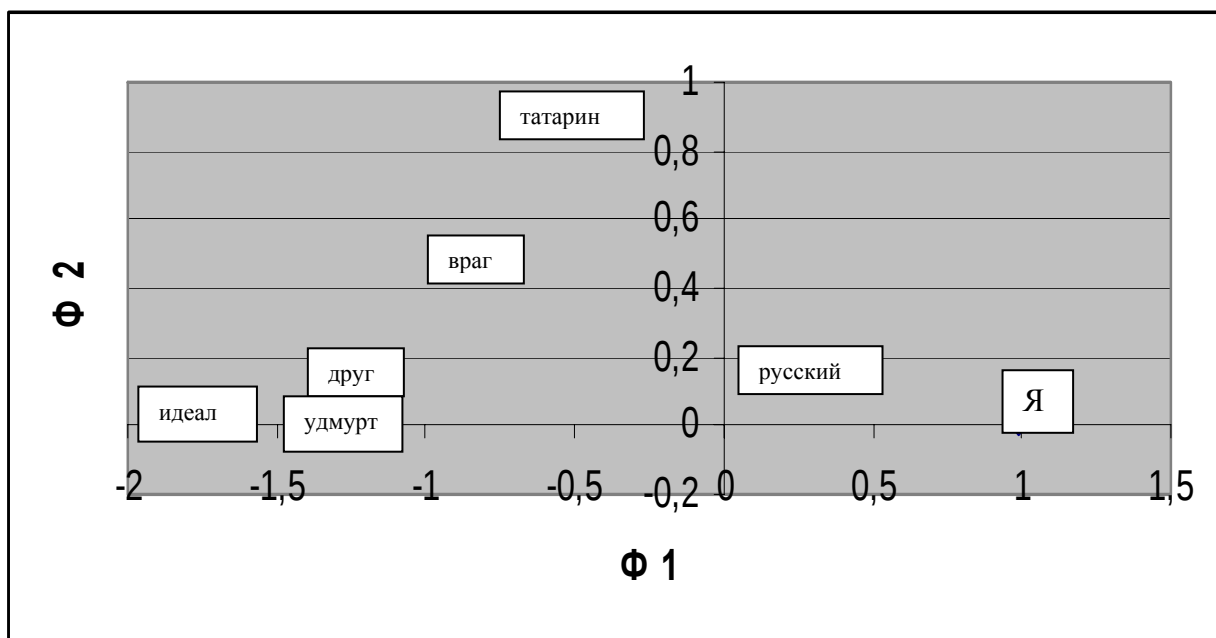
Противопоставлены всем этим категориям представления о «татарине» и «враге». По мнению респондентов, они корыстны, могут обмануть ради своей выгоды, чрезмерно болтливы, ворчливы. Занимают активную социальную позицию. Способны постоять за себя, а в случае собственной выгоды – за своего ближнего. Они чрезмерно рассудительны. Их рассудительность порой может перерасти в холодную расчётливость.

Анализ анкет, заполненных респондентами южных районов, дал несколько иные результаты. Так, диаграмма, составленная по стереотипным представлениям жителей Малопургинского района УР, показала следующее. Единое семантическое облако составили близкие по духу три категории – «друг», «идеал», «удмурт». Для их нравственных устоев характера скромность, причём «идеал» скромнее, нежели «удмурт» и «друг». Они просты в общении, добры и вежливы, отзывчивы, помогут в трудную минуту. В разговоре немногословны, всегда говорят только по делу, не любят сплетничать. Охарактеризовать активность занимаемой социальной позиции «идеального человека» и «удмурта» респонденты не смогли, вернее – дали ей неоднозначную оценку. При острой необходимости и «идеал», и «удмурт» могут вести

себя бойко, стойко и активно отстаивать свою позицию. Но в остальных случаях все эти качества будут выражены слабо. Относительно «друга» была отмечена активность, умение говорить и убеждать людей в своей правоте, неугомонность, но все эти черты в нём выражены слабо. Близость выше упомянутых категорий указывает на то, что в качестве своего друга респонденты предпочтут удмурта, так как с ним легче всего найти общий язык. Данная категория является для них идеальной не только в статусе собеседника, но человека вообще.

Категория «Я» занимает отдельную позицию, не совпадая ни с «татарин», ни с «русским». С точки зрения нравственных устоев респонденты оценили себя как нечистоплотных, корыстных, лживых, ворчливых, ленивых. Подчёркивая тем самым свою не идеальность. С «удмуртом» их сближает только социальная позиция. Они будут вести себя бойко только тогда, когда им это будет необходимо и жизненно важно, в остальных случаях предпочтут промолчать, занять пассивную позицию.

Диаграмма 4. Семантическое пространство стереотипных представлений удмуртов Малопургинского района

Говоря о русских, малопургинцы подчёркивают в них нечистоплотность, склонность к сплетням, болтливость, лживость, недовольство всеми, кроме себя любимых, эгоистичность. Они занимают активную социальную

позицию, шустры, неугомонны. В своих интересах могут и солгать, подставить кого-либо.

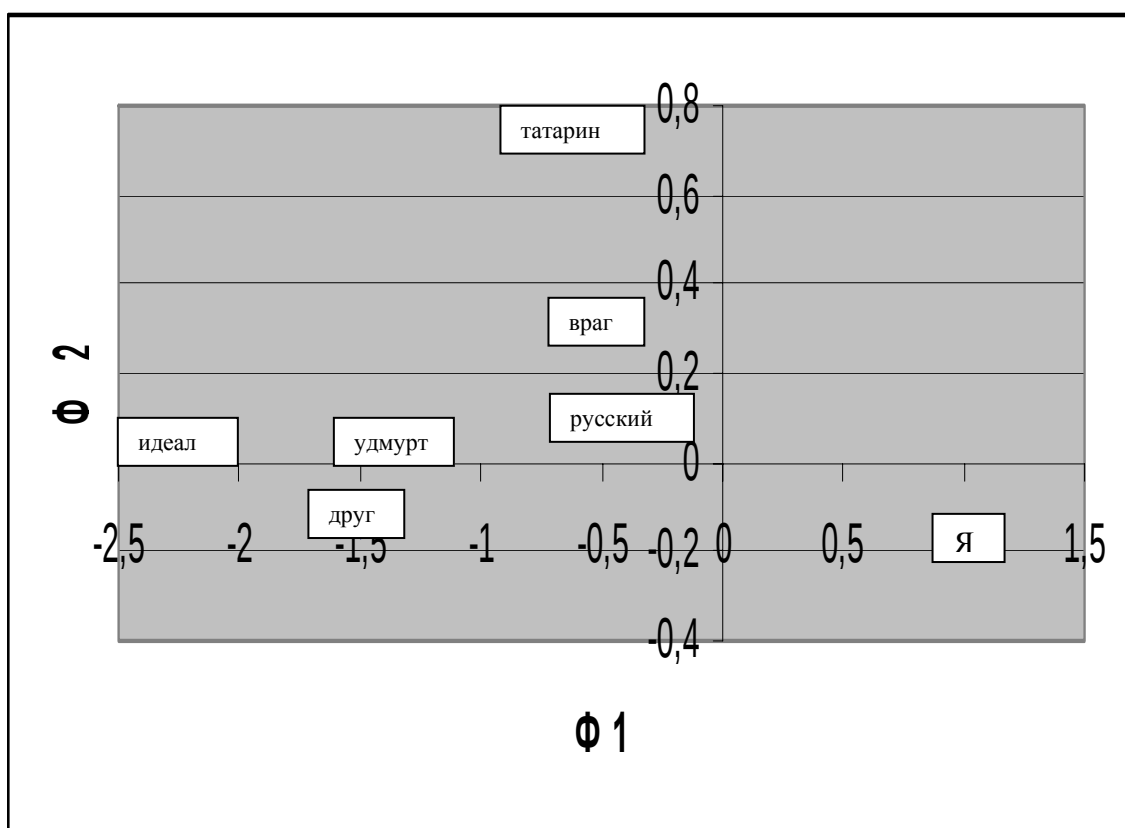
Интересно, что по нравственным устоям категории «русский» и «Я» совпадают, причём корыстность, лживость и ворчливость выражена в самих респондентах ярче, нежели в «русских». Категория «врага» наделяется рассудительностью, коварством. Он действует исподтишка, крайне болтлив и лжив. При этом очень шустр и активен. Характеристика «татарина» совпадает с характеристикой «врага», но «татарин» шустрее, неугомоннее и активнее, чем «враг».

Согласно стереотипным представлениям удмуртов Алнашского района, самые приспособленные к современной жизни люди – это татары: они активны, деловиты, предприимчивы. Способны очень быстро сориентироваться в сложившейся социальной ситуации, приспособиться к её изменениям, могут много и красиво говорить. Их ораторское мастерство часто перерастает в изворотливость, благодаря которой они всегда выходят сухими из воды. Этот народ рассудителен. Говоря об их достоинствах, многие респонденты подчёркивают ум, сообразительность и находчивость. Любят работать, причём любую работу всегда облегчают себе до максимума.

Категория «врага» оценена неоднозначно. С одной стороны, он простой в общении, рассудительный человек, очень активный, деловой, стеснительный и даже мягкотелый (характеристика *небыт сюлэм* у южных удмуртов аналогична рус. мягкотелый), но с другой – лживый и болтливый. Возможно, это связано с тем, что у молодёжи возникли определённые трудности при оценке данной категории (они ссылались на то, что у них вообще нет врагов, и даже если они с кем-то поссорятся, обычно после недолгого промежутка времени следует примирение). Зато данная ими характеристика полностью соответствует тому, что говорили взрослые респонденты о категории «враг». В частности они подчёркивали, что обычно такие люди с виду бывают достаточно миловидны, отзывчивы, разговорчивы. Склоняя собеседника к беседе, они выуживают из него нужную информацию, а затем используют её в своих

корыстных целях. Саму суть этой категории отражает поговорка «при тебе – по тебе, без тебя – о тебе».

Диаграмма 5. Семантическое пространство стереотипных представлений удмуртов Алнашского района

Русские представлены как люди, занимающие активную социальную позицию, они могут постоять за себя, рассудительны и чистоплотны. Им свойственна такая черта, как стеснительность. Они болтливы и неугомонны.

Близко друг к другу расположились категории «идеал» и «удмурт». Эти люди активные, деятельные, рассудительные, простые в общении, но при этом стеснительны и скромны. Активность их социальных позиций низкая, что свидетельствует об отсутствии стремления к лидерству и преобладанию желания быть одним из многих.

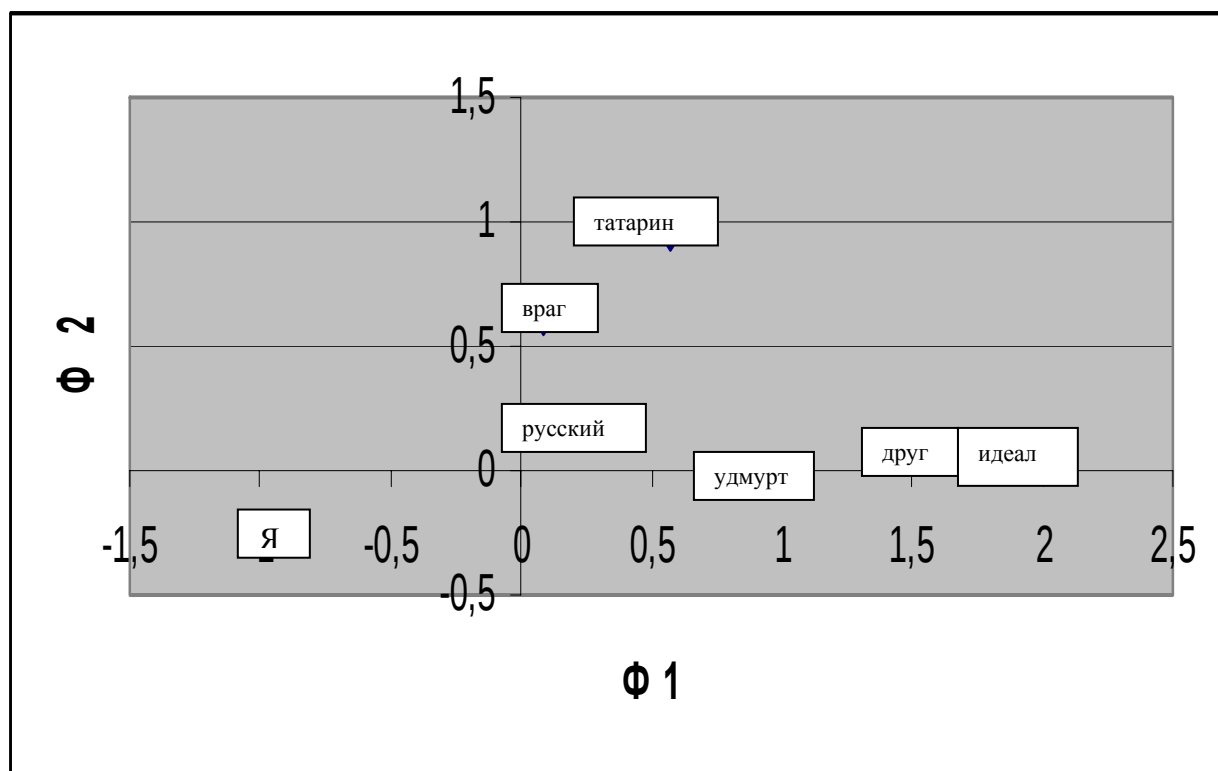
«Друг» представлен как человек активный, рассудительный, но в то же время очень стеснительный. Ему свойственны определённая корысть, мягкотелость, рассеянность, склонность к лени.

Категория «Я» по фактору социальной активности находится практически на одном уровне с категорией «друг». Это значит, что респонденты оце-

нили себя как мягкотелых людей, которым трудно отказать своему собеседнику в чем-либо, даже если это им доставит некоторые неудобства. Выделили в себе такие черты, как стеснительность, рассеянность; из нравственных качеств – корысть, лживость, ворчливость и болтливость.

На диаграмме Можгинского района отчётливо видны два семантических облака. Одно из них объединяет категории «враг» и «татарин». С точки зрения социальной активности, респонденты охарактеризовали их как трудолюбивых, рассудительных, активных, деловых, шустрых. Что касается нравственных устоев, они лживы, корыстны, ворчливы, чрезмерно болтливы. Причём все перечисленные черты в татарине выражены ярче, чем в категории враг.

Диаграмма 6. Семантическое пространство стереотипных представлений удмуртов Можгинского района

Второе семантическое облако объединило категории «удмурт», «друг», «идеал». По представлениям респондентов, идеальный собеседник – это простой человек, он не зазнаётся в процессе общения, добрый и отзывчивый, рассудительный. Он должен быть чистоплотным и внешне опрятно выглядеть, уметь поддержать разговор, но не быть болтливым, занимать активную

социальную позицию, но без навязчивости. Идеальный собеседник в меру корыстен и лжив, в противном случае им как альтруистом попросту все начнут «пользоваться». Такую же характеристику респонденты дали категории «друг».

Что касается «удмурта», он тоже в меру активен и деловит, рассудителен. Его нравственным устоям абсолютно не соответствуют такие понятия, как лживость, ворчливость и корысть. «Удмурт» всегда очень добр, отзывчив, трудолюбив. В общении простой, не зазнаётся, не пытается поставить себя выше собеседника, при этом очень стеснительный и неугомонный. Если в голову придёт какая-то идея, он не успокоится, пока её не осуществит.

«Русский» занимает среднюю позицию между двумя семантическими облаками. Он далёк от идеала, но и не враг. Более лжив, корыстен, разговорчив, не полезет за словом в карман. Занимает активную социальную позицию, может постоять за себя и свои интересы, но его активность намного ниже, чем у «татарина». По стереотипным представлениям, «русский» близок к «удмурту».

Что касается категории «Я», она противостоит всем перечисленным категориям и не совпадает ни с одной из них. С точки зрения социальной позиции, респонденты охарактеризовали себя как неугомонных, болтливых, ворчливых, рассеянных. В нравственном отношении полные антиподы «идеалу», но в принципе близки к категории «удмурт» – добры, отзывчивы, не высокомерны и просты в общении, стеснительны.

Таким образом, проанализированный материал позволяет утверждать, что удмурты обладают чёткими стереотипными представлениями, которые, в свою очередь, оказывают влияние на их коммуникативное поведение.

Так, удмурт характеризуется как человек стеснительный, трудолюбивый, руководствующийся чувством альтруизма, которое сильно доминирует над корыстью. Он прост в общении и рассудителен, именно поэтому респонденты относят его к категории друзей. Он располагается ближе к идеальным

представлениям, нежели все другие категории (особенно в ответах респондентов из южных районов).

Татарин представлен человеком, наиболее приспособленным к современной жизни. Он общителен, порой даже болтлив, легко идёт на контакт. Будучи человеком бойким, никогда не полезет за словом в карман. Всегда действует лишь во благо себе, а потому будет помогать кому-то лишь тогда, когда увидит собственную выгоду. Татарин очень шустрый, всегда и везде успевает, чаще других оказывается в нужном месте в нужное время. Он рассудителен настолько, что порой это качество плавно переходит в холодный и трезвый расчет. Трудолюбив тогда, когда работает на себя, при этом любой тяжелый труд облегчает до максимума. Татарин далёк от идеала, для этого он слишком изворотлив и лжив.

Русский – активный, шустрый, хотя в этом качестве уступает татарину: несколько корыстен, но ему не чуждо и чувство альтруизма; рассудительный, открытый для общения. В то же время ему присущи лживость и корысть. На большинстве диаграмм северных удмуртов данная категория располагается рядом с «другом», «идеалом» и даже «Я». Это говорит о том, что респонденты находят в русском много схожих черт в коммуникативном поведении. Им легче найти общий язык с ним, а потому они не прочь видеть представителей этой национальности в числе своих друзей.

Идеальный собеседник, по мнению и северных, и южных удмуртов, должен быть добрым, отзывчивым, не высокомерным, разговорчивым, но не болтливым, в меру скромным. Южные удмурты сюда добавляют ещё такие черты, как лживость и корысть, но ровно в той мере, какой эти качества могут помочь отстоять свою точку зрения, заработать авторитет в современном обществе.

Практически на всех диаграммах рядом с категорией «идеал» располагается категория «удмурт». Это говорит о том, что респондентам проще найти общий язык с представителями своей национальности: кто, как не человек,

говорящий с тобой на одном языке, обладающий схожим менталитетом, может выслушать и понять тебя.

У респондентов северных районов единое семантическое пространство составляют удмурт, идеал и русский. Это указывает на то, что кроме представителей своей национальности, неплохих собеседников они видят в русских. Данная позиция не вызывает удивления хотя бы потому, что молодые удмурты северных районов республики сегодня активно оперируют русским языком не только в межэтнической коммуникации, но и в общении между собой. В то же время респонденты отмечают в русских такие черты как лживость и изворотливость. Это значит, что при коммуникативном контакте с ними не стоит полностью раскрывать свою душу.

Поскольку большинство удмуртов не знают татарский язык, особенности коммуникативного поведения татар, например, громкий разговор в общественных местах, болтливость, часто вызывают раздражение; удмурты реже склонны выбирать их в качестве друзей, хотя при этом большинство респондентов как молодого, так и старшего возраста отмечают, что именно этот народ хорошо приспособился к современной жизни. Доказательством тому является их социальная активность, занимаемые высокие должности в органах власти. Татары обладают рассудительностью, часто перерастающей в холодную расчётливость, они умеют приспосабливаться к быстро меняющейся социальной среде, отстаивать своё мнение и интересы.

Что касается категории «враг», она фактически на всех диаграммах получает неоднозначную оценку. С одной стороны, это простой в общении, стеснительный и даже добрый человек, а с другой – лживый, корыстный, болтливый и нечистоплотный. Возможно, данную ситуацию можно объяснить тем, что у большинства респондентов, по их признанию, нет врагов, а все конфликтные ситуации обычно быстро разрешаются примирением.

Нельзя не заметить, что неоднозначная оценка молодёжи совпадает с мнением большинства старших респондентов, которые в ходе интервью отмечали, что обычно враги с виду люди доброжелательные, разговорчивые и

вежливые. Они входят в доверие и выуживают необходимую информацию, которую впоследствии могут использовать в своих интересах.

В большинстве случаев единое семантическое облако с категорией враг занимает категория татарин. Это говорит о том, что коммуникация с представителями этой национальности не всегда складывается удачно, и в общении с ними удмурт никогда полностью не раскроется, предпочтёт о многом умолчать, а иной раз будет просто избегать контакта. В связи с этим отметим, что в коммуникативной лексике удмуртов, особенно северных, можно обнаружить немало негативных вербальных символов, связанных с татарами, например, *бигер йыр* (букв.: татарская голова, аналог. рус. плохой человек), *бигер голоша кадь* (букв.: как татарская галоша, аналог. рус. некрасивый, уродливый), *бигер кышно* (букв.: татарская жена, аналог. рус. сварливая, болтливая женщина). Большинство же старших респондентов из южных районов Удмуртии отмечали, что им легче найти общий язык с татаринном, и доверять больше они будут ему, чем русскому. Данную закономерность можно объяснить особенностями истории удмуртского народа. Северным удмуртам легче найти общий язык с русским, так как они раньше, чем южные удмурты, начали контактировать с ними, раньше вошли в состав Российского государства, образ жизни русского и удмуртского крестьянства во многом совпадал, сходными были и их эстетические представления. Южные удмурты в своем историческом развитии достаточно долгое время находились в сфере влияния тюркоязычного мира (Волжская Булгария, Золотая Орда, Казанское ханство), что предопределило интенсивные хозяйственно-бытовые и этнокультурные взаимодействия между ними, в силу которых и межэтническая коммуникация, например, с татарами, у них до сих пор остаются дружественными.

Анализ степени оформленности стереотипных представлений у респондентов молодого и старшего возрастов позволяет сказать, что у взрослых они выражены чётче и являются более устойчивыми, следовательно, они оказывают большее влияние на их коммуникативное поведение. Молодёжь же, наоборот, отмечает условность стереотипов, а потому в общении прибегает к

ним редко. Считает, что нельзя судить о народах однозначно: и татарин, и русский могут быть прекрасными собеседниками и близкими друзьями удмуртов.

Глава III. Невербальные способы коммуникации удмуртов

Известно, что вербальные средства передают информацию преимущественно о внешнем мире, в то время как невербальные – об эмоциональной стороне коммуникации и отношениях участников общения. На долю информации, передаваемой невербальными средствами, приходится 2/3 общей информации, передаваемой в коммуникативном акте²¹⁹.

Важность серьёзного отношения к описанию различий межкультурного невербального поведения можно объяснить тремя причинами. Во-первых, оно несёт наиболее достоверную информацию, и если происходит рассогласование содержания информации, передаваемой семантикой слов и информации, передаваемой невербально, мы склонны доверять последней. Во-вторых, именно невербальная коммуникация наиболее ярко отражает национальные особенности народов. В-третьих, невербальное поведение может быть мощным фактором формирования оценок и установок относительно других людей, так как внешние параметры человеческого тела (статические индикаторы) и движения (жесты, мимика) оказывают существенное влияние на наше восприятие окружающих²²⁰.

У каждого исследователя существуют свои единицы описания невербального поведения изучаемого народа. В своей работе мы будем опираться на модель, разработанную специалистами Воронежского университета, и в качестве единицы описания возьмём невербальный сигнал.

§ 1. Виды знаков в удмуртском коммуникативном поведении

Знаки – это сознательно продуцируемые невербальные действия, имеющие в данной культуре определённый смысл, стандартное значение²²¹. В свою очередь невербальные знаки подразделяются на несколько категорий:

²¹⁹ Стернин И.А. Невербальные средства и успешность межкультурного диалога // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности. Ч.2. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. С. 118.

²²⁰ Бутовская Л.М. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). – М.: Научный мир, 2004. С. 23.

²²¹ Стернин И.А. Указ. соч. С.119.

- 1) язык телодвижений;
- 2) жесты: эмоционально-оценочные, указательные, риторические, игровые, вспомогательные, магические.

Язык телодвижений

К данному типу знаков относятся взгляд, мимика, поза, стойка, движение, походка, осанка, посадка, физический контакт, манипуляции с предметами и т.д.²²².

Анализируя невербальную коммуникацию удмуртов, невозможно не обратить внимание на их мимику, отличающуюся чрезвычайной выразительностью. Перечислим некоторые из них.

Нахмуренные брови (фото 1) – это первый признак недовольства.

Широко открытые глаза и плотно сжатые губы (фото 2) при лёгком кивании головой вверх-вниз означают разочарование, огорчение.

Плотно сжатые губы с опущенными углами рта свидетельствуют об отрицательных эмоциях, напряжённом состоянии, обиде. Такая мимика часто сопровождает жесты угрозы, агрессивные действия. В сочетании со сведёнными к переносице нахмуренными бровями она принимает угрожающее выражение²²³.

Широко открытые глаза (фото 3) – удивление.

Надутые губы (фото 4) – разочарование, недовольство.

Слегка прищуренные глаза (фото 5) – сомнение в достоверности речи собеседника.

Слегка повернутая в сторону голова и опущенные глаза (фото 6) – стыд, смущение. Данная мимика очень часто сопровождается невербальным симптомом, то есть явлением, осуществляемым бессознательно и отражающим психическое или физическое состояние человека, например, покраснением щёк, ушей.

²²² Стернин И.А. Невербальные средства... С. 120.

²²³ Бутовская М.Л. Указ. соч. С. 65.

Улыбка (фото 7) – обычно выражает доброжелательность.

Сморщенный нос (фото 8) может выражать неприязнь к собеседнику или информации, которую передают в процессе коммуникации. В сочетании с плотно сжатыми губами, уголки которых опущены вниз, и нахмуренными бровями сморщенный нос придает лицу выражение отвращения.

Частота и характер взгляда (его длительность и угол направленности) могут указывать на характер отношения к данному партнёру²²⁴. Так, прямой и пристальный взгляд, сочетающийся с поднятыми бровями и верхними веками, означает угрозу.

Взгляд, направленный в сторону глаз собеседника, означает заинтересованность в передаваемой информации.

Бегающие глаза, а также избегание глаз собеседника в удмуртском коммуникативном пространстве расценивается, как нежелание продолжить разговор или как изложение заведомо ложной информации.

Мигание глазами, подмигивание (фото 9). Люди подмигивают друг другу, чтобы достичь определённой договоренности, или чтобы показать, что они поняли друг друга, когда рядом присутствует кто-то ещё. У русских женщина может подмигнуть мужчине, заигрывая с ним, у удмуртов такое поведение будет оценено негативно, и женщину могут счесть ветреной и легкодоступной.

Необходимо подчеркнуть, что мимика, используемая в удмуртской коммуникации, носит общечеловеческий характер, но при этом подчиняется правилам демонстрации, принятым в культуре. Она будет ярко выражена и активно использована в коммуникации лишь в том случае, когда удмурт говорит со знакомыми людьми и в обыденной обстановке. В остальных случаях мимика будет задействована минимально. Возможно, данный феномен можно объяснить одним из законов психологии, согласно которому, выражение

²²⁴ Бутовская М.Л. Указ.соч. С. 59.

эмоций чаще всего не контролируется человеком, а способы их выражения являются общими для всех людей²²⁵.

Наиболее распространёнными среди удмуртов позами и стойками являются следующие:

*Руки отводятся за спину, одной ногой описывается небольшой полукруг на земле. При этом голова наклонена вниз, взгляд тоже устремлён вниз (фото 10). Значение позы: неловкость, стеснение. Если стеснение испытывают подростки, они обычно ещё *теребят что-нибудь в руках, или просто не знают, куда деть руки*: либо засовывают их в карманы, а потом достают обратно; либо отводят за спину, но спустя некоторое время, снова выводят на передний план, то есть постоянно меняют их положение.*

В многолюдных, малознакомых местах удмурты обычно стоят, стараясь занимать как можно меньше места в пространстве: прижимают скрещенные руки к телу, либо сидят, плотно прижав колени и руки к телу (фото 11). Жесты имеют небольшую амплитуду, а в некоторых ситуациях практически отсутствуют. С точки зрения психологии, все они носят закрытый характер (скрещенные руки и ноги), что свидетельствует о замкнутости характера и нежелании идти на контакт.

Ситуация изменяется, когда удмурты оказываются в привычной обстановке, в окружении знакомых людей. Здесь они могут позволить себе занять больше места, например, стоять, подперев бока руками, пошире расставить ноги при сидении.

Номинативные жесты

Номинативными жестами принято называть жесты, функцией которых является замена, дополнение или дублирование вербальных средств, а потому они могут быть использованы в процессе коммуникации как автономно, так и совместно с ними. Особенностью данных жестов является то, что они передают чувственный образ предмета или действия. К ним можно отнести следующие.

²²⁵ Лабунская В.А. Указ. соч. С. 5.

Кивки головой вверх-вниз, сопровождающиеся словами *бен-бен, озьы-озьы, о-о* (да-да), означают полное согласие с высказанной собеседником точкой зрения.

Движение головой вправо-влево означает несогласие с собеседником.

Движение раскрытой кистью поднятой вверх правой руки в направлении вправо-влево – жест приветствия; допустим только по отношению к родственникам, друзьям.

Движение кистью поднятой вверх правой руки в направлении вверх-вниз – жест прощания; допустим в кругу друзей, родственников, людей, обладающих равным социальным положением.

Почёсывание рукой затылка (фото 12) означает озадаченность словами собеседника.

Движения кистями, направленные от себя к собеседнику и сопровождающие речь удмурта (фото 13), свидетельствуют о его уверенности в своих словах. Таким образом он пытается донести их до своего собеседника.

Рука полусогнута, подушечки большого, указательного и среднего пальцев трутся одна о другую (фото 14). Жест уточняет тему разговора (в данном случае речь о деньгах).

Четыре пальца согнуты, большой палец выпрямлен (фото 15). У подростков сопровождается фразой *ваньмыз путём* (букв.: всё путём), *самой татын* (букв.: всё на своем месте, аналог. рус.: то, что надо). Значение жеста: «все отлично». Он распространён среди лиц всех возрастов, единственное отличие – у подростков он чаще всего сопровождается вербально.

Похлопывание по животу обеими руками, поглаживание. Жест обычно сопровождается фразой *ќт тыриз, малпан быриз* (букв.: живот наполнился – заботы ушли). Означает удовлетворенность едой, сытость.

Согнутая в локте рука, отводится вперед, а потом резко притягивается к себе. Данный жест, сопровождаемый словом *уес*, характерен для молодёжи, означает радость, оправдание надежд.

Скользкий удар ладоней друг о друга, сопровождающийся словом ба-ста, означает, что дело закончилось успешно.

Ладони, сложенные вертикально перед грудью, означают мольбу, просьбу о чём-то (фото 16).

Большой и указательный пальцы сомкнуты в колечко, остальные выпрямлены и растопырены (фото 17). Значение жеста: «всё хорошо».

Кисти, поднятые вверх параллельно собеседнику (фото 18), означают просьбу подождать, приостановиться.

Рука слегка приподнята и кистью, опущенной вниз, проделывают короткие взмахи, направленные от себя. Значение: пренебрежение, отвращение, просьба уйти.

Выпрямленный указательный палец, приложенный к губам, означает просьбу помолчать (фото 19). Жест, сопровождающийся характерным «шиканьем», выражает просьбу говорить тише.

Пожатие плечами (фото 20) означает «не знаю».

Жест просьбы (фото 21) – протянутая рука ладонью вверх, пальцы сложены лодочкой. Имеет широкое распространение, практически понятен человеку любой культуры.

Жест страха (фото 22) – прикрывание руками лица и головы.

Хлопанье в ладоши – жест одобрения.

Покачивание поднятым вверх указательным пальцем – неодобрение или шутивная угроза.

Потирание живота рукой в области желудка – жест, сообщающий о том, что человек голоден.

Жест открытости (фото 23) – согнутые в локтях руки протянуты к собеседнику, ладони обращены вверх. Данный жест в современной культуре широко используется для демонстрации открытости и честности. М.Л. Бутовская отмечает, что когда маленькие дети говорят неправду, они бессознательно прячут руки за спину²²⁶. Что касается удмуртов, в их коммуникатив-

²²⁶ Бутовская М.Л. Указ.соч. С. 92.

ном пространстве руки прячутся за спину при переживании чувств стеснения и неловкости.

Жест сожаления и собственного бессилия (фото 24) – человек разводит руками, одновременно пожимает плечами; часто сопровождается словами «*мар на табере*» (букв.: ну, что уж теперь?). Жест свидетельствует о внутренней неуверенности исполнителя, отсутствии собственного мнения по данному вопросу; понятен любому европейцу²²⁷.

К номинативным жестам можно отнести и *поцелуй*. Поцелуй у удмуртов является наивысшим проявлением любви. Допустимо целоваться при прощании и встрече, но только в кругу близких родственников. Обычно в отношениях «родители-дети» поцелуй является женской прерогативой: допустимо на людях маме целовать своих детей, бабушке – детей и внуков. Что касается влюблённых юноши и девушки, мужчины и женщины (даже женатых), тут есть определённые ограничения, явственно прослеживаемые в сельской местности. Публичные поцелуи влюблённых, какие бы сильные чувства они ни испытывали друг к другу, вызывают крайне негативную реакцию окружающих. Такое поведение расценивается как распущенность. Точно такую же оценку получает поступок девушки, первой целующей своего возлюбленного. У городских удмуртов пара, целующаяся на улице, обычно не вызывает негодования.

Эмоционально-оценочные жесты

Эмоционально-оценочные жесты выражают оценку услышанной в ходе беседы информации.

К ним можно отнести *энергичное размахивание согнутой в локте рукой, при этом указательный палец выпрямлен, остальные сжаты* (фото 25). Данный жест имеет несколько значений: если он сопровождается нахмуренными бровями, значит, человек не доволен, подтвердились его наихудшие ожидания; если улыбкой – шутка собеседника понята и принята.

²²⁷ Бутовская М.Л. Указ. соч. С. 93.

Лёгкий удар собеседника по затылку, обычно сопровождаемый фразой *тёпонь* (глупый) (фото 26), означает слегка раздражённую реакцию на недовольство. Жест используется только в коммуникации очень близких людей, друзей или хороших знакомых.

Лёгкий удар или трепание кистью по плечу собеседника (фото 27). Старший может погладить младшего по голове. Значение: похвала, поддержка.

Лёгкое покачивание приподнятой головой вправо-влево, обычно сопровождаемое цоканьем, означает недоумение, удивление.

Кручение указательным пальцем у виска (фото 28) – демонстративный намёк на недостаток ума у собеседника, на его несообразительность, недовольство. Значение жеста: *шузи* (придурок, дурак).

Разведение рук в стороны означает разочарование.

Небрежный взмах кистью в сторону (фото 29). Значение: *котьма медлу* (букв.: будь, что будет).

Указательные жесты

Указательные жесты выделяют предмет, ориентируют собеседника в пространстве²²⁸.

Выпрямленная рука с выпрямленным указательным пальцем, направленная на объект (фото 30). Иногда сопровождается словами «*тһни со*» (букв.: вот это). Значение данного жеста – конкретизация неназванного или точно неопределённого прямого дополнения. Указывая на тот или иной предмет или направление, удмурты могут мотнуть головой в нужную сторону или направить свой взгляд.

Помахивание кистью на себя согнутой в локте руки (фото 31). Значение жеста: *лыкты татчы* (букв.: подойди сюда).

Риторические жесты

Риторические жесты имеют усилительный характер, они акцентируют внимание на содержании разговора, отдельной части высказывания или тек-

²²⁸ Стернин И.А. Невербальные средства... С. 120

ста в целом, могут подчёркивать ритмический рисунок высказывания, коммуникативно значимое членение речи²²⁹.

Горизонтальный взмах ребром ладони поперёк шеи (фото 32). Значение жеста: слова собеседника надоели и слушающий не желает больше ничего слышать. Таким образом удмурты показывают, где находятся слова собеседника, а именно – «оседают» в горле. Жест используется в качестве усилителя эффекта фразы: *кылэмпотостэм* (букв.: человек, которого не хочется слушать), *тани татын тынад кылъёсыд ни!* (букв.: твои слова вот здесь уже!).

Отмахиваются от собеседника рукой, при этом поворачивают голову в сторону, противоположную собеседнику (фото 33). Жест обычно сопровождается словами: *эн зуль* (не болтай), *курег гиддэ пытса* (букв.: закрой свой курятник, в значении – закрой рот), означает недовольство собеседником и нежелание слушать его дальше.

Удары раскрытыми кистями рук по бедрам (фото 34), сопровождаемые словами: *улод–вылод*, *тацезэ уд адъы* (жизнь проживёшь, а такого не увидишь), *маке квкл со* (да неужели?), *куасьем макесыд ик куаляк пилиськоз* (букв.: удивиться настолько, что аж высохшее бедро разломится), *инмаре, кылчинэ* (аналог. рус.: о, Господи!). Значение жеста: сильное удивление.

Большим пальцем руки имитируют выдергивание зуба, а затем проводят им горизонтальную линию по шее (фото 35). Жест аналогичен выражению «зуб даю», используется: чтобы уверить собеседника, что его просьба будет выполнена при любых обстоятельствах.

Несильный удар кистью по лбу. Значение: вспоминание забытого.

Досада выражается следующим образом: *человек обеими руками хватается за голову* (фото 36) со словами *ойы-ойы, мар гинэ карод ни / мар луоз ни*, что в буквальном переводе означает *ой, что же теперь делать / что будет*.

²²⁹ Стернин И.А. Невербальные средства... С. 120.

Игровые жесты

Игровые жесты носят шуточный характер, используются для игры, развлечения.

Высунутый язык (фото 37), сопровождаемый звуками «бе-бе-бе», используется в детской коммуникации для высмеивания других, иногда является демонстрацией неприязненного отношения к адресату и содержит компонент агрессивности.

Воздушный поцелуй (четырьмя расправленными пальцами касаются губ, затем ладонь поворачивают в сторону собеседника и дуют). Обычно с помощью этого жеста прощаются. Значение: заигрывание. Используется только в кругу близких друзей и родственников, больше характерен для женщин.

К игровым жестам можно отнести *передразнивание походок людей, разнообразные гримасы*. Таким образом не только дети, но порой и взрослые пытаются рассмешить окружающих.

Жест «коза» (фото 38). Рука имитирует рога – указательный и мизинец выпрямлены, остальные – сжаты. Жест сопровождается словами «буки-буки лекало» (букв.: буки-буки забодаю). Используется в играх с малышами.

Вспомогательные жесты

Вспомогательные жесты используются в качестве помощи себе или собеседнику в конкретной ситуации. Таковыми являются *предложение руки мужчиной*, когда женщина выходит из транспорта, или *открытие двери машины*, когда она садится в нее. Данные жесты характерны для городских удмуртов. Сельские удмурты ограничиваются обычно тем, что предлагают помощь, когда женщина несёт тяжёлую кладь.

И в сельской, и городской местности принято пропускать женщин вперёд, открывать перед ними двери, уступать место в общественном транспорте.

Типично женским жестом является хождение под ручку (фото 39, 40). Так обычно ходят подруги (вне зависимости от возраста), дочь с матерью и

т.д. Немыслимо в понимании удмуртов подобное хождение мужчины и женщины, не состоящих в браке, или не являющихся родственниками. Это вызывает двусмысленные толки, осуждение и подозрение со стороны окружающих. Среди молодёжи считается допустимым, если влюблённые ходят, взявшись за руки, хотя респонденты старшего возраста (особенно сельские) относятся к этому негативно, считая, что это распущенность, и не стоит демонстрировать свои чувства.

Мужчинам допускается братья под руку лишь в том случае, когда один оказывает другому помощь.

Магические жесты

Мотивацией магических жестов обычно являются суеверия и вера в силу магических действий.

Плевок в левую сторону, сопровождаемый словами *лешак басьтон* (букв.: леший тебя заberi, аналог. рус. чёрт побери!), как проявление досады, недовольства, раздражения ситуацией (человеком). Более характерен для взрослых – тем, кому за тридцать. Молодые обычно просто плюют и произносят при этом «чёрт побери».

К магическим жестам можно отнести *символический трёхкратный плевок в сторону левого плеча* (там «сидит» *шайтан/ чёрт/ нечистая сила*), *постукивание кулаком по дереву* для того, чтобы своими словами не сглазить что-либо. Молодёжь в таких целях «кусает язык».

Чтобы не сглазить младенца, посторонние и даже родственники, зашедшие в дом и желающие посмотреть на малыша, предварительно *касаются печи*, как первоосновы дома, символа семейного очага, уюта, тепла и добра. Данное коммуникативное поведение особенно характерно как для северных, так и для южных удмуртов.

Если кошка перебежала дорогу, водитель трижды поворачивает свою фуражку, не снимая с головы, в левую сторону, либо плюёт три раза через левое плечо.

У северных удмуртов принято проходить мимо неприятелей, сжимая пальцы в кукиш (фото 41): считается, что кукиш отражает все злые мысли и проклятия неприятеля, спасает от сглаза.

Распространённым жестом является *трёхкратное осенение себя крестным знаменем*. Если он сопровождается словами «*осто, Инмаре, осто*» (аналог. рус.: Господи, помилуй и спаси), то означает просьбу о помощи. Если же произносится совместно с выражением «*Инмар понна, шунды понна*» (букв.: заклинаю Богом, заклинаю солнцем), значит, человек пытается заверить собеседника в правдивости своих намерений, слов или поступков.

Жест «скрещенные пальцы» (фото 42) – указательный и средний пальцы руки переплетены, остальные прижаты к ладони – означает попытку защититься от божественного гнева за какой-либо неблагоприятный поступок, от неприятностей, сглаза. Часто используется молодёжью: считается, что если ты скрестил пальцы, руки или ноги в тот момент, когда врёшь, грех пройдет мимо тебя. В ходе беседы с подростками данный жест может стать сигналом адресату о попытке ввести его в заблуждение.

Жаргонные и асоциальные жесты

Жаргонные и асоциальные жесты заменяют вербальную инвективу во время разговора. Умение адекватно интерпретировать подобное невербальное поведение участников коммуникации может помочь избежать неприятных ситуаций.

Размахивание вверх поднятым кулаком (фото 43), пожилые люди могут помахать и палкой. Жест сопровождается инвективной лексикой или словами, которые характеризуют собеседника с наихудшей стороны. Таким образом удмурты выражают свою злобу и недовольство.

Фига (в удм.: кукиш, шиш). Жест означает, что просьба собеседника не будет выполнена. Иногда он сопровождается словами *пельёстэ адъод* (букв.: уши свои увидишь), *иши тыныд* (шиш тебе); может использоваться и в детской коммуникации, но без агрессивности и инвектив.

Пальцы левой руки сжаты в трубочку, в которую просовывают указательный палец правой руки (фото 44). Значение жеста: намёк на соитие. Такое же значение имеет и другой, не менее распространённый жест: согнутыми в локтях руками и тазом выполняются поступательные движения назад-вперёд.

Ребром ладони одной руки ударяют по сгибу другой у локтя, кисть которой сжата в кулак (фото 45) – характерный молодёжный жест, выражающий агрессию. Скорее всего, заимствован из западной, преимущественно американской, культуры через средства массовой коммуникации – телевидение, кино.

Не менее распространённым в молодёжной среде, в том числе удмуртской, является жест, когда *средний палец выпрямлен, а остальные сжаты в кулак (фото 46)*. Выражает агрессию, обычно сопровождается словами *fack you* (с англ.: «да пошёл ты...») или *факнись*.

Жест, указывающий на половые органы или задницу, обычно сопровождается словами «*вот тыныд!*» (букв.: вот тебе!). Используется в спорах как последний аргумент, когда человек доведён «до предела».

Большой палец и мизинец выпрямлены, остальные пальцы сжаты (фото 47). Жест уточняет тему разговора. Первоначально употреблялся в значении «пойдём, выпьем», сегодня чаще используется в значении: перезвони мне/ я тебе позвоню.

Легкий удар кистью или щелчок по шее; движения, имитирующие опрокидывание рюмки стакана (фото 48). Значение жеста: выпивка

Говорить что-то, не разжимая зубов. Значение жеста: гнев, раздражение, презрение.

Негативно расценивают человека, *державшего руки в карманах во время разговора* с людьми, старше его по возрасту или выше по статусу. Жест особенно раздражает в случае, когда ребёнок совершил проступок и стоит таким образом перед взрослым, отчитывающим его. В такой ситуации жест воспринимается как вербальный сигнал «а мне всё равно, что в лоб, что по лбу».

Выпрямленные указательный и средний пальцы указывают на глаза, потом отводятся в сторону глаз собеседника. Значение жеста зависит от вербального контекста: «смотри мне в глаза» или «я тебя запомнил». Распространён в молодежной среде.

Жест «пальцы веером» (фото 49) – согнутая в локте рука поднята вверх с оттопыренными большим, указательным пальцами и мизинцем. Значение: «я крутой!». Обычно используется юношами, имеющими определённый авторитет среди сверстников. Может использоваться и в шуточной форме, когда хотят уличить собеседника в хвастовстве.

Таким образом, из выше перечисленного следует, что семантика невербальных знаков, используемая удмуртами во время разговора, богата и обширна. По ним можно определить, какие эмоции человек испытывает в данный момент, какую информацию сообщает своему собеседнику. Проанализированный материал ещё раз доказывает: мнение о том, что удмурты мало жестикулируют ошибочно, это всего лишь сложившийся стереотип. Они часто прибегают к невербальной коммуникации, используют её как основной приём. При этом в их поведении можно выделить некоторые особенности. Так, при общении с малознакомым человеком или незнакомцем удмурты ограничиваются только словами и редко прибегают к жестам. Есть жесты, которые в подобных ситуациях вообще не принято использовать. Например, недопустимо ударить незнакомого собеседника по плечу и произнести при этом слово «*тёпоть*», намекая на его недогадливость. Незнакомец может воспринять это как оскорбление, хотя у удмурта и в мыслях этого не было. Недопустимо вообще прикасаться к незнакомцу, и даже в шутку произносить слова, которые хоть как-то характеризуют его личность, употреблять асоциальные, жаргонные жесты. Очень важно не нарушать незримую, но явно присутствующую социальную дистанцию между собой и собеседником. Об этом должны помнить обе стороны. К примеру, если малознакомый собеседник нарушает личное пространство удмурта, это чаще всего заканчивается тем, что последний прекращает разговор или замыкается в себе.

Что касается гендерных различий в жестах, здесь тоже есть свои особенности. Например, пожилые люди считают, что девушкам неприлично размахивать руками, активно жестикулировать: это показатель нервозности и невоспитанности.

В молодёжной среде нет табуации по гендерному признаку в количестве используемых жестов. Они есть в их «качестве». Так, считается неприличным, если девушка выражает свои эмоции жаргонными и асоциальными жестами, намекающими на соитие, выражающими крайнюю агрессию и т.д. Такие жесты относятся к разряду наиболее грубых инвектив, считаются приемлемыми для мужчин, но никак – для женщин, тем более – девушек. На практике бывают случаи их использования последними, в основном – в пьяном виде и потери контроля над собой. В целом же, по мнению мужской половины респондентов, девушка должна сдерживать себя и не проявлять на людях агрессию. Исключение составляет жест «*fack you*», к которому прибегают как девушки, так и юноши. Возможно, это связано с тем, что заимствования кажутся более мягкими по звучанию, и потому не несут на себе отпечаток смертельного оскорбления. К тому же, жест распространён очень широко, им пользуются часто, и, похоже, к нему привыкли, как к разряду междометий.

В возрастном аспекте в использовании невербальных знаков можно обнаружить множество различий. Так, молодёжь часто сопровождает свои жесты заимствованными иностранными или русскими выражениями. Среди лиц старшего поколения они сопровождаются удмуртскими словосочетаниями и практически не используются англоязычные заимствования. Пожилые люди считают, что жестикуляция отвлекает внимание от слов собеседника, из-за неё можно упустить, потерять нить разговора или вообще не понять её. Возможно, поэтому при общении с людьми старшего возраста молодёжь прибегает к жестам только в крайних случаях, когда без них никак обойтись нельзя.

Основное предназначение невербальных знаков – передача скрытой информации или пояснение сказанного. Они способствуют пониманию уд-

муртами друг друга без слов или с полуслова, несут в себе ярко выраженный эмоциональный заряд, распространены среди всех возрастных категорий и активно используются в процессе общения. Тем не менее, если лица старше тридцати лет, проживающие в сельской местности, как уже отмечалось выше, сопровождают невербальные символы словесными выражениями преимущественно на удмуртском языке, то среди лиц до тридцати лет, а также городских удмуртов в основном преобладают вербальные высказывания и жесты, заимствованные из средств массовой коммуникации.

Можно отметить, что почти все невербальные знаки, распространённые среди удмуртов, практически не отличаются от знаков русского коммуникативного поведения и большинства людей в целом. Так, самую обширную группу невербальных знаков составляют общечеловеческие жесты (мимика, кивки головой, помахивание кистью руки при прощании и приветствии, жест просьбы, страха, открытости, указательный жест, движения кистями во время разговора и т.д.). Другой, не менее обширной, группой жестов являются заимствования (все асоциальные и жаргонные жесты, жесты, обозначающие деньги и удачное положение дел, скрещенные на удачу пальцы, имитация выдергивания зуба при клятве, воздушный поцелуй, жесты как реакция на назойливость собеседника и т.д.). И лишь минимум жестов можно отнести к типично удмуртским: хлопки раскрытыми кистями рук по бёдрам при удивлении, касание печи, чтобы предотвратить сглаз, отведённые за спину руки при чувстве неловкости и стеснения.

Этому факту можно дать несколько интерпретаций. С точки зрения психологии, невербальная семантика призвана передавать эмоционально окрашенную и эмоционально значимую информацию. Очень часто при передаче некой информации человек находится в состоянии аффекта и мало контролирует свои действия, а потому большинство эмоций передается с помощью одинаковых жестов, особенно среди людей, образующих единую коммуникационную среду²³⁰. С точки зрения респондентов, наличие незначи-

²³⁰ Лабунская В.А. Указ. соч. С. 5.

тельного числа типично удмуртских невербальных знаков – это и есть самобытная черта удмуртской коммуникации, идеалом которой издавна было стоическое спокойствие. Активной жестикуляции как выражению чрезмерной эмоциональности во время разговора отводилась второстепенная роль. Иногда ее расценивали как лишнюю, так как отвлекает от мыслей, которые хотел донести собеседник. До сегодняшнего дня у пожилых людей чрезмерно жестикулирующий человек вызывает раздражение и даже подозрение в психической неуравновешенности. С точки зрения культурологии, в современном мире активно идут процессы интеграции, связанные, прежде всего, с распространением средств массовой коммуникации и глобальной сети Интернет, которые становятся доступным даже в деревнях. Это позволяет селянам знакомиться с различными культурами, наблюдать за разнообразными моделями поведения, копировать и воспроизводить наиболее понравившиеся. Выражаясь словами Л.Г. Ионина, сегодня в российской действительности, добавим – и в удмуртской как её неотъемлемой части – налицо процесс культурной инсценировки, «характерно отсутствие единой национальной идеи, люди находятся в состоянии социальной дезориентации, утраты идентификаций на индивидуальном и групповых уровнях»²³¹, что ведёт к активному поиску идеалов, новых культурных моделей поведения. Нестабильность способствует появлению крайностей в коммуникации – от социальной вялости до гипертрофированного самомнения²³². Отсюда – наиболее яркое проявление негативного отношения подростков к своей национальной культуре, к старшим поколениям, порой – нежелание повторить их судьбу, идти по их «стопам». Но и старшее поколение находится в поиске новых моделей поведения, примеряет на себя новые социальные роли. Единственным полноценным источником таких моделей часто является не что иное, как телевизор, компьютер и т.д. Кумирами становятся герои сериалов, боевиков, успешные люди. Их вербальное и невербальное поведение копируется, происходит за-

²³¹ Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000. С. 165.

²³² Васильев С.Ф., Шибанов В.Л. Указ. соч. С. 137.

имствование мимики, жестов, определённых фраз. Отсюда и то единство, которое мы наблюдаем в невербальном поведении, а отчасти – и в вербальном.

§ 2. Социальный символизм и симптомы удмуртской коммуникации

Стереотипы поведения имеют знаковый характер. Степень знаковости (семиотичности) различных стереотипов может существенно изменяться во времени, но знаковость является их общим и неотторжимым свойством²³³. В связи с этим в коммуникативном пространстве каждого народа большое значение приобретает явление социального символизма.

Социальный символизм представляет собой символическое значение, приписываемое социумом определённым предметам и действиям²³⁴. Они не принимают непосредственного участия в коммуникации, но являются носителями информации, тем самым опосредованно включаются в обмен информацией между людьми и несут на себе отпечаток национальной специфики.

Общаясь с нашими респондентами, мы задали им вопрос какие невербальные символы несут информацию о собеседнике, подчёркивая те или иные качества его личности, как часто они обращают внимание на эти признаки в процессе коммуникации.

На основе полученного материала мы составили небольшую таблицу (см. таблицу 1).

Таблица 1
Социальный символизм в коммуникации сельских и городских удмуртов

Социальный объект/субъект	Невербальные символы в коммуникации сельских удмуртов	Невербальные символы в коммуникации городских удмуртов
Высокий социальный статус	красивая модная одежда, хорошие манеры поведения, наличие нескольких дипломов о высшем образовании,	личный коттедж или многокомнатная квартира в престижном районе, импортный костюм, обувь, начищенная

²³³ Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М.: АПН РСФСР, 1961. С. 164.

²³⁴ Стернин И.А. Невербальные средства ... С. 119.

	совершенное владение русским и иностранным языками, большой, добротный дом, иномарка	до блеска, дорогой автомобиль
Низкий социальный статус	старая, грязная одежда, неприятный запах от одежды и изо рта, пристрастие к алкоголю, беспорядок в доме и вокруг него	старая одежда, квартира без евроремонта в старом доме в непрестижном районе, затёртые портфель и обувь
Зажиточность	большой, красивый дом с пластиковыми окнами и обшитый сайдингом, крыша, покрытая металлочерепицей, высокий забор из профнастила, большое крепкое хозяйство (несколько коров, бычков, овец, свиней и т.д.), наличие автомобиля, сельскохозяйственной техники (мотоблок, трактор), денежных средств	счёт в банке, иномарка, дорогой сотовый телефон, многокомнатная квартира с евроремонтом, коттедж или дача за городом, вилла за границей, отдых за рубежом
Бедность	старая, заношенная одежда, ветхий дом, недостаток денежных средств, отсутствие собственного транспорта, неполноценное питание	езда на общественном транспорте, отсутствие личного автомобиля, съёмное жильё, низкая заработная плата, старая одежда
Деловой преуспевающий человек	сотовый телефон, дорогая одежда, кожаная барсетка, золотые украшения или дорогие часы, наличие денежных средств, уверенная твердая походка	аккуратная дорогая одежда, иномарка, дорогой сотовый телефон, дорогие часы со швейцарским механизмом, быстрая, стремительная походка
Почёт, уважение	узнавание на улице, стремление односельчан общаться с ним, посадить на самое почётное место за столом, желание подарить ему дорогие подарки	стремление угодить, находиться на короткой ноге с начальством
Интеллигентность	соблюдение норм этикета, приличное поведение, аккуратная одежда, использование ножа и вилки во время еды, образованность, умение красиво говорить	очки, соблюдение норм этикета (всегда здороваться и прощаться, пропускать женщин вперед и дарить им цветы), непрерывное самообразование, посещение библиотек, музеев, выставок, концертов
Бандит, мафиози	бритая голова, крупное телосложение, хорошая одежда, темные очки, грубость, использование жаргона, «пальцы веером»	наличие кожаного или малинового пиджака, золотой цепочки, крупное телосложение, бритая голова, огромная машина, личное оружие и охрана

Молодёжность	Яркие цвета одежды, спортивный стиль одежды, пиво, шорты, короткие юбки, интерес к компьютеру, наличие спортивного велосипеда или мопеда	спортивная одежда, бейсболки и банданы, интерес к технике, компьютеру, наличие роликов. Увлечение сноубордом, принадлежность к субкультуре
Демократизм, неформальность	свободное общение со всеми на «ты»	Готовность выпить, семечки, спортивный костюм, общение на «ты»
Женственность	стройное телосложение, аккуратная стильная одежда (в основном – платья), модная причёска или аккуратно уложенные волосы, хорошие манеры	туфли на высоком каблуке, узкая талия, высокая причёска, нежный голосок
Учитель	очки, сдержанность, соблюдение этикета, аккуратность во внешнем виде	очки, иссохшие от мела руки, усталый и строгий взгляд, скромная недорогая одежда
Ведьма, женщина, владеющая магией.	редкие волосы на голове (особенно характерно для женщин, занимающихся чёрной магией), приготовление разнообразных отваров, чёрные глаза, не может выйти из дома, в котором над входной дверью воткнута игла, не может зайти в дом, если над входными дверями есть можжевельник	Большой нос с горбинкой, наличие чёрной кошки, чёрные или зеленые глаза, таинственный взгляд, длинные чёрные или седые волосы
Неженственность	не следит за собой, драчливость, растрёпанные волосы, придиристичность, грубость	длинные ногти, под которыми грязь, грязная одежда, неприятный запах от одежды и изо рта, старая стоптанная обувь, растрёпанные волосы
Уют, удобство	мягкий, удобный диван, чистота и порядок в доме, тепло, исходящее от печки	домашние тапки, халат, диван с телевизором, пижама, камин
Дружелюбие	улыбчивость, стремление поделиться тем, что есть; оказать помощь делом и советом	улыбчивость, приглашение в гости к себе домой, стремление подсобить, оказать помощь словом и делом
Мужское поведение	сигарета во рту, выпивка, грубый голос, резкие жесты, рукопожатие	платит за всех, помогает женщине донести тяжёлую кладь, уступает ей место в общественном транспорте
Траур, похороны	черная одежда, грустные	букет из чётного количества

	лица, кисель, каша ячневая или рисовая с мясом, отсутствие острых предметов, тишина, занавешенные зеркала	цветов, траурные венки, чёрная одежда, лица, убитые горем
Удача, счастье	чешется правая ладонь – к деньгам, чешется правый глаз – к встрече с хорошими знакомыми, прибитая подкова над дверью – к счастием, задержаться дома перед дальней дорогой – к удачной поездке	чешется правая ладонь – к приобретению чего-либо, «счастливый» билет в городском транспорте, пятак под правой пяткой – к везению на экзамене
Несчастье, неудача	несчастливое число 13, встретить человека с пустым ведром, передавать деньги из рук в руки, здороваться через порог, сидеть напротив угла за столом (на этот счёт существует два мнения: первое- девушка, сидящая напротив угла, 7 лет не сможет выйти замуж. Второе, противоположное – чем острее угол, тем быстрее девушка выйдет замуж, да и муж с «углом», то есть с жильем, достанется)	споткнуться левой ногой, чёрная кошка перебежала дорогу, возвращаться обратно перед дальней дорогой, сидеть за столом на углу
Провинциальность	старомодная, нестильная одежда, отсутствие макияжа, плохая речь (оканье), постоянное удивление (открытый рот), плохие манеры поведения (неумение пользоваться вилкой и ножом во время еды), трудолюбие	немодная одежда, огромные сумки, авоськи, женщина в платке, крупное телосложение, лицо с красными щеками, брюки, заправленные в ботинки, едят мороженое зимой
Городской житель	стильная, модная одежда, худое телосложение, стремительная, спешащая походка, лень	бледность, профессиональный макияж, стильная, модная одежда
Легкое поведение, сексуальность	громкий смех, приставание к мужчинам, короткая юбка, распущенные волосы, яркий макияж, курение	очень короткая юбка в любое время года, демонстративная поза «нога на ногу», специфическая поза опершись на стену спиной и согнутой в колене ногой, яркий макияж
Замужняя женщина	кольцо на правой руке, степенность, замкнутость на своей семье	кольцо на правой руке
Разведённая женщина	кольцо на левой руке или отсутствие кольца, тяга к	кольцо на левой руке или его отсутствие

	мужскому обществу, страсти к выпивке	
Незамужняя женщина	отсутствие кольца на правой руке, легкая, летящая походка, интерес к мужчинам	отсутствие кольца на правой руке, живой бегающий взгляд, разглядывание мужчин
Женатый мужчина	кольцо на правой руке	кольцо на правой руке, озабоченность зарабатыванием денег
Неженатый мужчина	отсутствие кольца, постоянное стремление завладеть вниманием женщин и девушек	отсутствие кольца, голова, постоянно повернутая в сторону молодых девушек
Разведённый мужчина	отсутствие кольца, кольцо на левой руке	отсутствие кольца, кольцо на левой руке
Гомосексуалист	женское поведение, женская одежда, уход за руками (подпиливание и отращивание ногтей), женская походка	женственность во внешности и манерах поведения, интерес к мужчинам
Гостеприимство	приглашение в гости, приглашение к столу, щедрое угощение	приглашение в гости, приглашение к столу даже при нежданном визите, щедрое угощение
Щедрость	нарезание хлеба толстыми кусками, дарение дорогими подарками по поводу и без повода, угощение гостей даже при нежданном визите	дарение дорогими подарками, дача денег в долг
Негостеприимство	отсутствие приглашения в дом, стремление всячески избежать приема гостей (запирать дом, когда кто-то приходит, не открывать дверь)	отсутствие приглашения в гости, ненакрытый стол, грубое общение с теми, кто зашёл в гости без приглашения
Аккуратность	опрятный внешний вид	чистая аккуратная одежда, начищенные ботинки, наличие носового платка
Ссора	избегание разговора с собеседником и взгляда в глаза, демонстративное игнорирование собеседника, рассыпать соль, обойти дерево с разных сторон	избегание разговора с собеседником и взгляда в глаза, демонстративное игнорирование собеседника
Приход нежданных гостей	уронить ложку (маленькую к приходу ребенка, большую – взрослого человека), нож (к приходу мужчины); стрекотание сороки на крыше дома	уронить ложку – к приходу женщины, нож – к приходу мужчины
Приближающаяся смерть человека	чёрный ворон залетел в окно, птица стучится в окно,	птица стучится в окно

	лицо желтого цвета, отрезание косы женщине, которая всю жизнь ходила с длинными волосами	
Лживость, нечестность.	бегающие глаза, избегание взгляда собеседника при разговоре, высокие заборы с высокими воротами	избегание глаз собеседника при разговоре, постоянные прикосновения к кончику своего носа

Представленные символы достаточно чётко выявляют различия между социальным символизмом городских и сельских удмуртов. Сельские удмурты демонстрируют больший, по сравнению с городскими, объём знаний традиций, связанных с похоронами, скорой смертью и т.д. Называют разнообразные народные приметы, предвещающие какие-либо события (ссору, приход гостей) или характеризующие собеседника. Для селян главными признаками зажиточности и богатства остаются крепкое хозяйство, наличие сельскохозяйственной техники, большого поголовья скота и т.д.

Городские удмурты при описании тех или иных социальных признаков делают акцент на общепринятых ценностях, которые пропагандируются СМИ и Интернет-сетью. Что касается знания народных традиций, большинство респондентов среднего и старшего возраста (30 – 60 лет) ссылается на то, что в годы их молодости им не разрешалось демонстрировать свои удмуртские корни. А сегодня под влиянием городской – преимущественно русскоязычной среды – они забываются²³⁵.

Не последнее место в коммуникации удмурты отводят невербальным сигналам, которые в классификации И.А. Стернина получили название *симптомов*.

Симптомы – это невербальные явления (движения, действия), осуществляемые бессознательно и отражающие психическое или физическое состояние участника общения. Симптомы культурно обусловлены, преимущественно представляют собой мимические движения и их сочетания (симптом страха, радости, удовольствия, задумчивости и т.д.)²³⁶.

²³⁵ ПМА: НОА УИИЯЛ УрО РАН РФ Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 29-30.

²³⁶ Стернин И.А. Невербальные средства... С. 119.

Мы расширили данную группу, включив в неё врождённые особенности человеческого тела, которые в удмуртском коммуникативном пространстве имеют определённое значение.

Йылсо ангес (букв.: острый подбородок) говорит о злом нраве. Считается, что от такого человека ничего хорошего ждать не стоит, любая информация в виде сплетен распространяется от него со скоростью света.

Если у мужчины на подбородке ямочка, его первым ребёнком непременно будет девочка. Данный симптом обычно подмечают девушки в своих избранниках.

Большие промежутки между зубами нижней челюсти свидетельствуют о человеке циничном, склонном к критике.

Круглолицый человек с румяными щеками ассоциируется у удмуртов с физически и морально здоровым человеком, обладателем добродушного характера. Человек с бледным худощавым лицом считается болезненным и некрасивым. Жёлтое (восковое) лицо говорит о том, что его обладатель сильно болен, возможно, близок к смерти. Ямочки на щеках, появляющиеся при улыбке, свидетельствуют о душевной и внешней красоте собеседника.

Синий нос, похожий на сливу (*нырыз слива кадь*), говорит о том, что индивид злоупотребляет алкоголем или находится в состоянии алкогольного опьянения. В некоторых случаях данный симптом расшифровывается как показатель того, что человек сильно замёрз.

Одновременно красные щёки и уши указывают на то, что человек испытывает неудобство, стеснение и стыд. Респонденты среднего возраста говорят, что если «горят» уши, значит, человека кто-то обсуждает, если щёки – кто-то вспоминает. Среди молодежи на этот счёт распространена следующая поговорка: «Горят ушки – вспоминают подружки, горят щёчки – вспоминают дружочки».

Звон в ушах свидетельствует о том, что кто-то говорит о человеке. А вот хорошо говорят о тебе или плохо, можно определить с помощью угадывания собеседником, в каком ухе звенит. Если собеседник угадал, значит,

кто-то хвалит или хорошо отзывается, если не угадал – ругают, «перемыывают» косточки.

Кулаки, по мнению удмуртов, чешутся к драке; правый глаз – к радости, левый глаз – к слезам, печали; локоть чешется к покойнику, правая рука – к рукопожатию, левая – к затратам. Ступня чешется к дальней дороге. Относительно носа мнения респондентов расходятся: большая часть сельских жителей считает, что нос чешется к выпивке. Горожане интерпретируют это как приметку скорой драки, в которой обязательно ударят по носу (хороший нос за неделю кулак чует).

Узкие губы – признак злого нрава человека.

Дрожащие руки – показатель волнения. Однако они могут дрожать и у человека, находящегося в состоянии похмельного синдрома. Большие руки с мозолями свидетельствуют о том, что их обладатель привык к тяжёлой физической работе и не боится её. Большие пальцы рук, выгнутые наружу, – признак мастера на все руки. Девушки, обладательницы таких рук, обычно рукодельницы. Руки с длинными пальцами указывают на то, что в данном человеке заложен музыкальный талант. Считается, что из таких людей получают хорошие гармонисты.

Большая роль в процессе коммуникации отводится глазам. Все наши респонденты едины во мнении, что глаза – зеркало души, а потому человек, который держит камень за пазухой, боится открытого взгляда, направленного в его сторону. На словах обмануть просто, но глаза всегда говорят правду.

Подёргивающий глаз является свидетельством сильного волнения. Если дёргается левый глаз – к слезам. Красные глаза говорят о случившемся горе, человек плакал. Голубые глаза, по народным представлениям, самые слабые. На обладателей таких глаз легко напустить порчу или сглазить. Чёрные глаза считаются злыми. Люди с такими глазами могут сами сглазить (*син уськытыны*); считается, что у большинства колдунов глаза чёрного цвета.

Имеет свое коммуникативное значение и пигментация кожи. Так, человек, обладающий большим количеством родинок, считается счастливым. Но

если родинка одна и на левой щеке, значит, этот человек несчастлив и ему постоянно не везёт. Любимчика фортуны, по мнению удмуртов, можно определить и по внешнему виду. Такие люди при первой встрече кажутся некрасивыми, а с течением небольшого времени, после знакомства, от них уже невозможно отвести глаз, настолько привлекательной становится их внешность. Считаются счастливыми девочки, похожие на своих отцов, и мальчики, похожие на мам.

Немаловажное значение имеет форма большого пальца на ноге, особенно у девушек, поскольку большой палец ассоциируется с характером её будущего мужа. Если палец большой и толстый, по сравнению с остальными, значит, муж будет эгоистом и «задавакой». Если он длиннее пальца, расположенного рядом, командовать в семье будет муж, не учитывая мнения жены. Повезёт девушке, у которой большой и соседний с ним пальцы одинаковой длины: характер ее мужа будет идеальным. Считается плохим знаком, если у девушки на большом пальце ноги деформирован ноготь: её избранником станет мужчина-женоненавистник.

Если собеседник чихнул в процессе разговора, значит, подтвердил произнесённую вслух информацию.

Если девушка носит волосы распущенными, значит, по мнению респондентов старшего возраста, она распущенна, лёгкого поведения. Скромная девушка всегда заплетает, «прибирает» свои волосы. Кроме того, считается, что на девушку с распущенными волосами легко навести порчу, поэтому на волосах обязательно должна быть хотя бы маленькая заколка.

На основе всего выше сказанного можно отметить, что склонность судить о людях по внешнему виду глубоко укоренена в человеческой природе, и порой одного взгляда бывает достаточно, чтобы сложилось впечатление о характере собеседника²³⁷. Это впечатление оказывается столь сильным, что мы не можем помешать его быстрому формированию, а впоследствии не можем его изменить даже сознательными усилиями. По выражению Г. Гельм-

²³⁷ Бутовская М.Л. Указ. соч. С. 23.

гольца, «данный процесс не контролируется зонами головного мозга, мы делаем бессознательные умозаключения по поводу увиденного»²³⁸.

Степень влияния симптомов на процесс коммуникации приобретает своё наибольшее значение в сельской местности. Городские удмурты выделяют в собеседнике только симптом страха и стыда. Скорее всего, объяснение этому можно найти в забвении ими национальных традиций.

Респонденты старшего возраста, проживающие в селе, отмечают, что подобно тому, как особенности конституции человеческого тела даются от рождения, так и характер, судьба человека закладывается в утробе матери. Частично разгадать внутренний мир и судьбу собеседника можно с помощью небольших подсказок-симптомов, главное – внимательно присмотреться. Так как на селе несколько поколений родственников часто живут под одной крышей, такие способы, методы разгадывания судьбы и характера так или иначе передаются по наследству, а потому влияют на процесс коммуникации.

Необходимо отметить, что в процессе коммуникации наибольшую опасность для удмурта представляют сглаз и порча, поэтому они всячески стараются избегать общения с людьми, от которых исходит потенциальная опасность. Если не получается – нужно придерживаться определённых правил: носить при себе булавку, пристегнутую головкой вниз, или полынь в потайном кармане, женщинам и девушкам – серёжки, крещёным – крестик. Всё перечисленное является своеобразным оберегом от сглаза. Во время разговора ни при каких обстоятельствах не давать гладить себя по спине незнакомым людям, сжимать кулак в кукиш, проходя мимо недоброжелателя.

Таким образом, степень активности удмурта в процессе коммуникации определяют не только невербальные знаки, но и символы, и симптомы. Особенно сильное влияние они оказывают на коммуникацию в сельской местности. Удмурты-горожане в рамках общения обращают внимание лишь на знаки, причём их социальный символизм схож с представлениями русских. В сельской местности на социальный символизм влияют местные ценности

²³⁸ Цит. по: Бутовская М. Л. Указ. соч. С. 23.

(например, крепкое хозяйство, большое поголовье скота, наличие техники и т.д.) и традиции, которые передаются из поколения в поколение, а выбранная тактика коммуникативного поведения определяется социальными симптомами.

§ 3. Ситуативная модель описания невербального коммуникативного поведения удмуртов

На основе собранных нами невербальных символов, знаков и симптомов мы попытались построить ситуативную модель описания невербального коммуникативного поведения удмуртов.

Взгляд

В удмуртском общении взгляд несёт на себе знаковую коммуникативную нагрузку. Со знакомыми людьми удмурты ведут беседу лицом к лицу, интенсивно смотрят на собеседника. По народным представлениям, человек, избегающий прямого контакта глазами, либо врёт, либо что-то скрывает. В то же время не принято откровенно и пристально рассматривать незнакомца, например, в общественном транспорте, на улице. Это неприлично, поэтому они резко отводят глаза, когда их взгляд встречается со взглядом объекта внимания.

Замечена у удмуртов привычка внимательно, открыто рассматривать чужие вещи, привлёкшие их внимание (кошелёк, книга, сумка и т.д.), но длится это лишь до тех пор, пока хозяин вещи не заметит такого внимания.

Взгляд, после которого можно вступить в контакт, у удмуртов, как и у русских, длится недолго. Допускается указание глазами для того, чтобы незаметно привлечь внимание собеседника к какому-либо предмету.

Мимика

Удмуртская мимика призвана показать настроение своего владельца. Удмурты обычно скрывают свои эмоции в мало знакомой для них среде, в общении с начальством. Не принято в незнакомой обстановке выражать свои негативные эмоции, срываться на собеседнике, особенно если он не является

удмуртом и не понимает удмуртского языка. В такой ситуации лицо удмурта, подобно лицу японца, практически ничего не выражает. Если его ругают или тех, кто принадлежит к его социальной группе, он будет стоять с опущенной головой, с грустной мимикой (опущенные вниз кончики губ, взгляд, направленный к полу). При этом даже если он не виноват, всё сказанное воспримет в своей адрес.

Ситуация в корне меняется, когда удмурт попадает в свою среду, к знакомым людям, к таким же, как он, удмуртам. Здесь мимические сигналы приобретают выразительность, повышается их искренность, эмоциональность и интенсивность. Практически сразу же по лицу можно определить, как удмурт в данный момент относится к своему собеседнику, какое у него настроение.

Большим своеобразием обладает «удмуртская» улыбка. Удмурты улыбаются только губами, не раскрывая зубов. Улыбающийся человек всегда располагает к доверию, но улыбка вызывает недоумение, когда она исходит от совершенно незнакомого человека. Не принято улыбаться незнакомому человеку в ситуации, когда нечаянно встретились взглядом, в процессе делового разговора с начальством, при выполнении своих обязанностей по работе.

Улыбка – это прежде всего сигнал личного расположения к человеку. Поэтому чаще всего она бывает адресована знакомому человеку или тому, кто вызывает симпатию. Громкий смех в общественных местах считается проявлением невоспитанности или объясняется нетрезвым состоянием.

Так как для удмуртской коммуникативной культуры присуща некоторая степень скрытности, улыбаются удмурты редко и не всем. «Зачем улыбаться и показывать своё хорошее настроение, когда другому человеку, находящемуся рядом с тобой, может быть плохо, кроме того, твоё счастье могут просто-напросто сглазить», – говорят они. Данная позиция сближает их с восточной традицией, которая принята, например, в коммуникации японского общества.

Повседневный быт удмурта на протяжении многих веков был своего рода борьбой за существование, поэтому выражение озабоченности, кажется, навсегда закрепилось в его будничной мимике. Улыбка же, как отражение благополучия и достатка, которые доступны не всем, озаряет лицо не очень часто, а порой вызывает неприязнь и зависть.

Можно отметить тенденцию распространения, особенно среди молодёжи, занятой в сфере услуг профессиональной, «коммерческой» улыбки и приветливости, что, несомненно, накладывает отпечаток на удмуртское невербальное коммуникативное поведение. У них формируется отличное от старшего поколения отношение к улыбке как необходимости, чтобы расположить собеседника к себе. Улыбаться нужно всем и как можно чаще, так как на улыбающегося человека приятно смотреть.

Позы

Удмурты, как и русские, могут очень долго сидеть за столом, особенно в гостях, непрерывно общаясь друг с другом. Здесь стол служит символом единения. Так, родственники, друзья и просто близкие люди собираются совместно за большим столом только в исключительно важные моменты семейной жизни (свадьба, юбилей, рождение ребенка или смерть близкого и т. д.). За столом удмурты часто кладут локти на стол, наклоняются близко к тарелке, стараясь приблизить лицо к еде. Обычно не стараются занять много места, не расставляют широко руки и ноги; сидят очень плотно друг к другу.

Сидеть на корточках в удмуртском коммуникативном поведении принято только в сельской местности, это исключительная привилегия мужчин и юношей. Обычно данная поза в мужской компании связана с «перекурком» или решением вопроса о выпивке. Городские удмурты расценивают её как неприличную. Есть мнение, что привычку сидеть на корточках приобретают люди, отбывшие наказание в виде тюремного заключения.

Удмурты не очень следят за *осанкой*, особенно в сельской местности, так как не придают ей особого значения. Стоят, обычно занимая мало места, скрестив руки на груди, либо опустив их вдоль туловища (фото 11). Послед-

няя поза характерна при разговоре подчинённого с начальником. В другой же ситуации, когда удмурт чувствует свою уверенность или доминацию, он может упереть руки в бока, а потому место, занимаемое им, существенно увеличится (фото 50).

Походка удмуртов во многом зависит от темперамента, а потому варьируется от быстрого до медленного темпа, от сильного до менее заметного размахивания руками. Если у русских отмечается увеличение темпа спешки в Москве и постепенный её спад в провинции²³⁹, у городских и сельских удмуртов такой разницы не замечено, они могут спешить как в селе, так и в городе.

Считается, что при ходьбе особенно сильно размахивают руками спортсмены, у чиновников есть своя специфика: они обычно размахивают только одной рукой, поскольку привыкают к тому, что в всегда находится папка²⁴⁰. Некоторые респонденты отмечают, что размахивание руками при ходьбе – это признак открытости человека, готовности к общению. Если же человек не размахивает руками, значит, он закрытый, и большую часть информации предпочитает держать в себе²⁴¹.

Разговор во время движения воспринимается удмуртами как обыденное явление и не представляет особой значимости и секретности, так как «на ходу» никто не будет говорить о важном. Действительно важную информацию принято излагать в кабинетах, в уединённом месте, но никак не на улице и не при посторонних. Удмуртское коммуникативное поведение допускает личное общение в толпе или в транспорте, но громкость разговора при этом снижается до уровня слышимости лишь говорящим, но не окружающим.

Физический контакт в ходе общения

В удмуртской коммуникативной культуре физический контакт широко допустим только в среде хорошо знакомых людей, родственников, при этом в большей степени – между собеседниками одного пола.

²³⁹ Прохоров Ю.Е., Стернин И. А. Указ. соч. С. 156

²⁴⁰ ПМА: НОА УИИЯЛ УрО РАН РФ Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 35.

²⁴¹ Там же.

Физический контакт в пространстве собеседников разных полов может присутствовать лишь в том случае, если между контактирующими имеется большая возрастная разница (один из субъектов общения годится в матери или в отцы другому), или они являются близкими родственниками. Допустимым он считается и у молодёжи, причём здесь возраст и пол не играют большой роли, на первое место выходит знакомство и стаж дружеских отношений.

Среди населения Удмуртии, в том числе удмуртов, широко распространён *ритуал рукопожатия*. Рукопожатие при встрече, прощании, знакомстве является преимущественно мужским жестом, характерным для всех возрастов. Эта своеобразная форма приветствия, инициируется обычно лицом старшего возраста или занимающим более высокое служебное положение. Если собеседники по возрасту – ровесники или являются людьми одного социального статуса первенству рукопожатия не придаётся большого значения. Взрослый мужчина или человек высокого социального статуса может посчитать оскорблением, если рукопожатие будет исходить от лица младше по возрасту, статусу.

В неофициальном мужском общении длительность рукопожатия во многом зависит от степени доверительности и приязни общающихся: чем ближе они по духу и мироощущению, чем теснее их родственные связи, тем длительнее рукопожатие. Такое рукопожатие может даже перейти в объятие и похлопывание по спине, но только в том случае, если они родственники или близкие друзья.

Рукопожатие осуществляется между знакомыми людьми, с незнакомыми – лишь в процессе знакомства. Не будет понят мужчина, первый подающий руку для рукопожатия женщине. Инициатива должна исходить от неё, но удмурткам подобный ритуал не очень нравится. Они считают его чисто мужским и не совсем гигиеничным, поэтому предпочитают обходиться простым вербальным приветствием. Исключение составляют лишь рукопожатие

во время поздравления, где инициатива мужчин вполне уместна. Недопустим подобный жест во время похорон, особенно после возвращения с кладбища.

Поцелуй среди удмуртов имеет ограниченную зону действия. Он допустим во время встречи или прощания родителей с детьми, двух подруг (особенно в среде молодёжи, но не характерен для женщин среднего и старшего возраста). Неуместным считается поцелуй при встрече или прощании мужчин, здесь они ограничиваются лишь рукопожатием.

Влюблённые удмурты практически не демонстрируют свои чувства, не целуются и не обнимаются на людях, особенно в сельской местности. Здесь любовные отношения считаются исключительно приватной сферой, и их открытая демонстрация обычно вызывает осуждение.

Удмурты, как и русские, считают возможным для себя *шлёпать детей* по голове, щеке, попе. Обычно это происходит в тех случаях, когда ребёнок провинился. Чтобы выразить ребёнку свою любовь, одобрение его поступков и похвалу, можно нежно потрепать его по голове, похлопать по спине.

Прикосновение к собеседнику рукой допускается, если общающиеся хорошо знакомы, находятся в дружеских отношениях или являются родственниками.

Городские удмурты, в отличие от сельских, при ходьбе располагаются очень близко друг к другу, не боятся прикосновений корпусом при езде в транспорте или в очереди. Удмурты-селяне соблюдают дистанцию и очень трепетно относятся к её сохранению, стараясь отойти при близком приближении собеседника, особенно малознакомого.

Тем не менее, и те, и другие терпеливо переносят давку, скученность, не избегают очередей. Терпению может прийти конец лишь в тот момент, когда кто-то грубо нарушит установленный порядок. Здесь удмурты могут не сдерживать своей агрессии, они либо выливают её на нарушителя, пытаясь восстановить справедливость, либо становятся подстрекателями тех, кто бойчее и является очевидцем происходящего.

Проходя через толпу, удмурты, как и русские, не используют руки: не дотрагиваются до плеч, рук находящихся на их пути незнакомцев, побуждая их пропустить. Принято прокладывать себе дорогу слегка развёрнутым корпусом, выдвинутым вперед плечом, вербально сопровождая движение просьбой пропустить²⁴².

В переполненном незнакомыми людьми помещении удмурт чувствует себя неуютно, он замыкается в себе и старается поскорее найти знакомое лицо. Ситуация меняется, если он находится в окружении знакомых: удмурта словно подменяют, он активно общается со всеми, шутит, на душе у него возникает ощущение праздника.

В поездах и на кораблях представителей западной культуры музыка раздражает, а русским она нравится, так как создает праздничное настроение²⁴³. В этом русские во многом схожи с удмуртами молодого и среднего возраста, которые также воспринимают музыку как увеселительное развлечение в дороге. Что касается удмуртов старшего возраста, она ими часто воспринимается как раздражитель и источник головных болей.

Таким образом, физический контакт в удмуртском коммуникативном поведении допустим только в общении родственников, друзей, знакомых людей. В их компании удмурты могут позволить себе дотронуться до другого и другому – до себя: прикоснуться к руке, плечу, предплечью, обнять или слегка приобнять собеседника, взять за руку. В такой ситуации физический контакт демонстрирует положительное эмоциональное отношение к собеседнику, стремление установить и поддержать контакт с ним, усилить эмоциональное воздействие речи, придать ей характер достоверности и искренности.

Запрет на телесный контакт среди лиц старшего и среднего возраста распространяется, прежде всего, на ситуации, в которых взаимодействуют лица противоположного пола. В частности, не принято брать женщину под

²⁴² Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Указ. соч. С.159

²⁴³ Там же. С. 160

руку, касаться её плеча и т.п. Оставляя в стороне акты приветствия и прощания, можно с уверенностью сказать, что это ограничение распространяется в равной мере на все типичные ситуации социального взаимодействия. В таких случаях физический контакт может быть сочтён за оскорбление.

Манипуляция предметами

Манипулирование предметами во время разговора обычно воспринимается как неуважение к собеседнику, незаинтересованность в общении. Особенно негативно расценивается использование сотового телефона, например, копание в настройках, отправка сообщений и т.д.

Жесты

Наиболее употребительными жестами у удмуртов являются утвердительный кивок головой, отрицательный поворот головы, используемые как совместно с вербальными сигналами, так и без них. Очень часто удмурты заменяют реплику «*Уг тодӥськы*» (букв.: не знаю) пожатием плеч.

В отличие от жестов русских, жесты удмуртов имеют меньшую амплитуду и занимают меньше места в пространстве. Большинство из них производится руками, прижатыми к туловищу, и потому не выходит за пределы персонального пространства. Эта особенность жестикуляции приближает удмуртов к народам Европы. Большинство жестов, в которых участвуют обе руки, делаются синхронно. Жестикуляция в основном сосредоточивается у груди и вокруг тела. Все движения носят эмоциональный характер.

Едва ли не все жесты могут употребляться автономно, без вербального сопровождения, так как легко понимаются в контексте общения, но, несмотря на это, в коммуникативном акте к ним прибегают нечасто. Ими стараются пользоваться умеренно, порой даже избегают их (особенно в общении с представителями старших поколений). У русских жесты очень часто опережают слова, у удмуртов такого не прослеживается.

Интересно, что среди молодёжи распространён жест, который является ироническим и фактически опровергает то, что сказано вербально. Сгибание указательного и среднего пальца обеих рук указывает на то, что вербальный

символ заключен в кавычки, и, следовательно, сказанное нужно понимать в переносном смысле.

Есть жесты, которые схожи с русскими: *начальство, власть* – указательный палец поднят вверх, часто таким же жестом обозначают Бога (*Инмар*). *Сложная проблема* – почесывание затылка; *поздравление с именинами* – потягивание именинника за уши; *ненормальный, дурак (шузи)* – «ввинчивание» указательного пальца в висок. У удмуртов есть не менее распространенный жест с таким же значением *лёгкий удар кистью по голове* собеседника, сопровождающийся словами *тёпонь* (букв.: недалёкий человек, неумёха); *дай закурить* – двукратное движение двумя пальцами с якобы зажатой в них сигаретой, имитирующее курение; *пойдём выпьем* – щелчок по горлу средним и большим пальцами.

Наряду с жестами, заимствованными у русских, есть также заимствованные у европейцев: *мы молодцы, всё получилось так, как хотели* – два человека бьют ладонью об ладонь; согнутая в локте правая рука резко опускается вниз, при этом движение сопровождается словом «Yes!». *Победа!* – выбрасывание кулака вверх, иногда с небольшим прыжком. *Оскорбительный жест* – выставление среднего пальца.

В целом, удмуртов можно отнести к среднежестикულიрующим народам. По сравнению с русскими, они прибегают к жестам реже. Как и в русском коммуникативном социуме, удмуртская молодёжь и представители низких социальных слоёв жестикулируют больше, нежели лица среднего и старшего возраста и остальные слои общества.

Активную жестикуляцию сельская молодёжь объясняет тем, что им часто приходится общаться с русскими на их языке, что вызывает затруднение в подборе нужных слов, к тому же слова не всегда могут адекватно выразить все испытываемые эмоции²⁴⁴.

²⁴⁴ ПМА: НОА УИИЯЛ УрО РАН РФ Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 9.

Выбор места общения

Самое лучшее место общения для удмуртов – стол. За ним все сидят на одном уровне, все могут видеть лица друг друга. Трапеза за столом уходит на второй план, главным становится процесс общения. Поэтому приглашение в гости является демонстрацией большого уважения к собеседнику.

В поездах дальнего следования, в транспорте принято поддерживать разговор с попутчиком, особенно если это знакомый человек. Общение обычно идет негромко, чтобы не мешать другим пассажирам.

У городских удмуртов не принято разговаривать с человеком, который находится в ванной или туалете (в том числе – общественном), хотя в принципе запрет не является категоричным, и поэтому допускается его нарушение.

Молчание

Молчание в общении играет не последнюю роль, поскольку несёт в себе знаковую коммуникативную нагрузку. Гетеростереотип, сложившийся у народов, проживающих по соседству с удмуртами (русские, татары), характеризует последних как людей неразговорчивых, внимательно выслушивающих своего собеседника.

Молчать удмурт будет в том случае, если хочет уклониться от разговора или не доверяет собеседнику. Молча он выслушивает человека, занимающего высокий социальный статус, а также информацию, вызывающую у него отрицательные эмоции. Иногда молчание в коммуникативном процессе наступает при осознании услышанного, мысленном поиске аргументов для поддержания беседы. Оно может быть и сигналом конца или исчерпания коммуникативной темы, необходимости перехода к другой.

Молчание и выдержка – два качества, которые высоко ценятся удмуртами. По словам респондентов старшего возраста, иногда вообще лучше промолчать, ибо молчание – дороже золота. Таким образом, впечатление об удмуртах как о скромном, сдержанном и молчаливом народе имеет под собой реальные основания. По этому поводу удмуртский писатель В. Ар-Серги вы-

сказался: «Верёвка хороша – длинная, а речь – короткая», – говорят удмурты, невероятно ценящие короткую и ёмкую фразу»²⁴⁵.

В коммуникативном поведении удмуртской молодёжи паузы получают такую же оценку, как и в русской коммуникации. В обеих культурах молчание подразумевается как признак того, что человеку либо нечего сказать, либо тема разговора ему не интересна. Такая ситуация в молодёжной среде обычно вызывает некоторую неловкость, поэтому часто служит сигналом к завершению коммуникативного акта либо к смене темы.

Что касается респондентов старшего и среднего возраста, по их мнению, молчание в диалоге необходимо для того, чтобы дать собеседнику возможность «перевести дух», осмыслить полученную информацию и определиться со своей точкой зрения на неё.

Уважение и неуважение

Вежливого человека, с уважением относящегося к другим, по мнению удмуртов, отличают следующие качества: при входе он всегда пропустит партнёра или гостя вперёд себя; уступит место; придержит дверь; не будет чрезмерно жестикулировать при разговоре; повышать интонацию; нарушать коммуникативную дистанцию собеседника; взгляд его будет направлен на лицо собеседника и др.

К сигналам неуважения удмурты относят избегание глаз собеседника; игнорирование протянутой руки или просьбы; периодическое обращение взгляда на часы; манипулирование предметом в руках; плевки в сторону собеседника; переход дороги поперёк идущему.

Если человек малознаком, но по каким-то причинам вызывает антипатию удмурта, он не будет открыто демонстрировать своё отношение к нему, предпочтёт скрыть свои чувства.

Громкость общения

Особенностью вербальной коммуникации удмуртов считается «тихость» их языка. Нигде в общественных местах, например, в автобусе, мы не

²⁴⁵ Ар-Серги, В. А вы и не спрашивали... Мои засечки удмуртским топором // Луч. – 2006. – №4. – С. 70.

услышим удмуртскую речь «во всё горло». Обычно такую модель общения принято списывать на природную скромность удмуртов, на то, что они стесняются своего языка и предпочитают не говорить на нём в общественных местах, чтобы лишний раз не привлекать внимание к себе, не дать повода обозвать себя «вотяком». Общеизвестно, что этот этноним часто используется в речи с целью унижения или оскорбления удмуртов. И всё же мы больше склонны согласиться с мнением удмуртского писателя В. Ар-Серги, объясняющего «приглушённость» удмуртского языка его историческими корнями. Так как удмурты – это, прежде всего, охотники, они привыкли разговаривать тихо, чтобы не спугнуть дичь, добычу. Как отмечает писатель, «удмуртский язык, оформившийся в лесных дебрях удмуртского Прикамья, создан, скорее всего, для душевной, неторопливой беседы с любимой, другом или богом. А может, все объясняется старинной удмуртской поговоркой: кто громко говорит, того никто не слышит»²⁴⁶.

Темп общения

Темп общения зависит от того, на каком языке говорит удмурт и от особенностей его темперамента. Так, сельские удмурты на русском языке говорят либо очень медленно, соблюдая все правила и подбирая необходимые слова, либо очень быстро, чтобы как можно быстрее передать информацию, и чтобы собеседник не уловил все его ошибки в речи.

Темп речи городских удмуртов на русском языке может быть определён как средний: русский язык для них – практически язык повседневного общения, и они рано или поздно привыкают говорить на нём. Удмурты-горожане отмечают, что сельского удмурта можно выделить из толпы по его речи: при разговоре он растягивает гласные звуки и «окает».

Темп общения сельских и городских удмуртов на родном языке во многом зависит от объёма и эмоционального качества информации, которую необходимо передать, а также промежутка времени, за который она должна быть изложена. Чем меньше времени и выше эмоциональная окрашенность

²⁴⁶ Ар-Серги В. Указ. соч. С. 71.

информации, тем быстрее темп речи. Эта черта особенно заметна в женской коммуникации, что касается мужчин, темп их речи средний и менее эмоционален.

По мнению наших респондентов, темп речи на родном языке у южных удмуртов более быстрый, чем у северных.

Ориентация на собеседника

В русской коммуникативной практике собеседники часто не дают друг другу «сохранить лицо» особенно в споре, оставляют собеседника проигравшим, открыто торжествуя победу. Здесь не обязательно после бытового спора или дискуссии успокаивать собеседника, обращать внимание на его чувства²⁴⁷. Удмурта, в отличие от русского, втянуть в спор не просто: он предпочтёт молчание, не будет оспаривать чужое мнение.

Большинство наших респондентов (особенно северные удмурты) отмечают, что в споре часто не находят нужных слов и потому просто молчат, а после раздумываний на ум приходят веские доводы, которые помогли бы им отстоять свою позицию, но уже бывает поздно. Кроме того, воспринимая любой конфликт как источник негативных эмоций, внутренне очень тяжело переживаемых, удмурты стараются скрыть свое несогласие с чем- или с кем-либо в общении с незнакомыми людьми, в малознакомой городской среде, а также в официальной обстановке.

Есть разница в психологии западного и восточного мышления. Для Запада компромисс – это естественное состояние, положительная черта политического деятеля. В восточном восприятии компромисс граничит с беспринципностью. Стоять до конца, не поступаться принципами считается здесь доблестью и геройством²⁴⁸. Удмуртское коммуникативное поведение в данном случае занимает промежуточное положение. Внешне удмурты могут согласиться со своим собеседником или просто промолчать, но внутренне не пойдут на компромисс и упорно будут придерживаться своего мнения. Уд-

²⁴⁷ Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Указ. соч. С. 223.

²⁴⁸ Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Указ. соч. С. 204.

муртское «нежелание спорить» русские обычно воспринимают негативно, расценивают его как неумение постоять за себя, беспринципность. Как бы то ни было, в удмуртской коммуникации преобладает ориентация на собеседника, и потому удмурт никогда не будет «спорить на победу».²⁴⁹

Коммуникативный эгоцентризм

В общении удмурт, как и любой другой человек, заинтересован в соблюдении своих интересов и задач, но в силу скромности не всегда может напрямую заявить о них. Разговор он начинает издалека, считая, что в начале необходимо расположить собеседника к себе, войти в доверие к нему, а потом уже говорить о своей проблеме, просьбе и т. д. Назвать коммуникативное поведение удмурта эгоцентричным мы не можем, но и считать его ориентированным на другого тоже будет неверно.

Стремление к постоянству круга общения

Удмурты старшего и среднего возраста любят круг друзей, проверенных временем. Именно их они приглашают к себе на все торжества и праздники, делятся с ними своими радостями и невзгодами. Ими они интересуются в разговоре с общими знакомыми. С новыми знакомыми они менее общительны, поскольку ещё не знают, чего от них ожидать. Молодежь также привязана к старым знакомым, но не прочь заводить и новые знакомства, и новых друзей.

Отношение к групповому общению

Для молодёжи приоритетно групповое общение, а для среднего и старшего поколений – оно предпочтительнее. В гостях общение и получение новой информации – одна из основных целей визита. Если разговор не клеится, удмурт чувствует себя неловко, поэтому общение в группе должно идти непрерывно, никто в компании не должен уединяться, сидеть отдельно от других, заниматься своими делами.

²⁴⁹ Там же. С. 203.

При общении в общественных местах удмурты обычно образуют замкнутое пространство в виде круга. Громкость разговора становится слышимой лишь тем, кто находится в кругу.

Коммуникативный эталон

Коммуникативный идеал – это совокупность признаков, рассматриваемых людьми определённой коммуникативной культуры как желательные, приятные, обеспечивающие положительное отношение к собеседнику и желание поддерживать с ним коммуникативные отношения²⁵⁰.

Для того, чтобы выявить коммуникативный идеал наших респондентов, мы задавали им вопрос «Каким должен быть идеальный собеседник?» В ответ были перечислены черты характера, которыми он должен обладать: умение слушать, вежливость, хорошие манеры и весёлый нрав, ум, чувство юмора, умение дать дельный совет и оказать моральную поддержку, откровенность, открытость, искренность, общительность, дружелюбие, спокойствие, сдержанность, опрятность, аккуратность, отсутствие высокомерия, грубости.

На вопрос, с какими из проживающих рядом народами (удмурты, русские, татары) респондентам легче найти общий язык, мнения разделились. Северные удмурты отметили, что им, несомненно, легче идти на контакт с русскими. Татары, на их взгляд, – лживы, хвастливы, ищут свою выгоду, ради неё могут и обмануть. В общественных местах разговаривают друг с другом слишком громко, не обращая внимания на окружающих. Это раздражает респондентов и на контакт с татарами они всегда идут с опаской.

Южные удмурты, наоборот, отметили в татарах общительность, отзывчивость, дружелюбие. По их мнению, им легче найти общий язык с представителями своего народа и татарами, нежели с русскими. Последних они называли «*бадһым чырты*» (букв.: большое горло), подразумевая под этим громкость, болтливость, неумение держать секреты и двуличный характер.

И те, и другие респонденты сошлись во мнении, что самый лучший собеседник для них, несомненно, удмурт. Только он правильно поймёт и вос-

²⁵⁰ Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Указ.соч. С. 227.

примет информацию, которую хотят до него донести, не станет смеяться над недостатками речи при общении на русском языке, например, неправильно поставленным ударением, смягчением некоторых звуков, не будет громко говорить и раздражать чрезмерной жестикуляцией.

Коммуникативный самоконтроль

Фиксация ошибок в удмуртской коммуникативной практике ослаблена. Удмурты, общаясь между собой на родном языке, обычно не следят за правильностью речи и не исправляют немедленно речевые ошибки.

Единственное, на что они могут обратить внимание в процессе коммуникации – это различия между северным и южноудмуртским диалектами. В этом случае собеседники заостряют внимание на том или ином слове, чтобы уточнить правильность его понимания. В целом, отношение к речевым ошибкам можно назвать снисходительным, главное, – чтобы тебя правильно поняли.

Степень фиксации ошибок усиливается, если удмурт говорит на русском языке. Это характерно как для городских удмуртов, так и для сельских. В такой ситуации едва ли не каждое произнесённое слово подлежит мысленному анализу с точки зрения правильности произношения, поставленного ударения и передачи желаемого смысла. Очень часто удмурт извиняется, если что-то не так сказал, ошибки ставят его в неловкое положение, внутренне глубоко переживаемое. Именно поэтому в беседе, споре, дебатах удмурт занимает пассивную позицию, особенно если слабо владеет языком, он лучше предпочтёт молчание, нежели отстаивать собственное мнение и интересы. Подобная модель поведения имеет свои основания. Как отмечают сельские респонденты, в большинстве случаев допущенные ими ошибки при коммуникативном контакте с русскими вызывают со стороны последних насмешки и обидные комментарии²⁵¹.

Коммуникативный самоконтроль может быть утрачен в ситуации, когда удмурт испытывает сильные негативные эмоции (страх, гнев, ненависть),

²⁵¹ ПМА: НОА УИИЯЛ УрО РАН РФ Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 11.

а также как следствие «зеркальной реакции» на провоцирующее коммуникативное поведение собеседника (повышение тона, грубость собеседника и т.д.).

Коммуникативная реакция

На коммуникативные действия собеседника удмурт реагирует очень искренне, если общается с очень близкими для него людьми (родственники, друзья). В данной ситуации его настроение будет меняться в такт сообщаемой информации и оперативно отражать его реакцию на услышанное. В остальных случаях (общение в официальной обстановке, с малознакомыми, не родственниками) отношение удмурта к собеседнику останется незаметным для последнего.

Степень контролируемости реакции так же, как и искренность, меняется в зависимости от того, в какой обстановке, с кем и на каком языке приходится говорить удмурту. Наименее контролируемой, а значит и более эмоциональной речь удмурта становится, если он говорит с родственниками и близкими друзьями в привычной для себя обстановке, на удмуртском языке. Здесь эмоции плещут через край, активно используются как мимика, так и жесты, особенно при споре. Удмурт демонстрирует хорошее настроение, если слова собеседника ему понравились, и не скрывает негативного отношения к информации, которая не пришлась по душе.

В процессе беседы обязательным компонентом считается внимание. Оно передаётся разнообразными сигналами, подтверждающими приём и понимание информации: поддерживанием зрительного контакта, киванием головой, сопровождаемым утвердительными вербальными сигналами, либо сигналами удивления (кивками головой в вертикальной плоскости, мимикой удивления, хлопками ладонями по бёдрам, которые также сопровождаются вербальными сигналами).

Внимание должно сохраняться в течение всего коммуникативного процесса, в противном случае это будет расценено как невежливость, нежелание

слушать и поддерживать какие-либо коммуникативные отношения, либо вообще непонимание сути разговора.

Перебить собеседника – значит проявить бестактность, продемонстрировать свою невоспитанность и невежливость. Недопустимым, даже оскорбительным считается, если младшие перебивают старших, нижестоящие – вышестоящих. В таких ситуациях остаётся только терпеливо дожидаться окончания разговора. Не будут перебивать удмурты незнакомых людей, русскоговорящих и иностранцев.

Можно прервать собеседника, чтобы задать вопрос, но при условии, что участники разговора давно и хорошо знакомы друг с другом, или имеют одинаковый социальный статус и близки по возрасту. По словам респондентов, при острой необходимости они осмелятся перебить речь сородичей по языку.

Активно удмурты перебивают друг друга во время спора. Если же спор превращается в словесную перебранку, и правила этикета и вежливости уходят на второй план, собеседники перебивают друг друга, не дают сказать ни слова, демонстрируя таким образом, что мнение собеседника их не интересует, так же, как и его личность.

Прерывание разговора и вообще общения допустимо, если собеседник слишком назойлив и болтлив, либо в ситуации спешки и отсутствия времени на разговор.

Реакция удмурта на конфликтное коммуникативное поведение собеседника – громкость голоса, грубость интонации и др. – на первых порах проявляется в виде вопроса *Малы тон мон шоры кесяськиськод?* (букв.: Почему ты на меня кричишь?). Это наиболее распространённая модель реагирования в знакомой для удмурта среде, где все равны и чаще всего говорят на удмуртском языке. Подобные попытки модификации поведения собеседника практически не применяются, если он занимает более высокий социальный статус и не говорит на удмуртском языке.

Как и у русских, грубое нарушение норм речевого этикета, если оно демонстративно, интенсивно или длительно по времени, вызывает у удмуртов зеркальную реакцию: они тоже повышают громкость и высоту голоса, в нём проявляются нотки раздражения и т. д.

Если в присутствии удмурта происходит конфликт между третьими лицами, которых он знает, активность его вмешательства увеличивается пропорционально степени знакомства с ними. Если третьи лица приходится родственниками, предпринимаются разнообразные попытки, чтобы смягчить, уладить конфликт, погасить страсти и успокоить ссорящихся.

Недопустимо вмешательство в конфликты малознакомых и незнакомых людей, а также супругов. Здесь удмурты следуют русской пословице «муж и жена – одна сатана», они рано или поздно помиряются, а крайним останется тот, кто вмешался.

Говорить о том, что тема разговора неинтересна, в удмуртском коммуникативном пространстве возможно только в крайних случаях, например, если собеседник надоел, или у слушающего нет времени. В остальных случаях удмурт будет терпеливо слушать собеседника, либо показывать отсутствие интереса с помощью невербальных сигналов – мимикой невнимания, длительными паузами, прерыванием зрительного контакта, будет отвлекаться на какие-либо посторонние предметы и т. д.

Реакция удмурта на речевые ошибки собеседника сдержанно-простительная. Не принято ни вербальными, ни невербальными способами демонстрировать, что собеседник сделал ошибку. В противном случае, это может быть воспринято как попытка унижения собеседника, как подчёркивание его низкого интеллектуального уровня. Обычно удмурты выслушивают собеседника до конца, а все свои замечания делают «за глаза», через третьих лиц.

На принимаемые при разговоре комплименты принято отвечать комплиментом, либо подчеркнуть, что адресат не заслуживает такой похвалы

На коммуникативное поведение совершенно не знакомых и мало знакомых людей у удмуртов не принято реагировать: не принято давать советы, улаживать конфликты, нарушать личное коммуникативное пространство.

Точно такого же поведения удмурты ждут и по отношению к себе, особенно со стороны малознакомых и незнакомых людей. Замечания со стороны незнакомых людей, нарушение ими личного коммуникативного пространства вызывают у удмурта недовольство и раздражение.

Объём общения

Диалог с эмоционально окрашенными, развёрнутыми и продолжительными репликами может продолжаться долго лишь в том случае, если у удмурта нет срочной работы, и он беседует с хорошо и давно знакомым человеком. Роли говорящего и слушающего меняются реже, чем в русском диалоге, но чаще, чем в европейском. С малознакомыми людьми удмурты предпочитают занять позицию слушающего, поэтому живущие по соседству с ними татары, русские и др. считают, что удмурты умеют выслушать чужие проблемы, вникнуть в их суть и дать ценные советы. Это позволяет говорить о том, что качество восприятия информации в удмуртском диалоге намного выше, чем в русском, а потому не требует увеличения длительности. Русский же диалог по длительности продолжительнее, что, по-видимому, связано с низким качеством восприятия информации.

Монологи удмуртов по развёрнутости и длительности близки к западноевропейским. Они не любят «трепать языком» попусту, говорят всегда кратко и по делу, ибо убеждены, что главной целью монолога является передача информации. Как и русский, удмуртский монолог может быть серьёзным, эмоциональным, без юмора, содержать сразу несколько мыслей.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что особенности невербального поведения удмуртов чётко подразделяются на две сферы: поведение в кругу знакомых людей, в привычной обстановке, и поведение в общении с начальством, малознакомыми людьми, в незнакомой обстановке. Для первого случая характерно обилие эмоциональных жестов, искренне выражающих на-

строение собеседников, их отношение друг к другу: здесь не принято прятать камень за пазухой и «надевать маску» на лицо. Что касается коммуникации с малознакомыми людьми в непривычной обстановке, она прямо противоположна первой ситуации. Тут использование жестов минимально, их искренность снижена до минимума. Удмурт словно надевает на себя маску, скрывающую истинное лицо и не дающую возможность раскрыться, и собеседник до конца не может понять его реакцию, одобрил он его мнение или нет.

Большинство удмуртов расценивает эту черту своего характера как отрицательную, считает, что именно она мешает прийти к компромиссу, часто приводит к ухудшению, а иногда даже к разрыву коммуникативных отношений.

Многие жесты и мимика удмуртов схожи с русскими. Возможно, это результат тесного и долгого соседства народов. В целом, удмурты по типу национального характера относятся к бесконфликтным народам, а потому им легче согласиться и принять часть чужой культуры, нежели противостоять ей. Кроме того, большая часть респондентов-удмуртов отмечает в русских положительные черты, помогающие им стать лидерами, отстоять свою точку зрения, так почему бы не заимствовать у них эту модель поведения, чтобы быть такими же успешными. Но несмотря на это удмурты занимают меньшее коммуникативное пространство, чем русские. Данная особенность отчётливо прослеживается не только во время беседы с респондентами, но и при просмотре удмуртских телевизионных передач.

В целом, все невербальные знаковые системы имеют много общего: они состоят из знаков, объединённых в структуру с помощью различных отношений, служат для передачи информации и имеют свою сферу употребления²⁵².

²⁵² Крейдлин Г.Е. Семиотика или Азбука общения: учеб. пособие. / Г.Е. Крейдлин, М.А. Кронгауз. – М.: Флинта, Наука, 2004. С. 229.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое нами исследование позволяет сделать следующие выводы.

В условиях интенсификации процессов межкультурной коммуникации разработка проблем коммуникативного поведения представителей разных народов приобретает не только научно-теоретическую, но и прикладную актуальность. Общаясь с представителями разных культур, люди часто подходят к их оценке с точки зрения собственных стереотипов и ценностей, из-за чего завершение диалога порой бывает неудачным. Чтобы избежать подобных случаев, необходимо знать особенности вербального и невербального поведения, которые приняты в той или иной культуре. Э. Сепир в одном из своих трудов заметил, что «язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собой переплетены, они в некоторой степени одинаковы. Внутреннее содержание всех языков одно и то же – интуитивное знание опыта. Только внешняя их форма разнообразна до бесконечности». И именно эта внешняя форма, с одной стороны, бесконечно разнообразная в различных культурах, а с другой – достаточно стереотипная для каждой конкретной культуры, создаёт существенную проблему не только при овладении новым языком, но и при межкультурной коммуникации²⁵³.

Этническая специфика удмуртского общения особенно ярко проявляется в вербальной коммуникации. Именно она, являясь главным компонентом, определяющим этническое самосознание, делит удмуртское коммуникативное пространство на «своё» и «чужое», таким образом определяя сценарий коммуникативного поведения народа. Как и раньше, в дописьменный период своей истории, у современных удмуртов (особенно сельских) прослеживается особое отношение к слову. Оно, по их мнению, обладает такой же степенью реальности, как и предметный мир²⁵⁴ (доброе слово может открыть, а злое – нанести ущерб, сглазить, нарушить все планы). Возможно,

²⁵³ Цит. по: Прохоров Ю.Е. Указ. соч. С. 4

²⁵⁴ Красильников А.Г. Указ. соч. С. 53.

именно поэтому до сегодняшнего дня сохраняется повышенная чувствительность удмуртов к чужому мнению, оценке со стороны других людей. К сожалению, эта чувствительность, перерастающая порой в болезненную ранимость, становится определяющим фактором при формировании собственной самооценки²⁵⁵.

Все наиболее часто используемые вербальные символы можно подразделить на следующие группы:

– зооморфизмы – самая распространённая группа вербальных символов, подчёркивающих в собеседнике повадки тех или иных животных. Они могут выступать как в качестве комплимента или нежного обращения: *кузьыли кадь ужась* (трудолюбив, как муравей), *гыдыке* (голубка), так и в виде подчёркивания негативных черт характера собеседника, например, *быжтэм нычы* (букв.: бесхвостая лиса; в знач. – хитёр, как лиса).

– символы, связанные с наименованиями продуктов питания, например, *куашня* (букв.: дрожжевое тесто, в знач. – тучный, неповоротливый) и т.д.

– антропоморфизмы – вербальные символы, характеризующие качества, свойственные только человеку, например, *синакылес/синазькыль* (букв.: надоедливый для глаз), *ерпечка* (аналог. рус. непоседа).

– символы, включающие названия предметов, окружающих удмурта в быту: *чурыт кирень* (букв.: твёрдый, как хрен, в знач. – скупердяй), *шуба пель* (букв.: ухо из шубы, в знач. – глухой).

– проклятья и скатологизмы, включающие всевозможные инвективы, обозначающие наименования нечистот (чаще всего – продуктов жизнедеятельности человеческого организма), а также детородных органов.

Говоря о гендерном аспекте вербальной коммуникации, необходимо отметить, что строгого табу на использование тех или иных групп символов не существует, но не приветствуется использование женщинами разнообразных проклятий и скатологизмов при выражении агрессии. Мужчинам нельзя

²⁵⁵ Владыкин В. Е. Мон... С. 376-377.

использовать обценную лексику или шутки, содержащие её, в присутствии женщин. Мат вызывает общественное порицание, считается прерогативой маргиналов и людей, занимающих низкий социальный статус. Детское сквернословие в некоторых случаях наказывается физически.

В целом, как отмечает большинство исследователей, все финно-угорские языки, в том числе удмуртский, имеют тройную направленность, а потому любое удмуртское высказывание содержит в себе три плана: когнитивный (передаёт информацию о предмете речи), модальный (передаёт сведения об отношении говорящего к предмету речи и адресату), прагматический (побуждает адресата на предопределение ответных действий адресанта)²⁵⁶.

Семантика вербального поведения удмуртов отражает историю народа, и несёт в себе информацию о его материальной и духовной культуре, менталитете, жизненном укладе, социально-экономических изменениях, связанных как с историческим прошлым, так и современностью. К примеру, частое использование зооморфизмов в удмуртском коммуникативном процессе свидетельствует об огромной роли охоты в жизни традиционного удмуртского общества, а впоследствии – скотоводства как одного из источников благосостояния семьи. А вот редкое использование самобытной инвективной лексики, по сравнению с заимствованной, как правило, русскоязычной, можно интерпретировать как свидетельство неагрессивного темперамента удмуртов. Практическое отсутствие богохульств можно объяснить поздним переходом к монотеизму.

Расширение пласта заимствований в вербальном общении есть следствие интенсификации межэтнической коммуникации, в том числе через средства массовой информации и глобальную сеть Интернет. Сегодня едва ли не каждому удмурту и едва ли не ежедневно приходится общаться с представителями других культур, что способствует обмену культурными ценностями и взаимному их обогащению.

²⁵⁶ Кадар Д. Указ. соч. С. 62.

Анализ вербальных символов методом семантического дифференциала позволил выявить представления современных удмуртов о самих себе и народах, проживающих по соседству. Судя по полученным результатам, у лиц старшего возраста стереотипные представления сформированы чётче и сильнее влияют на их коммуникативные процессы. Молодёжь же, наоборот, подчёркивает условность стереотипов, потому и в общении не злоупотребляет ими, считая, что нельзя судить о народах одномерно: и татары, и русские могут быть прекрасными собеседниками и стать самыми близкими друзьями удмуртов.

Настораживает оценка респондентами категории «Я», то есть самих себя: она никогда не совпадает с категорией «удмурт» и в большинстве случаев располагается на полюсе, противоположном идеальным представлениям. Возможно, это свидетельствует о чрезмерной их скромности, либо, что гораздо хуже, – заниженной самооценке. О последнем можно судить и по тому, что наши респонденты чаще отмечали в себе отрицательные черты, нежели положительные.

Анализ невербальных форм коммуникации показал, что они имеют ярко выраженную эмоциональную основу и выступают в качестве средства воздействия на собеседника, как усиление вербальных выражений. Для каждой определённой эмоции характерна своя группа жестов. Кроме того, они различаются по половозрастному принципу: жесты, характерные для молодёжи, не используются среди лиц старшего возраста; жесты, считающиеся предпочтительными для мужчин (особенно выражающие агрессию), порой вовсе неприемлемы для женской половины населения.

Большинство жестов в удмуртской коммуникации имеет физиологическую основу (покраснение щёк и ушей в ситуации неловкости), либо носит общечеловеческий характер (жест просьбы, потирание области желудка при чувстве голода, почёсывание затылка, «воздушный поцелуй», помахивание рукой при приветствии и прощании и т.д.), или – заимствованный (жесты агрессии и т.д.). И лишь отдельные жесты можно отнести к типично удмурт-

ским: хлопки раскрытыми кистями по бёдрам при удивлении, касание печи, чтобы предотвратить сглаз, отведённые за спину руки при чувстве неловкости и стеснения.

Наличие большого числа «закрытых» жестов (рис. 51, 52) (например, скрещённые руки, ноги и т.д.) свидетельствует о ментальности «маленького» этноса. Словно маленькие дети, удмурты предпочитают не смотреть в глаза собеседника, ожидающего однозначного ответа на свой вопрос, игнорируют «неудобные» вопросы, ссылаясь на то, что просто не поняли или не услышали и т.д. Особо подчеркнём, что это ни в коем случае не говорит о том, что удмурты слабохарактерный народ. Это их реакция на ускоренный ритм, который насаждался извне на протяжении всего исторического пути развития этноса. Удмурты испытали притеснения со стороны татар, русские насаждали в их среду свою веру, ценности, культуру, языку и т. д. Им не давали быть собой, однако этнос не потерял своё лицо. Его постепенность, традиционализм, консерватизм, определённый конформизм, нежелание рисковать, осторожное отношение к непроверенным новшествам, как этноса преимущественно «аграрного» не есть только недостаток, за этими чертами скрываются их основательность, природная терпеливость и терпимость.

Необходимо отметить, что удмурты, по сравнению с русскими, занимают меньше коммуникативного пространства, не прибегают к жестам в строго официальной обстановке, в разговоре с начальством и незнакомыми людьми. Молодёжь в этом плане ведёт себя раскованнее, считая, жесты необходимыми для выражения эмоций, а также в затруднительные моменты, когда не сразу находятся нужные слова на русском языке. Старшее поколение наоборот указывает, что чрезмерная жестикуляция отвлекает внимание от информации, которую передает собеседник, а потому при разговоре не стоит махать руками, как мельница. Наверно, поэтому в сельской местности как молодёжь, так и старшее поколение жестикулируют мало.

Что касается мимики, она является наиболее универсальной как в возрастном, так и гендерном аспектах, и совпадает с общепринятой человече-

ской мимикой как таковой. К ней удмурты прибегают при трансляции эмоционально окрашенной информации, которая обычно сопровождается состоянием аффекта. В таких ситуациях мало кто контролирует свои действия, а потому большинство эмоций передаётся с помощью одинаковых жестов, особенно среди этносов, живущих по соседству и образующих единую коммуникативную среду.

Вступая в контакт с представителями других народов, удмурты заимствуют и используют в своем общении новые разновидности жестов. Такое явление в социологии получило название культурной инсценировки, согласно которой, люди примеряют те или иные социальные роли, модели поведения. В качестве примера для подражания берутся те модели, которые индивид каждый день имеет возможность наблюдать и расценивать их как наиболее успешные.

Необходимо подчеркнуть, что невербальные знаки являются широко распространёнными, и потому понятными для всех удмуртов, тогда как вербальные имеют локальный характер. Они бывают понятны лишь в конкретной и определённой среде, например, в коммуникативном пространстве нескольких деревень. Помимо этого, они могут различаться на мезоуровне: например, среди северных и южных удмуртов, хотя различия не создают непреодолимых затруднений в процессе коммуникации тех и других.

При анализе специфики межкультурной коммуникации следует принимать во внимание то обстоятельство, что для представителей западных культур на первый план выходит содержательная сторона коммуникации, тогда как для культур востока ведущую информативную роль может играть контекст сообщения (с кем, когда, в какой ситуации происходит общение). Низкоконтекстные культуры ориентированы в первую очередь на когнитивный стиль обмена информацией, тогда как высококонтекстные обращают внимание на то, в какой форме преподносится информация²⁵⁷. На наш взгляд, в особенностях коммуникативного поведения удмуртов обнаруживается боль-

²⁵⁷Бутовская М.Л. Указ. соч. С. 26.

ше аналогий, сближающих их с высококонтекстными восточными культурами, так как для них очень важно, в какой форме, в каком месте и как преподносится информация.

В целом же, возникновение тех или иных принципов, определяющих коммуникативное поведение внутри этноса, обусловлено всем ходом исторического развития общества. При этом следует учитывать, что типологически сходные социально-экономические условия порождают аналогичные идеи, касающиеся межличностных отношений и взаимодействий. Отсюда вытекает и типологическое сходство традиционно-бытовой культуры общения народов, расселённых в различных частях земного шара²⁵⁸. Потому многие черты психологии и техники коммуникативного поведения, присущие удмуртам, можно обнаружить и в социальной жизни других народов. Одновременно они преобразуются под натиском новых, сменяющих друг друга, общественных отношений, что выражается в отмирании или видоизменении менее жизнеспособных архаических стандартов общения.

Круг вопросов, связанных с удмуртской коммуникативной культурой, весьма широк, одним исследованием невозможно охватить весь его спектр. В перспективе небезынтересным представляется подробное изучение особенностей коммуникативной дистанции, к соблюдению которой удмурты относятся особенно внимательно и даже трепетно, коммуникативного поведения молодёжи в рамках социальных сетей Интернета, коммуникацию удмуртов в обрядовой сфере, анализ роли смеха и молчания в повседневной коммуникативной практике, специфики видов коммуникаций в обрядовой жизни этноса. Любопытный материал можно получить и через сравнительно-сопоставительный анализ особенностей коммуникации, коммуникативных предпочтений диаспорных групп удмуртов, проживающих за пределами Удмуртской Республики.

²⁵⁸ Национально-культурная специфика речевого общения ... С. 74.

Список использованных источников и литературы

Источники

Неопубликованные источники

Полевые этнографические материалы автора (ПМА)

1. Этнографическое обследование Глазовского, Кезский, Якшур-Бодьинский, Дебёсский, Игринский, Алнашский районов, а также городов Глазов, Ижевск, Можга 2003 – 2011 гг.: НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп 2-Н. Д. 1598. 55 л.
2. Незаархивированные ПМА 2007 г. Балезинский район Удмуртии, с. Пыбья, Булдакова О.В., 1972 г.р.; д. Нурызовов, Князев Н.В., 1950 г.р.
3. Незаархивированные ПМА 2010. Балезинский район Удмуртии, д. Нурызово, Князев В.В., 1986 г.р.

Опубликованные источники

Произведения художественной литературы

1. Митрей, К. Мон-А-Чим. Пичи обезьянлэн мадемез / К. Митрей. Ижевск: Удкнига, 1927. – 39 с.
2. Митрей, К. Секыт зһбет. Проза, поэзия / К. Митрей. Ижевск: Удмуртия, 1988. – 391 с.
3. Кедров, Ф. Катя. Кылбурьёс но повесть / Ф. Кедров. Ижевск: Удмуртия, 1989. – 111 с.

Фольклорные материалы

1. Адямилы ӧеч лэсьтыса, ачид но ӧечгес луиськод. Удмурт калык пословицаос но поговоркаос / Ижевск: Удмуртия, 1976. – 25 с.
2. Удмурт выжыкыльёс: вотские сказки / Собрал И.Я. Яковлев. Казань: Издательство Казанского вотского издательского подотдела, 1920. – 15 с.
3. Удмуртские народные сказки, мифы и легенды / Ижевск: Удмуртия, 2008. – 160 с.

Словари

1. Дзюина, К.М. Краткий удмуртско-русский фразеологический словарь / К.М. Дзюина. Ижевск: Удмуртия, 1967. – 133 с.

2. Дзюина, К. М. Средства образного выражения в удмуртском языке / К.М. Дзюина. Ижевск: Удмуртия, 1996. – 144 с.

Литература

1. Антология культурологической мысли / под ред. С.П. Мамонтова. М.: РОУ, 1994. – 352 с.
2. Арбатский, Д. И. Толкование значений слов: семантические определения / Д.И. Арбатский. Ижевск: Удмуртия, 1977. – 100 с.
3. Армстронг, Н. Полное руководство. Язык жестов: Как распознать и истолковать практически любой известный жест / Н. Армстронг, М. Вагнер; пер. с англ. В. Г. Панова. М.: АСТ: Астрель, 2007. – 222 с.
4. Ар-Серги, В. А вы и не спрашивали... Мои засечки удмуртским топором / В. Ар-Серги // Луч. – 2006. – №4. – С. 70 – 71.
5. Арутюнан, Ю. В. Этносоциология / Ю.В. Арутюнан. М.: Аспект Пресс, 1999. – 271 с.
6. «А се грехи злые, смертные...»: Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в) / под ред. Н. Л. Пушкаревой. М.: Ладомир, 1999. – 861 с.
7. Атаманов, М. Г. Удмурт нимбугор – словарь личных имен удмуртов / М.Г. Атаманов. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1990. – 396 с.
8. Байбурин, А. К. Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционная культура / А. К. Байбурин // Этнографическое обозрение. – 1985. – №2. – С. 36 – 46.
9. Байбурин, А. К. У истоков этикета / А. К. Байбурин, А. Л. Топорков. Л.: Наука, 1990. – 165 с.
10. Бауэр, В. Энциклопедия символов / В. Бауэр, И. Дюмотц, Головин С. М.: Крон-Пресс, 1998. – 502 с.
11. Бехтерев, В. М. Вотяки их история и современное состояние: Бытовые и этнографические очерки / В. М. Бехтерев // Вестник Европы. – 1880. – Т.4, ч. 7-8. – С. 621-654.

12. Богаевский, П. М. Очерк быта Сарапульских вотяков / П. М. Богаевский // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. – М., 1888. – Вып. III. – С. 14-64.
13. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса / Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1983. – 412 с.
14. Бутовская, М. Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека) / М.Л. Бутовская. М.: Научный мир, 2004. – 440 с.
15. Бух, М. Вотяки (пер. А.Н. Маркина) / М. Бух. Гельсингфорс, 1882. – 185 с.
16. Васильев, С. Ф., Шибанов, В. Л. Под тенью зэрпала (дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов) / С.Ф. Васильев, В.Л. Шибанов. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1997. – 304 с.
17. Васюра, С. А. Психология коммуникативной активности человека: Монография / С.А. Васюра. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2006. – 299 с.
18. Ваткалэн гурьёсыз: Кылбуръёс, поэмаос, басняос, веросьёс, пьесаос, гож-тэтъёс, статьяос. – Ижевск: Удмуртия, 1992. – 320 с.
19. Верещагин, Г. Е. Вотяки Сосновского края. Собрание сочинений в 6 т. Т.1./ Г. Е. Верещагин. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. – 260 с.
20. Верещагин, Г. Е. Старые обычаи и верования вотяков Глазовского уезда Собрание сочинений в 6 т. Т. 3. Кн. 1. / Г.Е. Верещагин. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. – 287 с.
21. Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности. Ч 2. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – 316 с.
22. Визуальные аспекты культуры – 2006: Сборник научных статей. Ижевск: ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», 2006. – 324 с.
23. Владыкин, В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов / В.Е. Владыкин. Ижевск: Удмуртия, 1994. – 384 с.
24. Владыкин, В. Е. Мон. О себе и других, о народах и Человеках, и ... / В.Е. Владыкин. Ижевск: Удмуртия, 2003. – 400 с.

25. Владыкина, Т. Г. Мифология визуального и акустического в коммуникативном поведении удмуртов / Т.Г. Владыкина // Вестник Удмуртского университета. – 2008. – № 5-1. – С. 83-88.
26. Волкова, Л. А. Этнографическое краеведение: учебно-методические материалы в помощь этнологу-краеведу / Л. А. Волкова, Е. В. Попова. Глазов: ГГПИ, 1997 – 51 с.
27. Вопросы теории и истории языка: сборник статей к 100-летию со дня рождения Б. А. Ларина. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1993. – 248 с.
28. Вотяки // Вятские губернские ведомости. Отдел II, часть неофициальная. 1859. № 32. С. 215 – 219.
29. Вятские вотяки // Вятские губернские ведомости. 1861. №№ 10 – 11.
30. Вотяки // Вятские губернские ведомости. 1884. № 101 (19 декабря). С. 3
31. Выготский, Л. С. Избранные психологические исследования / Л.С. Выготский. М.: АПН РСФСР, 1956. – 224 с.
32. Георги, И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Часть I. / И.Г. Георги. СПб., 1776. – с. 55 – 66.
33. Герд, К.П. Вотyak в своих песнях. Гл. 1. Песни о песнях / К.П. Герд // Вотяки. Сборник по вопросам экономики, быта и культуры вотяков. Книга 1. М.: Центральное Издательство Народов Союза С.С.Р., 1926. С. 17-40
34. Гибш, Т. Введение в марксистскую социальную психологию / Т. Гибш, М. Форверг. М.: Прогресс, 1972. – 296 с.
35. Глухов, В. А. Системная реконструкция марийской этнической идентичности: научное издание / В. А. Глухов, Н. Н. Глухова. Йошкар-Ола: Стринг, 2007. – 186 с.
36. Головлева, Е. Л. Основы межкультурной коммуникации / Е.Л. Головлева. Ростов-на-Дону: Фнеикс, 2008. – 222 с.
37. Горелов, И. Н. Невербальные компоненты коммуникации / И.Н. Горелов. М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2009. – 103 с.

38. Горелов, И. Н. Основы психолингвистики /И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2001. – 304 с.
39. Гришаева, Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации / Л.И. Гришаева. М.: Academia, 2006. – 331 с.
40. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / сост. и общ. ред. А. И. Куркчи. М.: Институт ДИ-ДИК, 1997. – 640 с.
41. Демидов, О. В. Инвективная лексика в СМИ (на примере политического журналистского дискурса) / О. В. Демидов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2004. – Т. 11. – №11. – С. 90-94.
42. Дорошевский, В. Элементы лексикологии и семиотики / В. Дорошевский. М.: Прогресс, 1973. – 288 с.
43. Жельвис, В. И. К вопросу о характере русских и английских лакун / В. И. Жельвис // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1977. – С. 296-312.
44. Жельвис, В. И. Поле брани / В.И. Жельвис. М.: Ладомир, 2000. – 349 с.
45. Жельвис, В. И. «Грубость»: проблема классификации лексики / В. И. Жельвис // Вопросы психолингвистики. – 2008. – №7. – С. 109-113.
46. Заворотищева, Н. С. Инвективные обозначения недостатков умственного развития / Н. С. Заворотищева // Вестник Университета Российской академии образования. – 2010. – №3. – С. 35-37.
47. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по филол. специальностям / А.А. Залевская. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2000. – 382 с.
48. Звегинцев, В. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа / В. Звегинцева // www.clasess.ru/grammar/148.new-in-linguistics1/source/worddocuments/_15.htm
49. Зверева, Т. Р. Отражение национального характера в фразеологической картине мира / Т. Р. Зверева // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: Международная научная конференция. – Ижевск, 2002. – С. 320-327.

50. Ильин, М. И. Похороны и поминки вотяков Белебеевского района Башкирской Республики / М.И. Ильин // Вотяки. Сборник по вопросам экономики, быта и культуры вотяков. Книга 1. М.: Центральное Издательство Народов Союза С.С.Р., 1926. – С. 62-68.
51. Ильясов, Ф. Н. Мат в три хода (опыт социологического исследования феномена нецензурной брани) / Ф.Н. Ильясов // Человек. – 1990. – № 3. – С. 54-58.
52. Ионин, Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие / Л.Г. Ионин. М.: Логос, 2000. – 280 с.
53. Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: Материалы международной научной конференции к 30-летию Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск: Издательство Института экономики и управления УдГУ, 2002. – 431 с.
54. Каган, М. С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений / М.С. Каган. М.: Политиздат, 1988. – 319 с.
55. Кадар, Д. Контуры уральской философии / Д. Кадар. М.: Academia, 2006. – 276 с.
56. Кардинская, С. В. Удмурты об этнической идентичности (опыт пилотажного исследования) / С.В. Кардинская // Социс. – 2005. – №5. С. 100-105.
57. Кассирер, Э. Философия символических форм // Антология культурологической мысли / авт.-сост. С. П. Мамонтов. М.: РОУ, 1994. – 352 с.
58. Категория родства в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2009. – 312 с.
59. Кибардин, Н. В. Вотяки как предмет исследования / Н.В. Кибардин // Вятские губернские ведомости. 1897. №84 (22 октября), № 85 (25 октября).
60. Китаев-Смык, Л. А. Сексуально-вербальная защита и агрессия (матерная речь и матерная ругань) / Л.А. Китаев-Смык // Речевая агрессия в современной культуре: Сб. науч. статей. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2005. – С. 17-21.
61. Конечкая, В. П. Социология коммуникаций / В.П. Конечкая. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997. – 304 с.

62. Кошурников, В. Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Этнографический очерк / В. Кошурников // Приложение к Известиям общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете за 1879 г. Казань, 1880. – 44 с.
63. Красильников, А. Г. Философия культуры: способ коммуникации как культуuroобразующий фактор (на материале удмуртской культуры) / А.Г. Красильников. Ижевск: УдГУ, 2008 – 88 с.
64. Крейдлин, Г. Е. Риторика позы // Язык и культура: Факты и ценности: к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / отв.ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 600 с.
65. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 529 с.
66. Крейдлин, Г. Е. Семиотика или Азбука общения: Учеб. пособие / Г. Е. Крейдлин, М. А. Кронгауз. М.: Флинта, Наука, 2004. – 240 с.
67. Крейдлин, Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации / Г.Е. Крейдлин. М.: Языки славянской культуры, 2005. – 224 с.
68. Кузнецов, С. В. Речевой этикет народов Волго-Уралья: Монография / С.В. Кузнецов. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. – 320 с.
69. Кузьмина, Е. Б. Инвективная лексика как проблема психолого-педагогического дискурса / Е. Б. Кузьмина // Вестник Владимирского юридического института. – 2007. – №4 (5). – С. 26-29.
70. Кулаков, А. Е. Междометные инвективы и общие проблемы инвектологии / А. Е. Кулаков // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2011. – Т. 11. – №2. – С. 32-34.
71. Куликов, К. И. Семантика символов и образов древнеудмуртского искусства / К. И. Куликов, М. Г. Иванова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. – 48 с.
72. Курьянович, А. В. Инвективные речевые жанры в пространстве современной межличностной коммуникации / А. В. Курьянович // Вестник Томского государственного университета. – 2005. – №3. – С. 109-113.

73. Лабунская, В. А. Психология экспрессивного поведения / В.А. Лабунская. М.: Наука, 1989. – 135 с.
74. Лагун, А. Е. Невербальное поведение: к методике использования в социологическом исследовании / А.Е. Лагун // Социс. – 2004. – №2. – С. 115-123.
75. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. М.: Наука, 1983. – 536 с.
76. Левин, Ю. И. Об обценных выражениях русского языка / Ю.И. Левин // Russian Linguistics. – 1986. – № 10. – С. 61-72 // www.philology.ru/linguistics2/levin-98.htm
77. Леонтьев, А. А. Языкознание и психология /А.А. Леонтьев. М.: Наука, 1966. – 80 с.
78. Леонтович, О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография / О.А. Леонтович. М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
79. Лесникова, Г. Н. Фразеология удмуртского языка: Автореферат дис... канд. фил. наук. Ижевск, 1994. – 22 с
80. Лотман, Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам VI. Сборники научных статей в честь М. М. Бахтина. Тарту: Издательство Тартуского университета, 1973. – 307 с.
81. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства XVIII – XIX вв / Ю.М. Лотман. СПб.: Искусство-СПб, 1994. – 412 с.
82. Лотман Ю. М. и Тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. – 312 с.
83. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история / Ю.М. Лотман. М.: Языки русской культуры ,1999. – 447 с.
84. Лотман, Ю. М., Успенский, Б. А. Миф – имя – культура / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский // Труды по знаковым системам. VI. Сб. научных статей в честь М. М. Бахтина. Тарту: Издательство Тартуского университета, 1973. – 307 с.
85. Луппов, П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века / П.Н. Луппов. СПб., 1901. – 334 с.

86. Максимов, В. А. Вотяки. Краткий историко-этнографический очерк / В.А. Максимов. Ижевск: Удкнига, 1925.– 126 с.
87. Малиев, М. Антропологический очерк вотяков / М. Малиев // Ксерокопия из кн.: Труды общества естествоиспытателей при казанском университете. Т. IV. Вып. 2. – Казань, 1870. – 17 с.
88. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. Минск: Тетра Системс, 2004. – 255 с.
89. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев / Н.Б. Мечковская. М.: Аспект Пресс, 1996. – 207 с.
90. Мечковская, Н. Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов / Н.Б. Мечковская. М.: Агенство «ФАИР», 1998. – 352 с.
91. Мечковская, Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций. Учеб. пособ. для студ. филол, лингв. фак. высш. учеб. заведений / Н.Б. Мечковская. М.: Академия, 2004. – 432 с.
92. Мид, Дж. Г. Сознание, самость и общество / Дж. Г. Мид // Современная американская социология // www.soc.lib.ru/
93. Мизис, И. Ю. Денотативный и коннотативный компоненты в семантике инвективных слов / И.Ю. Мизис // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – №9. – С. 223-227.
94. Миллер, Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков / Г.Ф. Миллер // Оттиск из календаря за 1896 г. (копия). – С. 29-51.
95. Митин, А. Н. Тот, кто первым обругал соперника, заложил основы современной цивилизации / А. Н. Митин // Бизнес, менеджмент и право. – 2009. – №3 (20). – С. 29-34.
96. Михайлин, В. Ю. Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции / В.Ю. Михайлин. М.: НЛО, 2005. – 540.
97. Мосс, М. Техники тела // Этнология. История этнологической и антропологической мысли: Антология. / авт.-сост. Д. Г. Касимова. – Глазов, 2008. – 508 с.

98. Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. – М.: Наука, 1982. – 152 с.
99. Никитина, Г. А. Народная педагогика удмуртов / Г.А. Никитина. Ижевск: Удмуртия, 1997. – 136 с.
100. Николаева, Т. М., Успенский, Б. А. Языкознание и паралингвистика. Лингвистическое исследование по общей славянской типологии / Т.М. Николаева, Б.А. Успенский. М.: Наука, 1966. – С. 63-74.
101. Об этнической психологии удмуртов. Сборник статей / Сост. и отв. ред. Г. К. Шкляев. – Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 143 с.
102. Островский, Д. Н. Вотяки Казанской губернии / Д.Н. Островский // Труды общества естествоиспытателей при Казанском университете. Казань, 1873. – Т. 4. Вып. I. – 48 с.
103. Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства (пер. В. Зуев). Часть III. (копия) / П.С. Паллас. СПб.: Императорская академия наук, 1788. – 24 с.
104. Первухин, Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз I. Древняя религия вотяков по ее следам в современных преданиях / Н.Г. Первухин. Вятка: Издательство губернского статистического комитета, 1880. – 101 с.
105. Первухин, Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз III. Следы языческой древности в образах произведений устной народной поэзии вотяков / Н.Г. Первухин. Вятка: Издательство губернского статистического комитета, 1888. – 83 с.
106. Первухин, Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз III. Молитвы. Песни. Пословицы. Загадки. / Н. Г. Первухин // Календарь Вятской губернии на 1889. Вятка, 1888. – С. 85-166.
107. Первый всероссийский съезд фольклористов: сборник докладов. Т.3. – М.: Государственный республиканский центр фольклора, 2005. – 438 с.
108. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. СПб.: Питер, 2005. – 408 с.

109. Петров, А. Н. Удмуртский этнос: проблемы ментальности / А.Н. Петров. Ижевск: Удмуртия, 2002. – 144 с.
110. Пивонова, Н. Е. Кросскультурные коммуникации / Н.Е. Пивонова. СПб.: ИВЭСЭП Знание, 2008. – 66 с.
111. Пиз, А. Язык телодвижений / А. Пиз. М.: Эксмо, 2006. – 414 с.
112. Плутсер-Сарно А. Определение понятия «мат» / А. Плутсер-Сарно // plutser.ru/mat_definition.
113. Поздеева, И. П., Трофимова, Е. Я., Троянов, В. И. Национально-культурная специфика постулатов речевого общения удмуртов /И.П. Поздеева, Е.Я. Трофимова, В.И. Троянов // Традиционное поведение и общение удмуртов. Сборник статей. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. – С. 171-181.
114. Привалова, И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) / И.В. Привалова. М.: Гнозис, 2005. – 472 с.
115. Проблемы языкового образования в русле глобальных реформ: Сборник научных статей. – Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2006. – 294 с.
116. Прохоров, Ю. Е., Стернин, И. А. Русские: коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 328 с.
117. Прохоров, Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев /Ю.Е. Прохоров. М.: КомКнига, 2006. – 224 с.
118. Пукроков, Ф. П. К вопросу о национальном характере удмуртов / Ф. П. Пукроков Ф. П. // Вестник Удмуртского Университета. – 1992. – №6. – С. 80 – 84.
119. Рычков, Н. П. Журнал или дневные записки Путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769 и 1770 году / Н.П. Рычков. СПб.: Императорская Академия Наук, 1770. – С. 156 – 182.
120. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии. В 2 т. Т II / С.Л. Рубинштейн. М.: Педагогика, 1989. – 322 с.

121. Русские писатели об Удмуртии. XVIII в. – начало XX века. – Ижевск: Удмуртия, 1987. – 159 с.
122. Садохин, А. П., Грушевицкая, Т. Г. Основы этнологии: Учебник для студ. высш. учеб. заведений /А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 304 с.
123. Садохин, А. П. Грушевицкая, Т.Г. Культурология. Теория культуры / А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая. – М.: ЮНИТИ, 2004. – 364 с.
124. Салаяев, В. А. Карнавальная разгерметизация аргос как предпосылка формирования сленга / В. А. Салаяев // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – №2-1. – С. 286-291.
125. Сергеева, А. В. Русские: стереотипы, традиции, ментальность / А.В. Сергеева. М.: Флинт-Наука, 2005. – 328.
126. Ситарам, К., Когделл, Г. Основы межкультурной коммуникации / К. Ситарам, Г. Когделл // «Человек». – 1992. – №№2-6.
127. Смирнов, И. Н. Вотяки. Историко-этнографический очерк / И.Н. Смирнов. Казань: Типография императорского университета, 1890. – 308 с.
128. Современный городской фольклор. – М.: Рос. гуманитар. ун-т, 2003. – 736 с.
129. Солдатова Г. У. Межэтническое общение: когнитивная структура этнического самосознания / Г. У. Солдатова // Познание и общение. М.: Наука, 1988. С. 111 – 125.
130. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики /Ф. Соссюр. М.: Издательство «Логос», 1998. – 296 с.
131. Социальная психология: Практикум / под. ред. Т. В. Фоломеевой. М.: Аспект Пресс, 2006. – 480 с.
132. Социальный мир человека: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Человек и мир: социальное поведение личности в изменяющемся мире», 15 – 16 января 2007 г. / под ред. М. М. Кашапова, Д. Е. Львова. Ижевск: ERGO, 2007. – 300 с.
133. Стернин, И. А. Модели описания коммуникативного поведения /И.А. Стернин. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2000. – 27 с.

134. Стернин, И. А. Невербальные средства и успешность межкультурного диалога / И. А. Стернин // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности. Ч.2. / под общ. ред. Л. И. Гришаевой. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – С. 118-147.
135. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. М.: Аспект Пресс, 2006. – 386 с.
136. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. М.: СЛОВО/SLO2000. – 261 с.
137. Трессидер, Дж. Словарь символов / пер. С. Палько. М.: Фаир-пресс, 1999. – 444 с.
138. Трофимова, Е. Я. Как сложилась кухня удмуртов. Блюда удмуртской кухни / Е.Я. Трофимова. Ижевск: Удмуртия, 1991. – 171 с.
139. Удмуртия: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы функционирования родных языков», посвященная 85-летию государственности Удмуртии, 25-28 октября / ред. Н. К. Коробейникова, М. Ю. Малышев. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2005. – 340 с.
140. Удмурты: историко-этнографические очерки/ научный ред. В. В. Пименов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. – 392 с.
141. Успенский, Б. А. Этюды о русской истории / Б.А. Успенский. СПб.: Азбука, 2002. – 474 с.
142. Успенский, Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии / Б.А. Успенский // Избранные труды. Т. 2. – М.: Языки русской культуры, 1994. – 780 с.
143. Утехина, А. Н. Межкультурное образование молодежи в полиэтничном регионе (на примере Удмуртской Республики): Монография / А.Н. Утехина. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2006. – 150 с.
144. Философский словарь / под. ред. Н. М. Ланды. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 839 с.

145. Фольклор и этнография удмуртов: обряды, обычаи, поверья. – Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1989. – 172 с.
146. Фрейд, З. Я и Оно / З. Фрейд. М.: ЭКСМО, 2005. – 864 с.
147. Холл, Э. Язык тела: Как понять иностранца без слов / Э. Холл. М.: Вече, 1995. – 432 с.
148. Хотинец, В. Ю. Этнические стереотипы: гендерный аспект (на примере доминантных народов УР) / В. Ю. Хотинец // Вестник Удмуртского Университета. Философия. Психология. Педагогика. – Выпуск 2. – 2008. – С. 3-16.
149. Хотинец, В. Ю. Психологические и культурные факторы этнотипического поведения / В.Ю. Хотинец // Российская академия наук, психологический журнал. – Том 26. – №2. – М.: Наука, 2005. – С. 33-44.
150. Хотинец, В. Ю. Этническая самоидентификация в структуре этнического самосознания / Хотинец В. Ю. // Вестник Удмуртского Университета. – 1999. – № 4. – С. 7-15.
151. Христолюбова, Л. С. Семейные обряды удмуртов (традиции и процессы обновления) / Л.С. Христолюбова. Ижевск: Удмуртия, 1984. – 128 с.
152. Христолюбова, Л. С. Калык сямьесты чакласа: дышетскисьёслы краеведения юрттэт / Л.С. Христолюбова. Ижевск: Удмуртия, 1995. – 212 с.
153. Чернышев, А. В. Современная советская мифология / А.В. Чернышев. Тверь: Пять вечеров, 1992. – 250 с.
154. Шкляев, Г. К. Межэтнические отношения в Удмуртии: опыт историко-психологического анализа / Г.К. Шкляев. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 213 с.
155. Шкляев, Г. К. Очерки этнической психологии удмуртов: Монография / Г.К. Шкляев. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. – 300 с.
156. Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб.: Наука, 1991. – 320 с.
157. Этнические стереотипы поведения / под. ред. А. К. Байбурина. Л.: Наука, 1985. – 325 с.
158. Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. – 297 с.

159. Этнопсихоллингвистика / авт.-сост. Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковин и др. М.: Наука, 1988. – 190 с.
160. Этнос – Культура – Человек: Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 60-летию В. Е. Владыкина. Ижевск: АНК, 2003. – 504 с.
161. Юнг, К.-Г. Человек и его символы / К.-Г. Юнг // [www/apena.ru/](http://www.apena.ru/).
162. Язык и действительность: сб. науч. тр. памяти В. Г. Гака. М.: URSS, 2007. – 633 с.
163. Язык жестов: Происхождение языка жестов. Специфика русских жестов / сост. А. А. Мельник. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. – 448 с.
164. Язык и культура: Факты и ценности: к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / отв.ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. М.: Языки славянской культуры, 2001. – 600 с.
165. Язык и мы. Мы и язык: Сборник статей памяти Б. С. Шварцкопфа / отв. ред. Р. И. Розина. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2006. – 546 с.
166. Alan Sade. Современная американская социология // www.soc.lib.ru/

Вопросник «Коммуникативное поведение и опыт межкультурного общения»*

Общие сведения об информанте

1. Ф. И. О., пол, год, рождения, образование, место рождения, профессия.
2. Считаете ли Вы себя удмуртом?
3. По каким признакам Вы относите себя к удмуртам (родители-удмурты, место рождения, знание языка, знание традиций и т.д.)?

Общение с малознакомыми, незнакомыми и иностранцами

1. Каким образом происходит знакомство?
2. Кому принадлежит инициатива в знакомстве: мужчине или женщине?
3. Кто чаще вступает в разговор с незнакомыми: мужчины или женщины; русские, татары или удмурты; молодёжь или люди старшего поколения?
4. Как Вас учили ваши родители, и каким образом Вы поступаете сейчас?
5. С кем Вам легче знакомиться с человеком одной национальности или проще найти общий язык с представителем другой национальности?
6. Свободно ли Вы вступаете в разговор с незнакомыми Вам людьми? Что может послужить поводом для начала разговора с незнакомцем?
7. Какие темы разговора считаются обычными между незнакомыми людьми (в очереди, при ожидании приёма у врача)?
8. Разговаривают ли с незнакомыми людьми дети?
9. Насколько откровенным можете быть в общении с незнакомым человеком? О чём можно говорить?
10. Допустим ли юмор в разговоре? В каких случаях и в отношении каких категорий лиц его можно использовать, а в каких стоит воздержаться?
11. Допустимо ли пользоваться прозвищами во время разговора? К кому можно обратиться, используя прозвища (к незнакомому, другу, начальнику, коллеге, женщине, мужчине)?
12. Стараетесь ли Вы побыстрее сблизиться с собеседником, преодолеть рамки официального общения?

13. Можете ли вы свободно вступить в разговор с иностранцем?

Общение между мужчиной и женщиной

1. Есть ли ограничения на тематику общения между мужчинами и женщинами?
2. Какие темы являются чисто мужскими, а какие чисто женскими?
3. Принято ли, чтобы мужчина помогал женщине: а) при выходе из транспорта, б) нести тяжелые вещи?
4. Какими способами мужчина может показать в общении с женщиной своё уважение к ней?
5. Какие слова, анекдоты, шутки нельзя произносить в присутствии мужчин/женщин?
6. Принято ли уступать место женщинам в общественном транспорте?
7. Кто чаще всего первый начинает разговор: мужчина или женщина?
8. Есть ли специфические мужские или женские позы? Какие из них наиболее допустимы в смешанном разговоре?

Общение с соседями

1. Принято ли общаться с соседями?
2. Какие темы обычно обсуждаются?
3. Где больше общаются с соседями: а) в городе б) в деревне?
4. Можно ли заходить к соседям в гости без приглашения?
5. С какими просьбами можно обращаться к соседям?
6. Принято ли вмешиваться в поведение соседей в сфере их семейной жизни?

Общение в гостях

1. Как Вы относитесь к обычаю гостеприимства?
2. Как нужно приглашать в гости?
3. Когда нужно отказываться от приглашения, а в каких ситуациях его нужно принимать?
4. Можно ли женщине приглашать в гости мужчину и наоборот?
5. Когда ходят в гости? Что обычно берут с собой?

6. Какие правила поведения существуют для гостя, хозяина?

Характер коммуникации

1. Каким образом принято поддерживать контакт (использовать дополнительные вопросы, поддерживающие реплики и т.д.)?
2. Можно ли перебивать собеседника в процессе разговора?
3. Каким образом можно остановить контакт?
4. Как дать понять собеседнику, что вы не хотите продолжать разговор (смена темы, контакт взглядом, молчание, пауза)?

Язык жестов, мимики

1. Существуют ли способы выражения при помощи мимики согласия, несогласия, сомнения и т.д.? Какие?
2. Есть ли жесты, сопровождающие речь, но не имеющие самостоятельного значения?
3. Какие жесты можно использовать в диалоге самостоятельно? (например, пожатие плеч обозначает «не знаю»)
4. Часто ли Вы прибегаете к жестикуляции? В каких случаях? Какие примеры Вы можете привести?
5. Как Вы относитесь к тем людям, которые часто прибегают к жестикуляции?
6. Какие жесты и мимику Вы используете, когда:
 - а) подзываете, приглашаете;
 - б) запрещаете что-либо делать;
 - в) угрожаете;
 - г) утверждаете или наоборот сомневаетесь (отрицаете);
 - д) спрашиваете;
 - е) что-либо просите?
8. Существуют ли какие-либо требования, касающиеся взгляда?
9. Приняты ли формы телесного контакта (похлопывание по плечу, спине и т.д.)? По отношению к кому их можно использовать?

** Вопросник составлен автором*

Приложение 2

Анкета «Определение стереотипных представлений»*

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН проводит исследование «Виды коммуникаций в поведенческих стереотипах современных удмуртов». Мы надеемся на Ваше участие и рассчитываем получить обстоятельные и продуманные ответы, от которых будут зависеть итоговые выводы данного научного проекта. Оцените, пожалуйста, по семибалльной шкале (-3,-2,-1,0,1,2,3) насколько, по Вашему мнению, приведенные слева характеристики соответствуют выделенным выше категориям: **-3** – не соответствует, такого никогда не бывает

-2 – бывает крайне редко

-1 – практически не бывает

0 – не знаю

1 – бывает иногда

2 – чаще всего да

3 – абсолютное соответствие

При несовпадении впишите в левый столбик слова, которыми принято обозначать выделенные характеристики в вашей местности.

Ваш пол (нужное подчеркнуть) 1.мужской 2. женский

Ваш возраст _____

Место проживания (укажите район или город, в котором вы живете) _____

	уд-мурт	татарин	рус-ский	Мой иде-ал	Мой друг	Мой враг	Я
Парсь (нечистоплотный)							
Ульча чача (болтливый)							
Быжтэм зичы (лживый)							
Комак (корыстный)							
Бурсьись пороз (ворчун)							
Миськем сяртчы (чистю-ля)							
Востэм (стеснительный)							
Туливить (неугомонный)							
Пыч (шустрый)							
Йыртэм чорыг (рассеян-ный)							
Каньыл адями (простой человек)							
Кузили (деловой)							
Небыт сюзэм (добрый)							
Чупырес адями (акти-вист)							
Наж-наж адями (рассуди-тельный)							
Зарни ки (работяга)							
Кустэм кион (лентяй)							

* Анкета составлена автором

Верификация описания коммуникативного поведения*

Удмурты, в отличие от русских и татар, характеризуются следующими признаками коммуникативного поведения
(в графах 1 и 2 просьба ставить знак +, в графе 3 просьба дать полный ответ)

Признак коммуникативного поведения	1	2	3
	Да, это так	Чаше всего это так, обычно это так	Это бывает при особых условиях, при общении с • Молодыми, среднего возраста, пожилыми • В городе, в деревне • С незнакомыми, с коллегами, с друзьями, в семье • В официальной обстановке • С равными, нижестоящими, вышестоящими • С ровесниками, с младшими, со старшими
Медленный темп речи			
Невысокая громкость			
Неэмоциональность			
Немногословие			
Сдержанная манера ведения беседы			
Напевная интонация			
Четкое произношение			
Скупая мимика			
Незначительная роль юмора в общении			
Улыбчивость			
Сдержанное выражение лица			
Удлиненные паузы в разговоре			
Маловыразительная речь			
Холодный взгляд			
Доминирование разговора «по делу»			
Молчаливое, пассивное восприятие информации, выслушивание			
Не перебивают собеседника			
Нежелание вступать в общение с незнакомыми			
Стремление избежать публичного несогласия			
Нежелание вступать в контакт с иностранцами			
Тщательный контроль над своей речью на чужом языке			
Избегание взгляда собеседника			

* Источник: Прохоров, Ю. Е., Стернин, И.А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 82 – 86.

Знаки удмуртской коммуникации

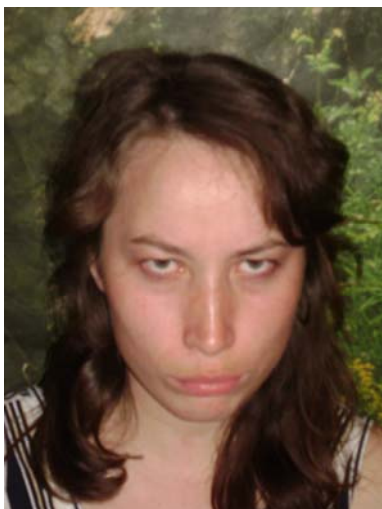

Фото 1. Нахмуренные брови – признак недовольства

Фото 2. Отрицательные эмоции

Фото 3. Удивление

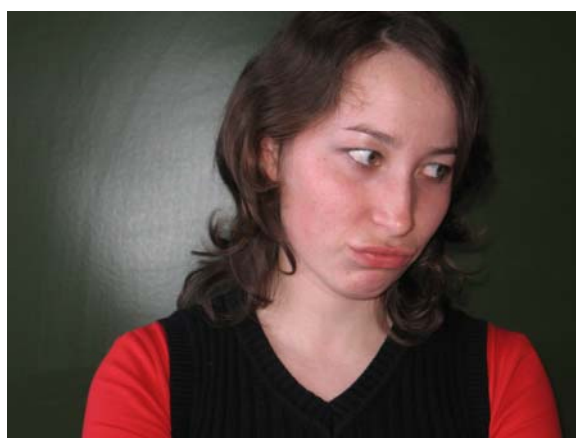

Фото 4. Разочарование

Фото 5. Сомнение в достоверности речи собеседника

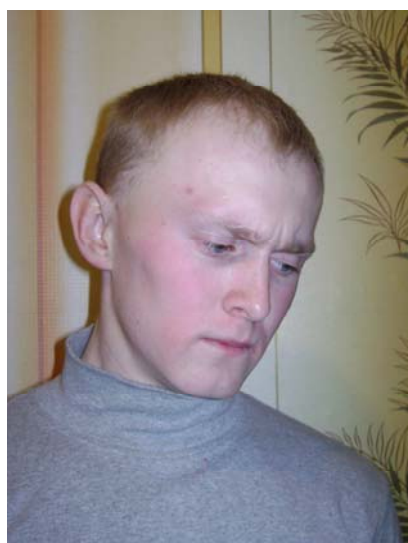

Фото 6. Смушение

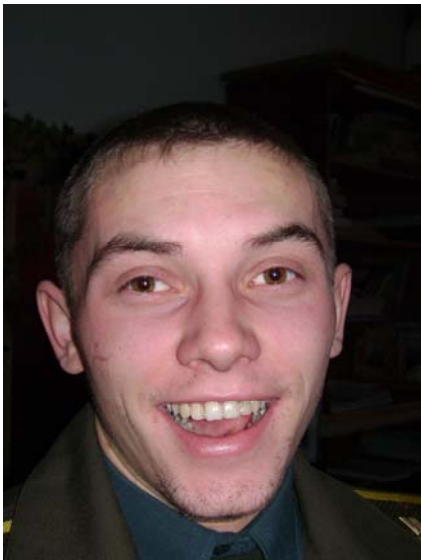

Фото 7. Улыбка – выражение доброжелательности

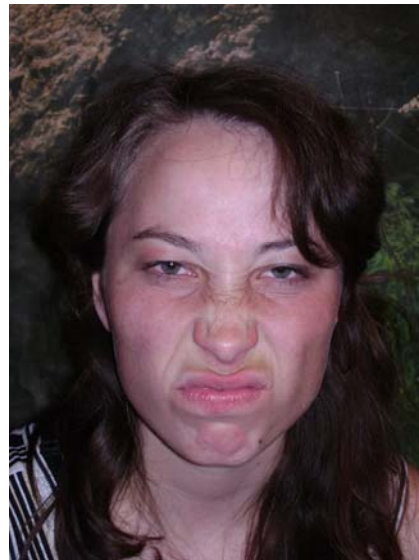

Фото 8. Сморщенный нос – признак недовольства

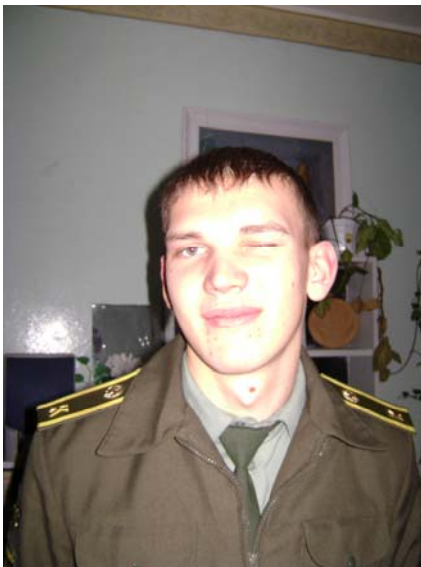

Фото 9. Подмигивание

Фото 10. Смушение

Фото 11. коммуникативное поведение удмуртов в многолюдных местах

Фото 12. Озадаченность словами собеседника

Фото 13. Движение кистями – уверенность в своих словах

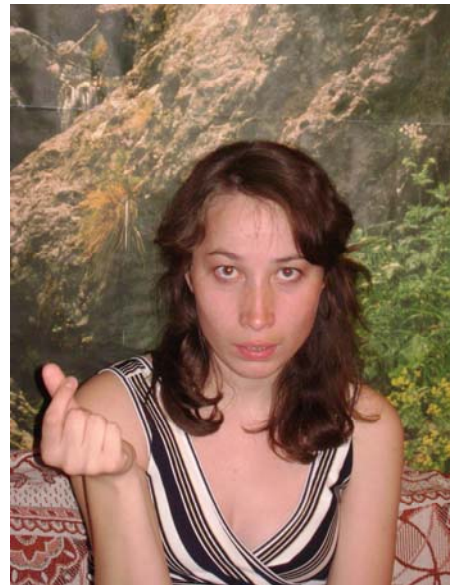

Фото 14. Значение жеста - деньги

Фото 15. Значение жеста – всё отлично

Фото 16. Значение жеста - мольба

Фото 17. Значение жеста – всё хорошо

Фото 18. Просьба остановиться

Фото 19. Просьба говорить тише

Фото 20. Значение жеста – «не знаю»

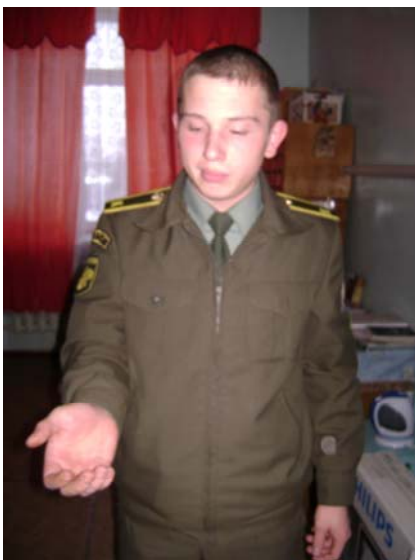

Фото 21. Жест просьбы

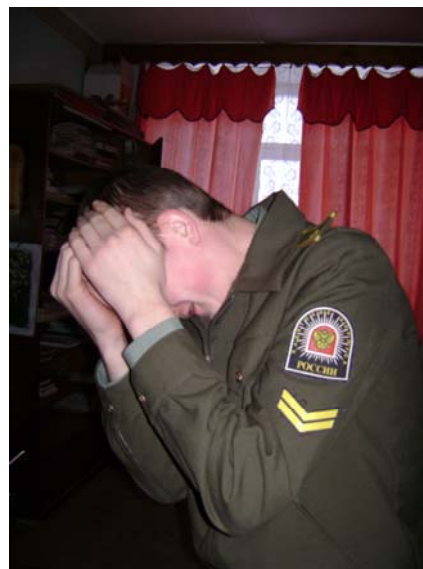

Фото 22. Жест страха

Фото 23. Жест открытости

Фото 24. Жест сожаления и собственного бессилия

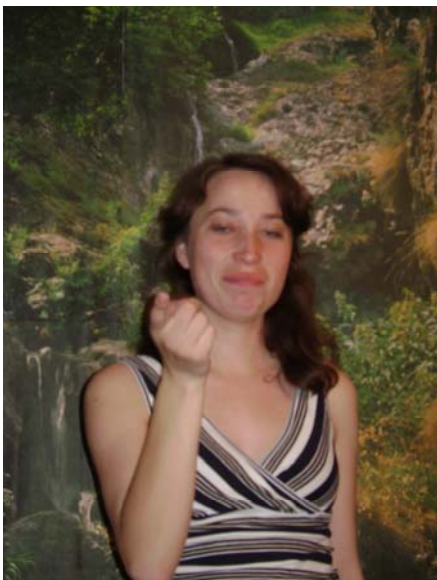

Фото 25. Реакция на удачную шутку

Фото 26. Реакция на недогадливость собеседника

Фото 27. Значение жеста – моральная поддержка

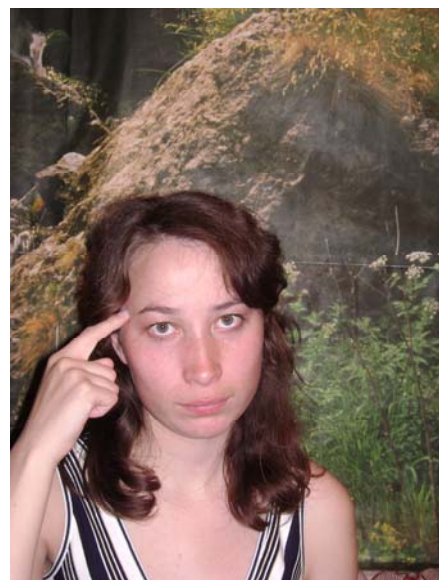

Фото 28. Указание на умственную неполноценность собеседника

Фото 29. Пренебрежение

Фото 30. Жест, указывающий на объект разговора

Фото 31. Подзывание к себе
надоели

Фото 32. Значение жеста – слова собеседника

Фото 33. Жест, указывающий на то, что слова
собеседника надоели

Фото 34. Удивление

Фото 35. Значение жеста – «зуб даю»

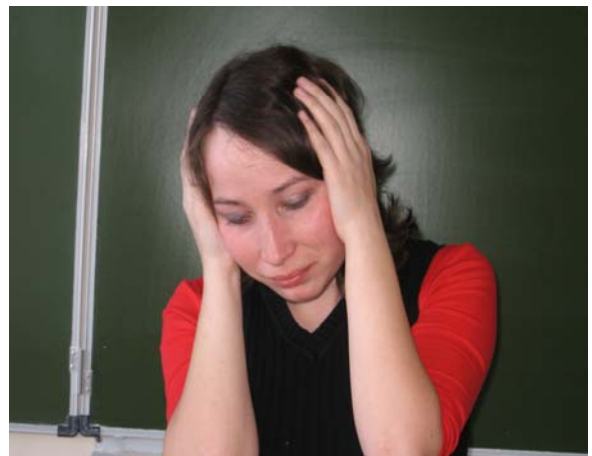

Фото 36. Досада

Фото 37. Игровой жест

Фото 38. Игровой жест

Фото 39.

Хожение под ручку во все времена типично женский жест

Фото 40 НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. ФД. Оп. 1. 3572

Фото 41. Кукиш

Фото 42. Жест «скрещенные пальцы»

Фото 43. Жест агрессии

Фото 44. Намёк на соитие

Фото 45. Жест агрессии

Фото 46. Жест агрессии

Фото 47. Я тебе позвоню /
перезвони мне

Фото 48. Значение жеста - выпивка

Фото 49. Жест «пальцы веером»

Фото 50. Позиция удмурта в привычной обстановке

Фото 51. НОА УИИЯЛ Уро РАН. РФ. ФД. Оп. 1. 4882. Скрещенные жесты

Фото 52. НОА УИИЯЛ Уро РАН. РФ. ФД. Оп. 1. 4883. Скрещенные жесты